

БЕЛЫЙ КИТАЙ

КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЬИ



САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТУЛБИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕН КОЛАУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СЧЕТОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЯ 8	КОНАН ПРИВЧАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИРЫ 11	КОНАН И НОЧЬ КАИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРИДУШЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕПТАЛА 18
КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕВНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАДЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПУРГАКИ ПРОДАЮЩЕГО 23	КОНАН И ВОИШЕСТВО ПРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КУЖИМЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПАВНИКИ БЕЗДНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И КАМАЗЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКАТЫВАЮЩЕГО ИДОЛА 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И АДАМНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕДАНИИ 35	КОНАН И АДАМЪ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВАЛДЫИ НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕТО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОСЯИ ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54
КОНАН И СЛЫШАЮЩЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56	КОНАН И ОКАП ХАССА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕРПАНТИН ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАИБОРИИ 61	КОНАН И ВОДЯНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛНИТЕЛЯ 63

Роман

КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЬИ



ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2004

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.02.04.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино».

Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 000 экз. Заказ 1037.

Конан и чары колдуньи: Сб. / Д. Брайан, А. По-
К64 тар. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-
Запад Пресс», 2004. — 429, [3] с. — (Конан).

ISBN 5-17-023409-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93699-222-8 («Северо-Запад Пресс»)

Величайший из героев Хайборийского мира неистовый Конан-
кимериец продолжает скитаться по свету в поисках приключений и
наживы. От золотых копей заснеженного Севера до жарких джунглей
Куша, от бескрайних морей до жарких пустынь — повсюду гремит
его имя, и враги трепещут, когда неукротимый варвар встает у них на
пути.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский,
серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003



В Стигии не только маги



У границы Кешана и Стигии, у отро-
гов гор, что скрывают в своем сер-
дце большой город Алкменон, стоит
маленький городишко — Куранак.
Больше половины жителей в нем —
стигийцы, хотя считается, что он
расположен на территории Кешана. Городок этот
торговый, но какой-то невеселый; не бывает там
ни разудалых ярмарок, ни праздников, ни осо-
бенно оживленного обмена товарами. Купцы
проезжают его быстро — торопятся попасть в
Птейон или Сухмет. Но все же чужаки здесь не
редкость, и в городе имеются целых два постоя-
лых двора.

На одном из них, том, что похуже и поближе
к окраине города, сидели тем вечером сразу двое
постояльцев: огромного роста варвар со смоля-
ными волосами и синими глазами и невысокий,



верткий, смуглый человек, который даже в помещении не стал снимать с себя доспеха.

Варвар больше слушал, время от времени вставляя «хм!», а человек говорил без умолку. Видимо, о чем-то любопытном для своего собеседника болтал он, потому что киммериец ни разу не прерывал его, не заревел «клянусь Кромом, ты меня утомил» — или что-то в этом роде. Хотя трактирщик поначалу ожидал именно этого.

С облегчением убедившись в том, что оба его постояльца, несмотря на полную противоположность характеров, сошлись вполне по-дружески и что вина им хватит еще на половину ночи, когда их, вероятно, сморит сон, трактирщик удалился на покой. А собеседники остались возле очага и продолжили свою беседу.

Второй путешественник был стигиец. Поначалу, когда они с киммерийцем только-только встретились на этом постоялом дворе, они страшно не понравились друг другу.

— Стигиец? — проворчал варвар, трогая свой меч, рукоять которого высывалась из-за могучего плеча.

— Варвар? — прищурился стигиец, поводя плечами особым образом, так что все пластины, нашитые на его кожаный доспех, угрожающе зазвякали, а различные амулеты и подвески на поясе забренчали, точно ковши в посудной лавке во время сильного ветра.

— Лучше уж быть варваром, чем жить в Стигии, среди «цивилизованных» людей, — фыркнул киммериец. — Не будь я Конан-Амра, если мне



когда-нибудь захочется осесть в этой отвратительной стране!

— Говори почтительнее о моей родине! — разозлился маленький стигиец и повыше задрал нос. Черты его смуглого лица были довольно приятные, правильные и тонкие, большие темные глаза влажно блестели, широкие гладкие брови выглядели так, словно их специально смазывали маслом.

— Еще чего! — заявил Конан. — Всем известно, что Стигия — берлога злобных колдунов и обиталище отвратительных демонов. Ничего хорошего не может быть родом из Стигии.

— Да, в Стигии много магов, — отозвался молодой стигиец. — Но не одни только маги населяют эту землю, можешь мне поверить! Кто, по твоему, возделывает стигийские поля? Кто ловит рыбу? Кто производит тонкие стигийские ткани, режет кости и дереву, создает изящные украшения?

— Кто? — заинтересовался Конан. И тут же ответил сам себе: — Вероятно, какие-нибудь несчастные рабы, которых вы вывозите из Черных Королевств или пригоняете с севера.

— Можно подумать, в других странах нет рабов! — задиристо возразил стигиец. — Нет, в нашей стране, поверь мне на слово, много достойных людей. Другое дело, что наши маги действительно преуспели в черных науках и иногда от них нет никакого житья...

— Ладно, — вдруг согласился Конан. — Ты мне нравишься. Станный ты тип.



— Мое имя — Гирадо, — представился стигиец. — Я родился в Луксуре и с детства люблю его башни и таинственные улицы. Знаешь, приятель, там ведь очень красиво.

— Да. А еще — жутко, так мне говорили ребята, которым удалось унести оттуда ноги, — сказал Конан.

— Иногда «жутко» — часть понятия «красиво», — задумчиво отозвался Гирадо.

— Слишком сложно для меня, — проворчал Конан. — Давай лучше ужинать.

За ужином они подружились окончательно. Гирадо оказался замечательным собеседником. Он очень много знал, побывал в десятках городов, проник — как казалось, слушая его рассказы, — в сотни тайн, и обо всем имел собственное мнение.

Он был воином. Конан впервые видел воина-стигийца и не уставал дивиться этому зрелищу. Во-первых, Гирадо был вооружен с головы до ног: на нем был, как уже упоминалось, доспех из очень плотной кожи, с нашитыми медными пластинами, во многих местах помятыми и пробитыми, — очевидно, этот доспех не раз побывал в бою; на левой руке стигиец носил маленький круглый щит, за спиной у него висел лук, на бедре — колчан, за поясом — шесть кинжалов в ножнах, а чуть ниже — короткий и широкий меч, какими пользуются пехотинцы. Имелся еще длинный меч, но он остался лежать в комнате, где остановился путник, вместе с остальными его нехитрыми пожитками — колючим одеялом из



верблюжьей шерсти, котелком, связкой черного вяленого конского мяса и седлом с уздечкой. От своего оружия стигиец даже не подумал избавиться, когда спускался вниз, к очагу, где намеревался плотно пообедать перед сном.

Конан исподтишка разглядывал многочисленные амулеты, которыми стигиец был увешан. По мнению варвара, выглядело это крайне глупо. С другой стороны, низкорослый воин происходил из Стигии, а там знают толк в колдовстве. Возможно, этот парень понимает, для чего ему быть, точно красавица из гарема, с головы до ног в побрякушках.

Они ужинали и разговаривали, а потом, когда с мясом и хлебом было покончено, принялись за вино и уничтожили немалое его количество. Гирадо рассказывал о своих подвигах. Несколько раз ему удавалось уничтожить монстра. В Стигии, по его словам, полным-полно монстров, и он, Гирадо, взялся их изводить.

— Сейчас у меня охота на дичь покрупнее, — признался он наконец, после шестого или седьмого увесистого бокала местного хмельного напитка.

Конан вопросительно поднял бровь.

* * *

По другую сторону границы, в Стигии, в сумрачном лесу Вио шла тайная и страшная жизнь, о которой до поры никому не было известно. Там сохранилось в неприкосновенности племя чело-



векозмей, которых называли с'тарра. Они умели передвигаться с огромной скоростью, подобно своим прародителям-змеям, когда те неслись прямо на добычу, но, в отличие от предков, не ползали на брюхе, но ходили прямо, высоко подняв маленькую узкую голову. Их тела, тонкие и гибкие, чуть извивались при ходьбе — это помогло им удерживать равновесие. Маленькие красные глазки злобно блестели из-под капюшонов. С'тарра носили широкую одежду без рукавов с низко опущенными капюшонами — это позволяло им скрывать свой истинный облик и чувствовать себя уверенными.

Даже в своем лесу они не любили обнажать головы. Между собой они разговаривали, быстро шипя и высовывая дрожащие раздвоенные языки. Их речь была примитивной, но хорошо служила им. Эти существа были созданы в незапамятные времена одним могущественным магом. Давно уже погиб этот маг и забылись его имя и деяния, но злое племя змеелюдей продолжало населять лес Вио. С'тарра почти не размножались; если случалось самке отложить яйца, то их берегли как зеницу ока. Половина змеенышей так и не вылуплялась — они были мертвы изначально, и яйца постепенно протухали. Из оставшихся многие погибали, едва разорвав кожистую скорлупу — их убивали солнце, влажность, ветер. Но десяток явившихся на свет развивался и вскоре вырастал в холодных, сильных, беспощадных магических воинов. С'тарра были созданы идеальными слугами волшебника. Утратив господи-



на, они тосковали, смутно осознавая причину своей тоски. Жизнь их не имела смысла. Они поддерживали ее лишь потому, что это также было заложено в их природе.

Наконец кое-что переменялось.

На окраине леса Вио четверо магов выстроили четыре башни. Об этом мало кому было известно. Здешные края почти необитаемы. Земля неплодородна, поэтому крестьяне не приходят сюда со своими быками и плугами. Среди местных растений нет ни шелковицы для того, кто умеет выделывать тонкие шелковые ткани; ни папируса — для умеющих творить письменные принадлежности. Ничего такого, что привлекло бы сюда посторонних людей.

Идеальное место для уединенных занятий магией. Именно так решили четверо братьев-магов, сыновей Мутэмэнет.

— Ты не знаешь о Мутэмэнет? — блестя глазами, торопливо шептал молодой стигиец, в то время как Конан неспешно поглощал вино, бокал за бокалом, и с удовольствием слушал. — Это была исключительная женщина. Маг. Она знала заклинания из десятков магических книг. Никто даже не подозревал, сколько ей лет. Говорят, больше тысячи... Во всяком случае, не меньше пятисот.

Как она была красива! Длинные черные волосы. Она разбираала их на сотни прядей и кончик каждой пряди помещала в длинную золотую колбочку, а саму прядь перевивала жемчужными нитками. Глаза она красила темно-синей крас-



кой, брови покрывала перламутром, на щеках рисовала красные спирали, а губы...

— Погоди, — перебил вдруг Конан. — Ты описываешь не женщину, а настоящую ювелирную и косметическую лавку. И еще говоришь, что она была красива. Не вижу я что-то красоты.

— Понимаешь, она ослепляла...

— Ты видел ее?

— Нет, но мне рассказывали... Кроме того, мне показывали ее портреты...

— Где? В магической академии?

— Можешь смеяться надо мной, сколько тебе влезет, — надулся молодой стигиец. — Нет, я видел ее портреты на рынке в Луксуре.

— По медяку за штуку? — презрительно фыркнул варвар.

— По три... Какая разница! Будешь перебивать и насмешничать — вообще ничего больше тебе не скажу.

— Сдается мне, речь сейчас пойдет о сокровищах, — сказал варвар проникательно. — Поэтому не буду я больше перебивать тебя. И смеяться не стану. Прости, братец.

— То-то же, — примирительно улыбнулся стигиец. — Ладно, я буду тебе рассказывать так, как рассказывали эту историю мне, а ты слушай и помалкивай. Скоро начнется самое интересное.

Мутэмэнет породила на свет четверых сыновей. Никто не знает, кем был отец этих отпрысков. Поговаривали, будто бог Сет или бог Апоп. Во всяком случае, кто-то очень неприятный. Но она умела обольстить могущественное существо



мужского пола, раздражить его естество и получить желаемое.

Знаешь, Конан, — добавил стигийский воин, — на том же луксурском рынке до меня доходили совсем другие слухи... Будто бы отцом всех этих великих сыновей великой ~~маги~~ Мутэмэнет был какой-то безвестный конюх. Красивый малый и совсем безродный, но храбрец и великий охотник до женщин. Будто бы прекрасная ~~мага~~ увидела его, выглянув в щель между занавесями своих носилок, когда тот оглаживал лошадь, и сказала сама себе: хотела бы я быть этой лошадкой! А парень услышал, как знатная дама высказывает такое пожелание... Результат тебе понятен. Четверо сыновей.

Она родила их одного за другим. Они — четверня. Можешь себе представить? Говорят, Мутэмэнет не захотела тратить лишнего времени на вынашивание каждого ребенка по очереди и магическим способом сделала так, чтобы все ее дети родились, так сказать, в один присест.

Разумеется, она применила могущественную магию. Не знаю уж, в какой книге она это нашла. И не могу тебе точно сказать, что это было: напиток, заклинание, волшебный предмет... В общем, укладываясь на ложе любви с бравым конюхом, мага применила свои чары, и семя зачатия разделилось на четыре части. Такая вот ей пришла фантазия.

— А куда потом делся конюх? — заинтересовался Конан.

— Неизвестно. Может быть, она его съела.



Был такой слух, что Мутэмэнет умеет превращаться в змею. Одни говорили — в крылатую, другие — в огненную. Во всяком случае, в одной своей ипостаси эта женщина — монстр.

— Такая женщина в любой ипостаси — сущий монстр, — проворчал Конан. — Я бы ее зарубил, не раздумывая.

— Кожа у нее медная, — сказал Гирадо. — Это точно. Общеизвестный факт. Впрочем, поговаривают, что конюх, отягощенный дарами, уехал из Стигии и теперь процветает не то в Офире, не то в Зингаре. Повезло парню.

— Наверное, до сих пор плюется и на женщин смотреть не может, — предположил Конан.

Гирадо пожал плечами.

— Вот уж это — точно не наша с тобой забота. Итак, предприимчивая мага родила сразу четверых сыновей. Но то ли она ошиблась в расчетах, когда применяла во время зачатия свою магию, то ли это входило в правила игры — не знаю уж, да только каждый из ее сыновей принадлежал только одной стихии: старший — земле, второй — воде, третий — воздуху, четвертый — огню. Вся магия, которая была им подвластна, имела отношение только к одной из стихий; да и характер, телосложение, способности — словом, все было несколько однобоким. Один был плотный, черно-волосый, туповатый и упрямый. Второй — синюшный, отечный, с выпученными голубыми глазами, неопределенный, со странными приступами гнева, которые сменялись глубокой меланхолией. Третий — совершенно белый, как червяк,



с длинными и истонченными конечностями, с хрупкими костями, огромным ртом и раздутым животом. Этот обладал, кроме всего прочего, неприятной особенностью испускать газы. Противный тип, ничего не скажешь. Погодой повелевал, как божество, но во всем остальном... И очень капризный.

— А огненный? — заинтересовался Конан.

— Чернокожий и огненно-рыжий, как ты понимаешь, всегда кипящий злобой и яростью, любитель уничтожать, ломать, крушить. Всегда шел напролом.

Эти четверо деток доставляли своей матери немало трудных минут, но она умела с ними справляться. Потому что, в отличие от них, Мутэмэнет была цельной личностью.

Не думаю, чтобы она много времени потратила на обучение их магическим искусствам, потому что они сами по себе были произведениями магического искусства. Она использовала их в собственных целях. Только не спрашивай меня, каковы эти цели были. Я не умею проникать в тайные мысли людей, даже если это великие маги, о которых судачит вся Стигия. Но уверяю тебя, Мутэмэнет ничего не делала просто так.

На краю леса Вио, который они выбрали ради уединенности, эти существа по приказу своей матери возвели четыре башни и стали учиться там повелевать стихиями. Прошло немало лет, прежде чем с'тарра, обитавшие в глубине леса, прослышали о новых соседях и начали задумываться о том, нужно ли им подобное соседство.



С одной стороны, людям-змеям требовался властелин, истинный маг, который направил бы их темные силы в нужную сторону. Они желали подчиняться.

С другой... С другой стороны, слишком долго они прожили, не зная над собой никакой власти, совершенно свободными, сами себе господа и повелители. Они отвыкли подчиняться.

Единственный господин, чью волю они выполняли охотно — так сказать, в силу своей естественной природы, — давно уже умер. А чего ожидать от новых магов? Не будут ли распоряжения этих неизвестных новых господ глубоко противны всей сущности с'тарра?

Ответов на свои вопросы они не получили. И затаили глубокую темную злобу. Нет, им не нужны по соседству маги с их башнями. Они не желают служить каким-то непонятным магам четырех стихий.

Маги, насколько было известно с'тарра — а этим существам, несмотря на всю их примитивную, полуживотную природу, о магии и чарах известно, поверь мне, очень многое! — имеют обыкновение вторгаться в природу магических, искусственно созданных существ и изменять их по собственному усмотрению. История о том, как были изменены змеи, осталась в памяти с'тарра как нечто удивительное, страшное и болезненное. Им не хотелось повторения.

Им хотелось тихо жить в своем уединенном лесу, вдали от всех, и выводить немногочисленное потомство.



От магов слишком уж много шума и беспокойства.

А затем им на ум пришла еще одна мысль. Надо тебе сказать, что мысли у с'тарра всегда простые, но сильные и определенные. Так мыслят все животные. Сначала они видят добычу, потом выискивают способ напасть на нее, а когда определено и то, и другое — нападают, больше ни на что не отвлекаясь. Так же поступили и с'тарра. Они пожелали возвести вокруг своего леса большую стену и наложить на нее заклятие, чтобы никто не осмеливался пересечь эту границу. Для чего им необходимо было изгнать магов и завладеть теми волшебными предметами, которые наверняка имеются в четырех башнях.

И в одно страшное утро все четверо сыновей Мутэмэнет вместе с их прекрасной и ужасной матерью проснулись от странного звука. Все кругом шипело и шелестело, как будто вся листва опала со всех деревьев, какие только растут в Стигии, и прилетела шуршать под стены башен. Ради этой битвы все с'тарра расстались со своими плащами и явили солнечному свету свои тела, покрытые грубой сероватой чешуей. Они неустанно подкапывали башни, некоторые лезли вверх, вооруженные кинжалами и собственными острыми зубами.

— Как ты думаешь, они ядовитые? — спросил Конан, задумчиво ковыряя ножом в зубах.

— Зубы с'тарра? Почти наверняка! — убежденно отозвался молодой стигиец. — В общем, не стану тебе пересказывать все мысли, которые по-



сетили в эти часы головы нападающих, равно как и мозги пяти магов, засевших в башне...

— Да уж, избавь меня, пожалуйста, от этих рассуждений, — согласился Конан. — Что меня интересовало меньше всего на свете, так это сложные соображения, которые терзают извращенный ум какого-нибудь колдуна. По мне так, всем им место в преисподней. Лично я так и поступаю.

— Как? — не понял Гирадо.

— Отправляю их в преисподнюю, — объяснил Конан. — Говорю тебе, это самое лучшее местечко для всякого мага.

— Ну, я как человек, который видит свой долг в уничтожении разного рода монстров... — начал стигийский воин, однако киммериец перебил его:

— Я уже понял, что ты победил парочку монстров. Продолжай рассказ. Когда ты наконец перейдешь к самому главному?

— А что, по-твоему, самое главное?

— Ну, сокровища, разумеется! Ты ведь собираешься наложить лапу на какой-нибудь крупный красивый камешек? Или они закопали там монеты?

— Знаешь что, давай-ка все по порядку. Сперва я расскажу тебе все, что знаю, а потом уже будем решать, стоит ли вообще ввязываться в это дело, — рассудительно проговорил Гирадо.

— Сдается мне, ты уже в него ввязался, — заметил Конан.

— Может быть... Но у меня, возможно, есть на то свои причины, — не стал отпираться Гирадо.



— У меня тоже есть причины, — сказал Конан. — И главная из этих причин — я очень люблю деньги.

— А для чего тебе деньги? — полюбопытствовал молодой стигиец.

— Для всего! — отрезал киммериец. — Я люблю красивых женщин, люблю, чтобы они были красиво одеты, чтобы от них хорошо пахло, чтобы на пальцах у них блестели побрякушки и чтобы эти красивые женщины меня ласкали! Я люблю хорошую еду, добрых лошадей, мне нравится оружие... Да мало ли для чего могут потребоваться деньги! — рассердился он вдруг, сообразив, что стигиец, слушая его, улыбается все шире. — Ты вздумал надо мной насмеяться, а? Ты полагаешь, что ты, такой цивилизованный, сумел бы распорядиться деньгами лучше?

— Возможно, — сказал Гирадо. — Но у меня другая причина. В этом рубине...

— Ага! — хищно возликовал Конан. — Итак, речь идет о рубине. Большом?

— Очень. В этом рубине Мутэмэнет прячет душу моего брата.

— Ну надо же! А с рубином ничего не случится после того, как мы извлечем эту душу? — забеспокоился Конан. — Может быть, освободив душу твоего брата из заточения, мы испортим камень, и он не будет больше стоить ни гроша? — Однако увидев, какое лицо сделалось у его собеседника, Конан перестал смеяться. — Я тебя понял, — сказал он серьезно. — Тебе нужен рубин. Мне он тоже нужен. Когда мы покончим с Мутэ-



мэнет, ее змеенышами и этими зверолоудьми, то заберем камень и поделим его поровну. Тебе — душу, мне — все остальное.

— Я расскажу тебе все по порядку, — опять проговорил стигиец. — И тогда уже будем решать, кому что достанется. Дело куда сложнее, чем тебе кажется.

С'тарра были повсюду. Когда маги поняли, что дело плохо, было уже поздно. Кругом они видели оскаленные пасти и обнаженные кинжалы. Башни дрожали и шатались. С'тарра в силу своей полужмеиной природы отлично умеют копать норы. Они вгрызались в землю, прорывали в ней сотни ходов. Все кругом тряслось и дребезжало. Не было никакого смысла сражаться с врагом магическими средствами — это только ускорило бы падение башен.

Поэтому маги поступили иначе.

Они заперлись каждый у себя и принялись призывать к себе на помощь духов своей стихии. Все вокруг башен пришло в движение — облака, деревья, поднятые в воздух ветки, огненные смерчи... Нам с тобой даже трудно себе представить, что там началось. Из Башни Воды под огромным напором вылетели, разламывая стены, водные духи. Мощные струи разрывали кладку, скреплявшую камни, как будто это была бумага, и устремлялись ввысь. На гребне этих фонтанов восседали странные полупрозрачные существа с перепончатыми лапами и выпученными глазами. Каждое из них вооружено трезубцем. Из их груди вырывалось странное, утробное пение, от которо-



го — можешь мне поверить! — стынет кровь в жилах любого живого существа.

Башню Огня охватил столб пламени. Сперва он устремился ввысь, к небу, но затем изогнулся и опустился к подножию башни. Точно согнутый указательный палец, он преследовал и придавливал к земле расползающихся с'тарра. Там, где он прикасался к их плоти, оставалась только лужица черной дымящейся жидкости. Вся трава вокруг была выжжена, а среди облаков быстро по-
несся густой темный дым.

— Представляю себе, как там воняло! — сморщился Конан. — Ненавижу змей и всех их змеиных божков!

— Я бы на твоём месте не радовался, — остановил его стигиец. — Расправляясь с человекозмеями, маги вызвали сюда, в наш мир, куда более отвратительных существ. Лучше бы уж все оставалось как есть. По крайней мере, тогда каждый сидел в своём лесу или замке и никого не трогал, а теперь все они свободно разгуливают по юго-восточной Стигии, и нет от них спасения.

Из Башни Воздуха с бешеной скоростью начали вылетать различные предметы. Как будто из огромной невидимой пращи кто-то запускал в нападающих подсвечники, кресла, кровати для отдыха, табуреты, подголовники, статуи — словом, всеми предметами обстановки, какие только попадались. Так сражались духи воздуха.

Что касается Башни Земли, то здесь тоже было на что посмотреть. Из-под невысокой скалы,



на которой она стояла, вдруг послышался низкий угрожающий гул. Сразу вслед за тем в воздух взметнулись большие камни, куски слежавшейся земли и обломки скалы. Они поднялись наверх и начали кружиться, медленно складываясь в огромных великанов. Эти великаны были медлительны и не слишком умны, но там, где их гигантская стопа опускалась на землю, оставалась глубокая вмятина, и немалое число нападающих размазаны были по траве.

— И снова — жуткая вонища! — хмыкнул Конан. — Твой рассказ, дружище, явно нуждается в том, чтобы его sprysнули духами. Как насчет красавицы Мутэмэнет, от которой, судя по твоему описанию, так чудесно пахло помадами, притираниями и косметикой? Чем она занималась, пока ее глупые сынки крушили все вокруг, призывая на помощь духов подвластных им стихий?

— Ты прав, древняя, но вечно юная мага не теряла времени даром. Хорошо зная нрав и способности своих сыновей, она заранее покинула башни. Естественно, прихватив с собой несколько важных предметов. Подозреваю, что рубин также до сих пор хранится у нее.

— Стоп, — сказал Конан. — Не так быстро. Давай-ка зайдем немного с другого бока. Кем был твой брат и каким образом его душа оказалась в рубине?

Молодой стигиец замолчал, прикусив губу. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. И Конан не ошибся, предположив, что главной темой раздумий его собеседника был он сам,



киммериец. Стоит ли доверять случайному спутнику, с которым недурно было провести вечерок на постоялом дворе? То есть, конечно, Гирадо уже доверился ему — но не до конца... не до самого конца.

Однако теперь, похоже, придется выкладывать ему все.

— Мой отец был женат несколько раз, — нехотя начал молодой охотник за монстрами. — Понимаешь, о чем я говорю?

— О женитьбе. Старикан был охоч до хорошеньких бабенок, — сказал Конан и рыгнул.

— В принципе, ты прав... Я — самый младший сын его самой последней жены, — сказал Гирадо.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! — рассердился стигиец. — Что ты все время поддакиваешь?

— А разве не так принято у цивилизованных людей? — удивился Конан. — Ну хорошо, я буду молчать.

— Ты же видишь, что мне трудно рассказывать! — проговорил Гирадо. — История... не из самых красивых. Ты кажешься мне человеком надежным... если только ты не монстр, который прикидывается человеком ради того, чтобы выведать все мои тайны...

Тут лицо стигийца изменилось. Брови сдвинулись, глаза сощурились, губы сжались в тонкую линию. Он лихорадочно пробежался пальцами по своему поясу и наконец нащупал нужный амулет.

— Ну-ка, — пробормотал молодой человек. — Сейчас, сейчас...



— Что там у тебя? — удивился Конан. Поведение стигийца так его насмешило, что он даже не стал ничего говорить насчет «монстра».

— Знаешь, монстры бывают очень коварны. У меня уже был опыт общения с ними. Один из них обладал магической силой и умел отводить глаза. Притворится благожелательным человеком, женщиной или стариком, к которому ты чувствуешь расположение, выведает все твои тайны, а потом...

— Но ведь ты одолел его? — фыркнул киммериец. — Чего же тебе бояться?

— Я и не боюсь! — Гирадо показал Конану странный предмет, оправленный в серебро. — Это магический зуб дракона. Если бы ты не был тем, кем выглядишь, он засветился бы красным...

— Но я — тот, кем выгляжу? — поинтересовался киммериец. — Дело в том, что я давно не смотрелся в зеркало. Сам-то себе я кажусь довольно привлекательным. Добавлю, что несколько симпатичных женщин вполне разделяли мое мнение, но ты можешь с ними не согласиться.

— Ты — тот, кем выглядишь, — твердо сказал стигиец и убрал магический зуб (если только этот предмет действительно обладал магической силой). — То есть бродягой-варваром, любопытным, жадным и незлым.

Услышав эту характеристику из уст уроженца Стигии, Конан сжал зубы.

— Насчет «незлого» я бы не спешил, — предупредил он.

— Мой отец имел старшего сына от старшей



жены, — вернувшись к прежнему повествовательному тону, заговорил опять Гирадо. — Этот брат старше меня почти на тридцать лет. Понимаешь?

— Такое случается, — сказал Конан. — Там, где я родился, жил один старикан, и вот однажды ему взбрело в голову жениться на старости лет... — Он засмеялся. — В общем, не помню, что там вышло у него с женой, но история получилась забавная.

— Помнишь, я говорил тебе о конюхе? О том бравом парне, который сделал маге ее сыновей, а потом куда-то исчез?

— Да. Отчаянный человек этот конюх.

— Это и был мой старший брат, Гамбоа. Я знаю, куда он делся. Его тело лежит в подземелье, под Башней Огня, а душа заключена в большом рубине. Я должен вызволить моего брата! Должен любой ценой!

— Насколько я понимаю, — медленно произнес Конан, — вы с ним даже не были знакомы.

— Это неважно. Он мой брат, в наших жилах течет одна кровь... И через него мага может завладеть и мной, если пожелает, — упавшим голосом произнес стигиец.

Конан двинул бровями, пошевелил губами, заглянул в кувшин — вина там больше не оставалось, — и наконец сказал:

— Понятно. Что ж, решение принято. Я буду тебе помогать. А у тебя нет больше никаких тайн, которые имеют отношение к этому приключению?



— Нет, это последняя. Рассказывать дальше?

— Валай.

Конан откинулся к стене, вытянул ноги к угасающему очагу и приготовился слушать дальше.

* * *

— Как ты понимаешь, наделать ошибок в состоянии решительно все, даже могущественные и хитрые маги. Что уж говорить о Мутэмзнет, которая была всего-навсего женщиной, подверженной смене настроений и к тому же отчасти зависящей от сыновей? Она торопилась и впопыхах совершила немало промахов. Среди них были и очень существенные.

В результате активности магов четырех стихий на землю вырвалось множество монстров. Среди них — адские псы и саламандры, которые пожгли все деревни и леса на много миль вокруг. Я был там, на том самом месте, где стояли Башни стихий. Ничего. Выжженная голая земля. И лес Вио погиб. Не знаю, сохранились ли с'тарра — может быть, некоторые из них сумели уползти и скрыться; но старое их убежище уничтожено до последнего кустика, до самой малой травинки.

Останки четверых сыновей Мутэмзнет были найдены и погребены в хрустальном саркофаге. Его отвезли в Луксур — стараниями их матери. Красавица-маг даже не пыталась сделать вид, что сильно скорбит. Надо полагать, она считала своих сыновей не слишком удачным экспериментом. Поспешность, как известно, часто вредит.



Так что теперь она намерена рожать себе новых детей, одного за другим, не дробя их натуру. Более тщательно, так сказать.

Я подозреваю, что для этого ей опять понадобится мой брат, ее спящий супруг, чьей душой она владеет безраздельно.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг Конан, задумчиво покусывая лезвие кинжала, — какие сны снятся ему в этом магическом забытии?

Его собеседник содрогнулся.

— Мне даже страшно представить себе это, — сознался он.

— А мне нет, — сказал варвар. — Если эта женщина, эта маг, такая красивая и сладострастная, хочет использовать его в качестве отца для своих детей, то наверняка она насылает ему приятные, сладостные сны, в которых является ему как желанная супруга.

— Может быть. Все может быть, — нервно согласился стигиец. — Меня это сейчас мало занимает. Стигия охвачена бедствием. Местные землевладельцы воюют друг с другом из-за жалких клочков земли, мелкие маги повынимали из сундуков волшебные предметы и принимают сторону то одного, то другого соперника. Адские духи бродят по земле. Сет ликует — кровь льется ручьями, жертвы ему так и падают в пасть. Стигия — такая земля, где исстари прославляется зло, поэтому остановить войну здесь труднее, чем где бы то ни было. Но поверь мне, в Стигии живут не одни только маги!

— Да верю, верю, — согласился Конан. — Гля-



дя на тебя, дружище, я готов поверить во что угодно.

Стигийский воин вопросительно поднял бровь, не зная, как относиться к этой фразе. Во всяком случае, Конан явно не хотел его обидеть. В глубине души киммериец немного потешался над этим низкорослым и довольно шуплым человечком, который считал себя настоящим воином, чье призвание — сражаться против монстров. Как истинный стигиец, Гирадо был суверен и ничто не могло поколебать его твердой веры в действительность различных талисманов и амулетов. И все же было в нем что-то симпатичное.

Конан сказал:

— Будет тебе обижаться и подозревать меня. Рассказывай дальше.

— По ночам толпы злобных существ бродит по земле. Полупрозрачные убийцы проникают в дома. Везде царит страх. Этим существам выпустили на волю злополучные маги, мои... мои племянники. — Последнее слово он выговорил без труда, кривя рот и хмурясь.

Конан хлопнул его по плечу.

— Да, друг, тебе не позавидуешь.

— Существует способ загнать всех этих монстров обратно, туда, откуда они явились. Об этом позаботилась Мутэмэнет. Мне понадобилось немало времени и денег, чтобы вывести это у разных магов. Слухи, сплетни, кто-то что-то видел... В основном, конечно, слуги — эти знают куда больше, чем принято думать. Некоторые из прислужников в Луксуре вполне могут преподавать



в магической академии — если бы таковая существовала, так много известно им об искусстве повелевать стихиями, силами тьмы и света.

— Я тоже умею повелевать разными силами, — сказал Конан. От съеденного и выпитого, от теплого очага и покоя его постепенно начало развиваться. — Например, силой моего меча, силой кулака... или силой... чего-нибудь еще.

— Идем спать, — с досадой проговорил Гирадо. — Ты уже не слушаешь. Завтра — в путь, если ты согласен.

— Конечно, я согласен, — пробормотал Конан, устраиваясь прямо на полу возле очага. — А куда мы отправляемся? Ты так и не сказал мне этого, маленький стигиец...

Спустя мгновение он уже храпел во всю мощь своей богатырской глотки.

* * *

В своем роскошном дворце расхаживала взад-вперед ~~Мутэмэнет~~ Мутэмэнет. Мрачные мысли не давали ей заснуть. Старый замысел рушился на глазах. Несколько сотен лет она потратила на изучение заклинаний, искусства составления зелий, способов заключения сущностей в непроницаемую оболочку — своего рода тюрьму, откуда они не в силах вырваться. Трудность состояла еще в том, что большинство формул были созданы магами-мужчинами и использовали при своей реализации мужское естество; ~~Мутэмэнет~~ Мутэмэнет предстояло проделать немалую работу по переводу



этих заклинаний в женскую ипостась. Она совершила немало пробных работ и наделала кучу ошибок. Искалеченные, ни на что уже не годные духи, которых она вызывала из небытия, навеки были заключены ею в различные темницы — для этого использовались полудрагоценные камни. Из прозрачных граней хрусталя глядели на мага ненавидящие глаза пленников. Однако она обращала на них мало внимания.

Несколько десятков лет из трущоб Луксура пропадали люди. Обычно это были нищие, бродяжки, попрошайки или дамы весьма легкого поведения. Никто их не разыскивал, никто не интересовался их судьбой. А напрасно. Если бы стала известна участь хотя бы одного из этих несчастных, многие в Луксуре содрогнулись бы и, возможно, приняли меры — пока не стало слишком поздно.

Тела этих людей так и не нашли. Мудрено — мага самолично грузила их на телегу и увозила к реке, где благодарные крокодилы уже заранее разевали зубастые пасти. А души, извлеченные из тел при помощи дьявольских заклинаний, помещались в особые темницы. Если для духов достаточно было обыкновенного хрусталя, то человеческая душа оказалась куда более сложной и сильной вещью. Хрусталь не мог удержать ее; лопалось и стекло. И даже железо и медь гнулись под ее напором. Для Мутэмэнет это было открытием, и она не преминула записать его в колдовскую книгу, где всегда оставалось несколько чистых страниц, чтобы каждый новый маг, ею вла-



деющий, мог продолжать труды своих предшественников.

Даже души слабосильных калек, что выпрашивают монетку возле храмов Сета. Даже эти душонки оказались достаточно сильными, чтобы разорвать хрустальные путы и доставить пленившей их маге много неприятных минут. Поэтому она прибегла к драгоценным камням.

«За что ценят драгоценности? — размышляла она в те дни, выводя изящные письма на чистых папирусных страницах, плотных и шероховатых, приятных для прикосновения пера. — За красоту? Но это смешно! Что есть красота вне власти? Одно лишь дуновение ветра! Достаточно небольшого дефекта, чтобы погубить ее, настолько она мимолетна. Один крохотный скол на отшлифованной грани — и все, красота погублена. Нет, драгоценные камни ценны именно тем, что они дают власть. Власть над людьми, которые превыше всего ставят деньги. Власть над душами, ибо только драгоценный камень достаточно прочен, чтобы удержать внутри себя человеческую душу, изъятую из тела и не убитую, не отпущенную к богам на их вечное судилище...»

Первым по-настоящему удачным опытом стал для Мутэмэнет верзила-конюх, сильный и красивый мужчина, которому она доверила свое тело. Соблазнить его было легко. Прекрасная таинственная женщина, закутанная в черное покрывало, несколько раз прошла мимо лошадей, которых чистил этот мощный человек, полюбовалась статями животных, а затем приподняла край по-



крывала и устремила на мужчину долгий взгляд больших, подведенных синей краской глаз.

— Какие изумительные кони! — проговорила она медовым голосом. — Хотела бы я покататься верхом на одном из них!

— Это кони моего отца, — похвастался конюх.

— Ты служишь своему отцу? — удивилась женщина. — Разве нет у него слуг?

— Слуг у него достаточно, моя госпожа, но этих лошадей он может доверить только своей плоти и крови, — отвечал мужчина.

— У меня тоже есть одна лошадка, которую я могу доверить лишь близкому человеку, — проговорила женщина. — Не хочешь ли взглянуть на нее?

И он оставил все — и отцовский дом, и отцовских лошадей, и пошел за нею следом, чтобы взглянуть на эту лошадку.

И пропал навсегда.

Много потребовалось времени и сил, чтобы узнать, что с ним случилось. Расспрашивали на рынках и на улицах; подкупали стражников, давали деньги перепуганным нищим, которые старались обходить квартал, где стоял дворец Мутэмэнет, стороной. Прибегали даже к помощи ясновидцев. И лишь спустя много лет, когда стал взрослым последний из сыновей старика, семье стала известна участь старшего сына.

Он провел с красавицей немало времени. Они не покидали ее шелкового ароматного ложа ни днем, ни ночью. А потом однажды он пробудился и обнаружил, что не может пошевелиться. Во-



круг колыхалась красноватая мгла. Время от времени ее пронизывали тонкие золотые лучи света. Если они попадали в глаза, то ослепляли его, и он жмурился, но отвести взгляда не мог.

Искаженная гранями, мелькала иной раз сама Мутэмэнет, но чаще всего он видел вазу с изображенным на ней змеем, пожирающим женщину, и край большого ложа с изголовьем в виде совокупляющихся грифонов.

Он был в плену. Мутэмэнет ничего не стала ему объяснять. Он не знал, куда она спрятала его тело. Тела у него больше не было. Только душа, бессонная и страдающая. Ему хотелось выбежать на улицу, вдохнуть полную грудь весеннего воздуха, полного запахов — пыли, жареного мяса, зацветающих деревьев, гниловатой воды из старого пруда... Хотелось обхватить руками полный стан торговли овощами, которая всегда смеялась и отмахивалась, называя его проказником. Хотелось услышать голос отца, прикоснуться к лошадиной гриве. Но ничего этого больше не существовало для пленника. Он заточен в рубине. Сама мысль об этом казалась дикой и странной.

Мутэмэнет не разговаривала с ним, когда заходила в эту комнату. Он перестал для нее существовать.

Он забыл свое имя. Постепенно он забыл все.

* * *

Когда духи стихий вырвались на свободу, Мутэмэнет поняла, что ее дело плохо. Она готовила



этот переворот не одно столетие. Она родила сыновей, обучила их власти над стихиями. Она собиралась захватить храм Сета и сделаться первой и единственной жрицей темного бога, чтобы вместе с ним установить господство над Стигией, а затем распространить его далее, на территории сопредельных государств. Давно следовало заставить черных людей чтить крокодила и змея так, как чтут этих зверобогов стигийцы.

А теперь...

Она металась по комнатам. Из рубина наблюдал за ней пленник. У него был бесстрастный вид, и неожиданно это рассердило Мутэмэнет. Приблизившись к рубину, она — впервые за все эти годы — заговорила с ним.

— Кажется, тебе все равно! — закричала мага. — Кажется, ты так и не узнал, какую роль сыграл в приближающейся гибели королевства!

Пленник молчал.

— Ты хоть помнишь, кто ты? Ты помнишь свое имя? Тебя зовут Уррутиа! Помнишь? Помнишь, как называла тебя этим именем твоя мать, Уррутиа? Она мертва! Твой отец взял себе другую жену, Уррутиа! Ты слышишь меня?

Он ее слышал. Он молча смотрел на нее немигающими глазами и думал о чем-то своем, а вокруг колыхалась рубиновая мгла, где изредка вспыхивали золотистые искорки. Таким было небытие для любовника Мутэмэнет. Все, что происходило снаружи, не имело смысла.

А она кричала, топая ногами, так что полупрозрачные разноцветные одеяния развевались



вокруг нее, как будто вся она была объята пестрым пламенем:

— У тебя было четверо сыновей, Уррутиа! Я родила их от тебя, ты слышишь меня, ничтожный дурак? Я родила от тебя четверых прекрасных сыновей, и все они были магами, умевшими повелевать каждый своей стихией! Они мертвы, я потеряла их, мы потеряли их! Ты нужен мне, дурак, мне нужны новые сыновья. Теперь я не совершу ошибки и произведу их на свет, как положено, одного за другим, а не всех разом.

Уррутиа почти не слышал ее. Она говорила о каких-то сыновьях, но он ничего не знал об этом. Он их никогда не видел. Если они и существовали, то никогда не заходили в комнату, где Мутэмэнет прятала свой рубин.

В ярости мага плюнула на драгоценный камень. Уррутиа чуть поднял взгляд и молча смотрел, как она выбегает вон. Плевок расплзался по граням, мешая пленнику видеть.

* * *

— Откуда ты все это знаешь — про четвертинки медальона, про то, о чем думала мага, когда разделяла их и раздавала на сохранение разным существам? — недовольно ворчал Конан, седлая коня.

Его спутник невозмутимо развешивал по сбруе своей лошадки всевозможные амулеты и обереги.

— Если бы ты родился в Луксуре, — начал Ги-радо торжественным тоном.



— Хвала Крому, моя родина находится вдали от этого адского гнезда! — взревел Конан, пугая лошадь.

— Не следует так кричать и горячиться, — поморщился Гирандо. Втайне он завидовал огромному киммерийцу. После вчерашней выпивки у маленького стигийца побаливала голова, а вот северянин-варвар выглядел так, словно никакой попойки вчера и в помине не было.

— Ладно тебе, — сказал ему Конан примирительно. — Рассказывай. Это я так — просто дивлюсь, как много может знать человек, с виду самый обыкновенный.

— Я ведь не просто воин, — пояснил Гирандо. — Я потратил почти всю жизнь на то, чтобы научиться понимать магов и монстров. Только так можно уничтожить их.

— А можно просто уничтожить, — себе под нос проговорил Конан. — Бац — и уничтожить. Без всякого там изучения.

Он уселся в седло, поправил меч за спиной.

— Ты готов ехать, Гирандо? Остальное расскажешь по дороге.

— Остальное? Да я даже не начал, — возмутился Гирандо, также садясь в седло. Они выехали с постоялого двора бок о бок, и трактирщик долго качал головой, глядя им вслед: больно уж непохожими казались эти два спутника, огромный северянин и маленький верткий южанин. И куда только они направляются?

→ Сначала стоит посетить озеро Тоа, — говорил стигиец. — Поверь мне. Оно расположено в



горах. Вода там ослепительно синяя. Очень красивое место. И немного зловещее.

— Хм, — произнес Конан.

— Да, да, — горячился Гирандо. — Маг с самого начала знала, что сыновья ее ущербны. Она пошла на это, потому что утратила терпение. Терпение — главная добродетель всякого мага.

— У магов не бывает добродетелей, — проворчал Конан.

— Ты понимаешь, что я хотел сказать! — укоризненно молвил Гирандо. — Слушай и не перебивай. Мутэмэнст завладела одним могущественным талисманом. Понятия не имею, где она его взяла.

— Хотя чего-то ты не знаешь.

— Ну ладно, открою тебе еще один секрет.

— А говорил, что больше секретов нет, — укорил приятеля Конан.

— Важных — нет. Этот — неважный... Я несколько лет обучался магии. Специально, чтобы лучше понимать магов.

— И монстров, — вставил Конан.

— Амулет, — повторил Гирандо, — обладает большим могуществом. В незапамятные времена его изготовили жрецы. Говорят, им помогал сам змей Апоп. Этот амулет позволяет своему обладателю повелевать духами четырех стихий. Мутэмэнст разделила его на четыре части и каждую из них спрятала в надежное место. Думаю, она опасалась, что если ее сыновья завладеют — каждый своей частью амулета, — то сладу с ними уже не будет. Маги никому не доверяют, когда



речь заходит о сохранении их могущества и власти, даже собственным сыновьям.

— И правильно делают.

— Теперь сыновья Мутэмэнет мертвы, а духи свободно гуляют по стране и творят свои бесчинства. Сам Сет, как поговаривают, недоволен. Жрецы непрестанно приносят ему кровавые жертвы. Страна трясется от ужаса.

— Ты знаешь, дружище Гирадо, — задумчиво молвил Конан, — мне почему-то кажется, что Стигия постоянно трясется от ужаса. Как можно жить в стране, где поклоняются Злу?

— Я уже говорил тебе, что в Стигии живут не одни только злые маги, но и самые обыкновенные люди. Они родились на этой земле и принадлежат ей плотью и душой, — обидчиво возразил Гирадо. — Одна часть амулета находится в Луксуре — подозреваю, та, которая повелевает стихией земли. Она самая медлительная и с виду мирная, но когда разбушует, то становится самой опасной. Поэтому Мутэмэнет не выпускала ее из рук. Воздушная часть хранится у Мемфиса.

— Это еще кто? — нахмурился Конан.

— Серебряный дракон, — невозмутимо ответил Гирадо. — Огненная часть — под землей, у маленького горного народа магмонов.

— Впервые слышу о таких.

— И не услышал бы, если бы мы не повстречались, — заверил Конана Гирадо. — Предками магмонов были лемурийцы. Когда в мире произошли перемены, магмоны отделились от основной части своего народа и отправились сюда, в



эти земли. Спустя сотни лет здесь образовалось королевство Стигия, а прежде земля была пуста. Магмоны невзлюбили все новое, что начало образовываться вокруг них после гибели Атлантиды и Лемурии и, чтобы не видеть света нового солнца, навсегда скрылись под землей. Сейчас это низкорослые смуглые люди, рудокопы. Они почти никогда не выходят на поверхность, и найти их селение почти невозможно.

— Но ты, конечно, знаешь, где оно, — предположил Конан.

— Во всяком случае, я — единственный, кто сумел бы отыскать к ним дорогу, — не стал спорить Гирадо. — Кроме Мутэмэнет, конечно.

— Ну ладно, — сказал Конан, — говори лучше, с чего мы начнем?

* * *

Озеро они увидели издалека. Оно лежало в ладонях гор, как драгоценный голубой камень. Свет переливался на его гранях, небо над ним казалось более синим, чем над горными пиками.

— Если поехать отсюда дальше на восток, то будет город Алкменон, — объяснил Гирадо. — А наш путь — дальше на север и потом на запад, к Луксуру.

Они повернули коней и начали подниматься по горной тропе. Местность нравилась Конану. Серо-коричневые скалы, овеваемые ветрами, были почти лишены растительности, лишь низкие кусты с причудливо изогнутыми ветвями, да



скудные пучки травы выживали здесь, под ветром и палящим солнцем.

На некоторых кустах Конан заметил ягоды, но рвать их поостерегся: в Стигии, как не без основания полагал киммериец, почти всякий плод может оказаться ядовитым.

Озеро то мелькало перед ними, яркое и желанное, то исчезало, скрытое за кулисами гор. Наконец тропа расширилась и вывела их на самый верх. Отсюда, с перевала, открывался величественный вид на горы и бескрайнее небо, усеянное облаками, такими густыми и плотными на вид, что они казались островами, плывущими над землей. Прищулив зоркие глаза, Конан высматривал между высокими пиками город Алкменон, последний большой город Кешана перед границей со Стигией. Иногда луч солнца падал так, что киммерийцу казалось, будто он различает — там, далеко впереди, — славные башни и купола над дворцами... Но потом солнце скрывалось за мимолетно пролетающим облаком, и видение пропадало.

— Нам сюда, — сказал Гирадо, указывая на озеро.

— Мы пришли, — отозвался киммериец, спешиваясь. — Где он живет, этот твой маг, у которого находится водная часть амулета?

— Да не амулета, а талисмана, — поправил Гирадо.

— Не вижу такой уж большой разницы! — фыркнул Конан.

— Поверь мне, разница есть, и существенная, —



пустился было в объяснения Гирадо, но киммериец прервал его:

— Избавь меня от лекций по колдовству и волхованию, дружище! Ты убиваешь монстров по науке, а я разделяюсь с ними по-свойски.

— В данном случае тебе придется положиться на мои знания, — возразил Гирадо и, порывшись в сумочках, висевших у него на поясе, извлек оттуда маленький пузырек. — Здесь содержится очень полезное зелье. Оно поможет нам с тобой дышать под водой. Нужно будет, правда, поторопиться, потому что действие зелья ограничено. Если мы не успеем выбраться на поверхность до того, как оно закончится, мы с тобой оба утонем.

— Мы? — спросил Конан. — Ты хочешь сказать, что мы сейчас наглотаемся этой штуки, а потом нырнем под воду и будем там дышать, как две проклятые акулы?

— Приблизительно так, — улыбнулся Гирадо. — Поверь мне, я знаю, что делаю. Эта штука опробована.

— Именно эта или ей подобная? — уточнил Конан.

— Клянусь тебе, я плавал под водой и дышал. Нас учили этому в стигийской академии магии при святилище... — Гирадо запнулся.

— При каком святилище? — нахмурил брови киммериец.

— При святилище Сета! — с вызовом ответил маленький стигиец. — Насколько тебе известно, в Стигии нет другого святилища. А у твоего Крома вообще нет святилища.



— Ему и не нужно, — важно возразил киммериец. — Каждый уроженец Киммерии сам по себе святилище Крома. И если он умирает с оружием в руках, посреди славной битвы...

— Хватит! — оборвал Гирадо. — Я знаю основы твоей веры.

— Откуда? — поразился Конан.

— От тебя! — ответил молодой стигийский воин. — Хлебнув вчера доброго вина, ты довольно долго ревел боевые песни своего народа.

— Что-то я этого не помню, — с подозрением сказал Конан.

— Зато я помню. На вот, глотни. Только оставь мне, иначе я не смогу отправиться на дно вместе с тобой. Глотай осторожно.

Конан лизнул несколько раз горлышко пузырька, потом сморщился и сделал два маленьких глоточка.

— Гадость, — сказал он.

— Никто не говорил, что будет легко и приятно, — отозвался Гирадо и быстро допил зелье. — Теперь — за мной. Под воду. И дыши, не бойся. У тебя будет время привыкнуть. Нам нужно опуститься на самое дно и отыскать подводный город Оссу.

Поначалу Конан не мог даже заставить себя открыть глаза. Ему, конечно, доводилось плавать, но чтобы вот так, как рыба...

Наконец он решился и приподнял веки. Сквозь ресницы он видел рядом с собой извивающуюся темную тень — Гирадо. Стигиец плыл быстро и уверенно. Под водой, где было мало света, он на-



поминал змею. На мгновение Конан усомнился в своем новообретенном приятеле. Все-таки он родился в Стигии. Мало ли что он говорит о себе — воин, победитель монстров... Это любой может сказать. А сам учился магии. И в амулетах разбирается, и в зельях... Может быть, убить его, пока еще не поздно...

Но тут легкие Конана начали гореть, требуя кислорода. Несколько мгновений он еще терпел, боясь наполнить их водой и погибнуть, а затем не выдержал и сделал первый вдох. И... ничего. Зелье сработало. Кислород, содержащийся в воде, наполнил легкие, а смертоносная влага сама собою вышла через нос и рот. Конан увидел пузырьки, поднимающиеся энергичным столбом над его головой. «Чудеса!» — подумал киммериец. Ему понравилось плыть под водой и дышать. Пузырьки смешно щекотали его уши и шею, когда он кувыркался.

— Не потеряй меч, — пробубльнул рядом голос Гирадо.

Конан схватился за ножны рукой — и вовремя. Под водой все было не так. Ножны едва не соскочили с плеча. То, что на земле было тяжелым и надежным, здесь неожиданно обрело зыбкость.

— Туда, — Гирадо указал рукой на темную громаду, которая постепенно стала вырисовываться под ними на дне озера. Тонкие солнечные лучи, пронзая водную толщу, добирались даже досюда. В их золотистых лезвиях можно было видеть, как танцует взвесь, как плавают маленькие



водоросли, а то вдруг мелькала стайка потревоженных пестрых рыбок. Интересно, водятся ли здесь хищники — морские змеи или акулы, подумал Конан. Как будто прочитав мысли своего спутника, Гирандо булькнул над ухом Конана:

— Будь осторожен. Здесь есть змеи.

— Большие? — широко разевая рот и выпуская гигантские пузыри, осведомился киммериец.

Гирандо развел руками, показывая что-то чудовищное.

— Тело? — спросил Конан.

Гирандо помотал головой. Его волосы извивались в воде.

— Пасты! — ответил он.

Как будто услышав, что говорят именно о нем, какое-то громадное существо закопошилось среди водорослей. Вскоре Конан заметил два светящихся глаза, которые пристально наблюдали за плывущими.

Кто-то явно готовился к атаке. Хотелось бы знать, чем питается эта громадина? Неужели маленькими рыбками, вроде тех, что только что проплыли мимо? В таком случае, сколько же рыбок оно съедает в день?

На дальнейшие раздумья отвлеченного характера времени уже не осталось: чудовище испустило глухой вой, странно отозвавшийся в водной толще, и бросилось в атаку. Вода тотчас помутнела, ил, взбитый могучим хвостом чудища, поднялся и завертелся вокруг сражающихся. Почти в полной темноте Конан наносил мечом ответные удары. Зубы лязгали, как казалось, сразу



отовсюду. Смертельная опасность грозила со всех сторон.

Гирандо, плавая вокруг, произносил какие-то невнятные заклинания и сыпал порошки. Постепенно илистую мглу заволокло разноцветными нитями растворяющихся зелий. То зеленое, то красное, то желтое проплывало мимо, свиваясь в кольца и постепенно расходясь среди мельчайших частиц ила.

Несколько раз Конан чувствовал, как его меч задевает живую плоть, и молился богине-воительнице Бэлит, которая столько раз помогала ему и его пиратам в морских сражениях, чтобы сейчас она уберегла Конана-Амру от неприятности убить по ошибке не монстра, а Гирандо. А это вполне могло произойти. Слепленный, с замедленными движениями, Конан наносил удары наугад. Гирандо вертелся где-то совсем близко. И если под меч попадет он, то несладко ему придется. Конан разил со всей силы, надеясь покончить с монстром побыстрее — во всяком случае, прежде, чем закончится действие зелья, позволяющего ему дышать под водой.

Третий удар. Четвертый. Что-то острое царапнуло по руке, но боли Конан не почувствовал. Поднялась страшная вонь, и все заволокло бурым. Кровь, понял киммериец. А воняет потому, что рассечен кишечник.

Варвар испустил победный вопль и тотчас пожалел об этом — его рот заполнился отвратительной жидкостью. Отплеываясь и откашливаясь, он поскорее поплыл прочь. Вскоре вода во-



круг снова стала прозрачной. Оглянувшись, Конан увидел, как вдали клубится что-то темное, неприятное. То и дело из этой бесформенной массы показывалось нечто длинное. Конан не мог разобрать, что это было, — хвост или лапы, а может быть, усы? Во всяком случае, там бился в агонии огромный морской монстр. Теперь, по крайней мере, рыбки вздохнут спокойно, подумал Конан и сам улыбнулся этой неуместной шутке.

Гирадо оказался цел и невредим. Он невозмутимо плыл рядом с варваром. На лице молодого стигийца бродила улыбка. Конан вдруг понял, что этот паренек на полном серьезе считает победителем морской твари себя. Что ж, оставим его в этом убеждении, подумал Конан. Какая разница! Когда их пути разойдутся, каждый будет рассказывать свою версию этой истории, и никто не будет внакладе.

Подводный город открылся им вскоре. Это было совсем небольшое поселение, но каждое здание в нем представляло собой истинное произведение искусства. Возведенные из тонких полупрозрачных камней разного цвета, — красных, синих, желтых, фиолетовых, — они обладали причудливой формой, какую можно иногда видеть у коралловых зарослей. Одни здания были похожи на актиний, цилиндрические, с тонкими башенками на крыше. Другие напоминали кораллы — круглые или древовидные. Комнаты-сферы крепились к «веткам» этих подводных «деревьев», точно плоды, и внутри можно было



разглядеть миниатюрную мебель, картины, светильники — эти были живыми и медленно плавали по всему помещению.

Обитатели подводного города, крошечные тритоны с человеческими личиками, даже не заметили пришельцев. Те были слишком велики для них, так что тритоны замечали только руку или прядь волос, но никак не целую фигуру проплывающих мимо Конана и Гирадо.

— Они не нападут? — спросил Конан, стараясь булькать потише. Ему не хотелось убивать этих крошек. Одно дело — свирепый морской змей с пастью, которая была больше размаха рук, совсем другое — малютки-тритоны, которых он мог перекусить двумя пальцами.

— Нет, — ответил Гирадо. — Они нас даже не заметят. Если, конечно, мы не начнем крушить их дома. А нам придется это сделать.

Он показал на одно здание, которое было крупнее остальных. По форме оно напоминало многогранник. Внутри его что-то светилось голубым светом.

— Это их хранилище. Не знаю, много ли их живет здесь, но водная часть талисмана хранится именно здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри. Она светится. Разве это непонятно? — Гирадо повернул к Конану лицо, и киммериец увидел, что его спутник улыбается.

— Что тут смешного? — буркнул варвар.

— Я не смеюсь, — ответил Гирадо. — Я улыбаюсь. Здесь очень красиво. С тех пор, как я узнал



о существовании Оссы, я мечтал побывать здесь и увидеть ее собственными глазами.

— Как будем добывать эту стекляшку? — грубо спросил варвар. — Своротим дом?

— Может быть, попробуем его приподнять? — предложил Гирандо. — Мне не хотелось бы разрушать здесь ничего.

— Мне тоже, — проворчал Конан. — Я приподниму дом, а ты бери талисман. Раз, два... Начали!

Они спустились еще ниже, и Конан почувствовал под ногами дно. Снова поднялся ил. Дно было мягким, упираться в него оказалось неудобно.

Тем не менее Конан наклонился, обхватил обеими руками сферу и понял, что ранит ладони об острые края, хотя боли опять не почувствовал. Под водой все было иначе, чем на воздухе, и это сбивало с толку.

— Давай! — выдохнул Конан. Огромный воздушный пузырь вздулся у него над головой и лопнул.

Он приподнял здание. Но талисман поднялся вместе со сферой. Он находился внутри. Здание было цельным и замкнутым.

— Что будем делать? — спросил Конан.

— Заберем его наверх, — сказал Гирандо. — Разобьем на берегу. Ничего не попишешь. Они рисковали, когда брали на хранение этот талисман. Теперь кое-какие из их опасений сбудутся. Такие вот дела.

— Плыдем, — сказал Конан. — Предчувствие



у меня какое-то нехорошее. Надо бы нам поскорее выбираться отсюда.

Гирандо принял сферу из рук Конана — под водой она казалась совсем легкой. А киммериец обнажил меч и, озираясь по сторонам, поплыл сбоку. Ему постоянно казалось теперь, когда они прикоснулись к сфере с заточенным внутри талисманом, что за ними наблюдают. Он не мог бы сказать определенно, откуда взялось это чувство. Кто-нибудь более «цивилизованный» отнес бы его на счет варварского инстинкта и пустился бы в рассуждения о том, что северянин в своем развитии недалеко ушел от дикого животного. Что ж, возможно, он был бы прав, этот умник. Хорошо только, что его не было рядом с Конаном в этот миг.

Потому что почти сразу худшие опасения киммерийца оправдались. Сильный всплеск послышался у них за спиной, едва оба спутника покинули подводный город Оссу.

— Плыви! — крикнул Конан стигийцу. — Я разберусь с ними. Не вырони сферу, понял? Не вздумай тут колдовать. Мне кажется, скоро закончится воздух...

С этими словами он повернулся навстречу всплеску.

Несколько морских змеев, чуть меньше того, что до сих пор бился в агонии в клубке крови, ила и разлитых магических зелий, настигали похитителей сферы. Конан сделал вдох поглубже, и тут его легкие наполнились водой. Он закашлялся и понял, что задыхается.



Гирадо неловко дернулся, как будто кто-то схватил его за горло. С выпученными глазами, уже теряя сознание, он сдвигал пальцами какой-то пузырек, болтавшийся у него на поясе...

И тут произошло нечто неожиданное. Вода с громом расступилась. Образовалась большая сфера, полная воздуха. На дне этой сферы извивались и стучали хвостами морские змеи — они задыхались, оказавшись в чуждой им воздушной стихии. А Конан и Гирадо с трудом переводили дыхание. За шаткими стенами воздушной сферы было видно, как проплывают мимо водоросли и изумленные рыбки. Внизу, под полом, исчезал подводный город.

Над головой сияло солнце. Оно становилось все ближе. Внутри делалось все жарче и светлее.

— Мы поднимаемся! — хрипло крикнул Гирадо. — Держись, сейчас нас выбросит на поверхность!

Но сфера лопнула прежде, чем они оказались над водой. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения: Конан и Гирадо с хрустальным шаром в руках доплыли без труда до берега и вывалились на песок, глотая воздух. Трупы морских змеев, вяло извиваясь, ушли на глубину.

— Что это было? — спросил Конан.

— Видимо, у сферы имелось несколько охранников. самого большого ты зарубил мечом, но прочие, поняв, что враг проник в Оссу и завладел талисманом, решили подкараулить нас на обратном пути, — пустился в объяснения Гирадо, но Конан прервал его, махнув рукой:



— Я не об этом. Что это была за воздушная сфера? Откуда она взялась?

— Это... — Гирадо помрачнел. — Это было мое заклинание для левитации.

— Левитации? — Конан нахмурился. — Боги, сколько же у тебя заклинаний?

— Много, — скромно отозвался молодой стигиец. — Впрочем, я никогда не пробовал левитировать. Купил эту штуку у странствующего мага в одном маленьком стигийском городке. Хотелось полетать, но вот все как-то не приводилось...

— Ловко ты придумал воспользоваться этой штукой под водой! — не мог не восхититься киммериец. — Откуда ты узнал, что левитация создает дополнительный воздух? Клянусь грудями Бэлит, иногда от твоей глухой площадной магии бывает толк.

Гирадо потупился и покраснел.

— На самом деле я понятия не имел, что все получится именно так, — признался он. — Я раздавил этот пузырек случайно. Когда уже задыхался под водой. Но все получилось как нельзя более удачно.

И Конан не мог с ним не согласиться.

* * *

Некоторое время они просто лежали на берегу и переводили дыхание. Их лошади спокойно паслись, выщипывая остатки травы с лужка. Небо над головой казалось особенно ярким и весе-



лым, а облака, пронизанные светом, выглядели приветливыми, словно подушки.

— Человек не создан для подводной жизни, — изрек Конан. — Человек создан для твердой земли, доброй женщины, звонкой стали и хмельного вина.

— И сытного хлеба, — добавил Гирадо. — У меня в суме лежит краюха... Только встать не могу. Ноги болят.

Они стали осматривать себя и обнаружили немало ран и ушибов, которых не почувствовали под водой. Кое-как перевязав ладонь, чтобы не кровоточила, Конан отправился к седельным сумкам. С фляжкой и краюхой он вернулся к своему спутнику. Они перекусили. И хлеб, и вода показались им особенно вкусными.

— Хорошо жить и дышать, — не устал радоваться Гирадо.

— Гляжу я на тебя, Гирадо, — сказал киммериец, — и начинаю верить в твои слова.

— Какие? — Гирадо блаженно вытянулся на берегу, подставляя солнцу смуглое лицо.

— Насчет того, что в Стигии живут не одни только зловредные маги. Ты — совсем нормальный человек. Если не считать того, что свихнулся на заклинаниях и зельях.

— Мы сражаемся с монстрами, — строго молвил Гирадо. — Нам не обойтись без заклинаний. Давай попробуем вскрыть сферу.

На воздухе сфера сверкала и переливалась всеми цветами, от желтого до фиолетового. Она выглядела такой красивой, что Конан невольно



прикинул ее цену на рынках Аренджуна или Ианты и даже застонал сквозь зубы.

Водный талисман болтался внутри. Там булькала вода и видно было перепуганное лицо маленького тритона, который, видимо, охранял талисман — а может быть, пришел ему помолиться.

Конан поднял хрустальную сферу над головой и с силой ударил ее о камень. Раздался звон, осколки разлетелись во все стороны.

Тритон выпал вместе с талисманом на песок и отчаянно забился там. Конан подхватил его в прыжке и положил на ладонь. Существо смотрело на него страдающими глазами. Распилив рот, оно глотало воздух. Конан осторожно положил его в воду.

Несколько секунд тритон лежал неподвижно, а потом вдруг забил перепончатыми лапами, испустил какой-то странный горловой звук и исчез в глубине.

Хмыкнув, Конан повернулся к талисману. Это был обломок широкого кольца с неровными краями, довольно безобразный, на взгляд киммерийца. У талисмана имелось только одно достоинство, он был совсем маленьким. Гирадо положил его в одну из своих многочисленных сумочек и подвесил к поясу.

— Давай проведем здесь остаток дня и переночуем, — предложил Конан. — Я чувствую себя усталым. Наверное, ты тоже.

Стигиец не стал ему возражать.



* * *

Дорога вела под уклон, но от этого не была более легкой. Кони то и дело оступались. В конце концов оба путника спешили и повели лошадей в поводу, опасаясь, как бы те не повредили себе ноги. Оба молчали. Смуглый стигиец посерел и осунулся. Конан, отличавшийся железным здоровьем, но никогда не любивший болтать попусту, не нарушал безмолвия.

Окружающие горы мало напоминали ему родную Киммерию, но все же были хороши — высокие, с острыми пиками. Кое-где вдалеке даже виден был вечный снег. Над головами, пронзительно и зловеще крича, кружил ястреб.

В конце концов Гирадо заговорил:

— Честно сказать, не знаю я, где обитает Мемфис. Я читал о нем в одной книге в Академии, но там не говорилось ничего конкретного.

— Иными словами, мы заблудились? — уточнил варвар.

— Не совсем, — возразил Гирадо. — Дракон где-то поблизости. Только непонятно, здесь или там.

— Я не верю в драконов, — сказал Конан. — Бывают, конечно, разные отвратительные твари, но чтобы дракон, да еще серебряный...

— Написано, что он приветливый и в принципе любит людей, — добавил Гирадо.

— Да. И поэтому хоронится от них в непроходимых горах, так, чтобы никто не мог его отыскать при всем желании.



— Может быть, он предпочитает одиночество. Многие мудрецы любят людей, но предпочитают одиночество, — заявил Гирадо.

Конан не нашел, что возразить.

После долгого дня утомительного пути они остановились было на ночлег под открытым небом, прямо на камнях, — ничего другого негостеприимные горы предоставить путникам не могли. И вдруг Гирадо, поднявшийся на гору чуть выше, чтобы собрать там хворост для костра, воскликнул:

— Смотри, Конан!

— Что там? — Конан выронил охапку сухих веток, которую только что принес к месту стоянки, и выпрямился во весь свой внушительный рост. — Дракона увидел?

— Там кто-то есть, — сказал Гирадо. — Гляди, горит огонь.

Конан пригляделся. Действительно, впереди мелькал огонек. Точнее, огонек стоял на месте — шевелилась под ветром ветка дерева, перегораживающая маленькое желтое пятнышко света.

— Похоже на окно, — сказал Конан. — Пойдем. Наверное, там дом. Живет там какой-нибудь мудрец, из тех, кому нравится сидеть сычом в одиночестве и размышлять о том, как бы сделать человечество счастливее.

— Стоит ли беспокоить его, в таком случае? — засомневался Гирадо.

— Если его не беспокоить, на нем вырастут бледные грибы, — сказал Конан. — Я одного такого видел. Кстати, в Стигии.



Гирадо сжал губы и промолчал. Иногда шутки варвара казались ему излишне грубыми, хотя сам Конан находил их вполне добродушными и забавными.

Домик оказался ближе, чем они думали. Перед единственным его окном действительно росло дерево с длинными тонкими мягкими колючками вместо листьев.

Ветра и непогода как будто нарочно навязали узлов на длинных ветках, которые изгибались под самыми неожиданными углами, создавая причудливый узор. Гирадо предположил, что это дерево служит одинокому мудрецу собеседником и предметом для размышлений.

Однако молодой стигиец ошибся. Обитателей уединенного домика в горах оказалось двое, причем оба мало походили на мудрецов-созерпателей: один — черноволосый, загорелый, вечно всклокоченный, с выпученными глазами; второй — сонный с виду, бледный и рыхлый, однако добросердечный и всегда готовый услужить. Черноволосый назвал свое имя — Бульнес; на сонного он только махнул рукой и сказал, чтобы не обращали на того много внимания.

Путники привязали лошадей и последовали приглашению хозяина разделить с ним небогатый ужин, состоявший из тушеных овощей и очень тощего копченого зайца. Сонный прислуживал за столом, но видно было, что куда охотнее он свалился бы под лавку и там задремал.

За трапезой Гирадо завязал вежливую беседу с гостеприимным хозяином. Конан чувствовал себя



усталым. Ему неинтересно было слушать, как Бульнес рассказывает о годах учебы в магических академиях и еще о годах, проведенных в качестве подмастерья при видных магах Стигии. Этого мага — точнее, «недомага» — убивать не следовало; а любой маг — если он не являлся предполагаемой жертвой киммерийца, — был для Конана попросту скучен.

Между тем послушать рассказы Бульнеса стоило, и Гирадо, никогда не упускавший возможности поучиться чему-либо новому, жадно внимал каждому слову хозяина. А тот, горестно ероша волосы и то и дело дергая их обеими руками от избытка чувств, повествовал о своей странной жизни, полной неудач.

— Я хотел стать некромантом, — рассказывал Бульнес. — Многие мои приятели по Академии мечтали обрести власть над давно умершими людьми, чтобы те помогли им стать могущественными в нынешнем мире. Заклинания некромантии выглядят очень несложными, но пользоваться ими следует с очень большой осторожностью. Никогда не знаешь, кого вызовешь к жизни. Если это окажется, предположим, великий владыка былых времен или опытный жрец Сета, — все, можешь распрощаться со свободой. Вернувшись из небытия, такой сильный дух запросто завладеет тобой.

Словом, пока все наперебой экспериментировали, издеваясь над душами покойных своих родственников (один, я помню, пытался отомстить тетушке, которая при жизни страшно мучила его



поцелуями, нотациями и правоучительными примерами), я готовился к серьезному делу. Мне нужен был не слуга, не раб из потустороннего мира, но друг, союзник и помощник. Следовало очень тщательно обдумывать кандидатуру на оживление. Чем я и занимался.

— Поведай, Бульнес, — обратился к некроманту Гирандо с видом крайнего почтения, — каковы были твои конечные цели при оживлении мертвеца?

— Самые скромные, — твердо ответил Бульнес. — Ни завоевания царства, ни обретение власти над умами — ничего такого. Это было бы слишком опасно. Нет, я желал при помощи потустороннего помощника предсказывать будущее, открывать прошлое и объяснять настоящее. Слушай же, насколько мне это удалось.

Многие мои приятели, недоучившиеся маги, сделали тем временем шарлатанами. Они бойко предсказывали то, что произойдет через двести, триста лет, а также вещали о событиях тысячелетней давности. Естественно, никто не мог уличить их в обмане. Легковерные люди давали им деньги. Какая жалкая профанация магического искусства! Я и помыслить не мог, чтобы заняться чем-либо подобным.

Нет, я вознамерился завладеть телом одного из усопших мудрецов древности и вернуть его на землю. Большинство таких усопших в Стигии, как известно, служили в свое время Сету, боже-ству свирепому и любящему кровь. Не было смысла возвращать их на землю. Поэтому я обра-



тился к усопшим мудрецам Дарфара. Мне пришлось потратить немало средств и времени, чтобы свести знакомство с нужными людьми. Наконец несколько жуликоватых персон взялись выполнить мое опасное поручение.

Я продал дом, который достался мне от родителей, и расстался с большинством моих книг, чтобы оплатить услуги грабителей гробниц. В убогой лачуге, перебиваясь только водой и заплесневелым хлебом, я ждал... Прошло не менее месяца, когда оба негодяя вернулись из Дарфара и привезли мне желаемое в длинном грубом мешке. Они не пожали даже взглянуть вместе со мной на мумию, такой ужас наводили на них древние гробницы. Не знаю, что они пережили там. Сами они ни словом об этом не обмолвились.

Я же, оставшись в одиночестве, снял мешок с мертвого тела и начал его разглядывать. Я знал, конечно, что некоторые дарфарские владыки, намереваясь воскреснуть в некоем отдаленном будущем для новой жизни, повелевали свои тела после смерти вымачивать в щелоках, потрошить, набивать смесью опилок и благовоний, — все это служило к сохранности их бранных оболочек. Одно такое тело лежало сейчас передо мной.

Мне предстояло еще немало трудов, чтобы заставить мумию разговаривать и сделать ее своим другом. В одной из моих книг я читал о том, что древние жители Дарфара говорили языком, ныне смолкнувшим, да еще при том не так, как мы, — сперва первое слово, потом второе и так далее,



до конца всей речи, — а наоборот: с конца, то есть сперва последнее слово, потом предпоследнее — и так до самого начала. Кроме того, они даже писали в этом противоположном направлении...

Скажу больше. Самую жизнь свою они проживали с конца до начала, определяя при самом рождении весь будущий срок этой жизни. Таким образом, они говорили о младенце, что ему, к примеру, семьдесят восемь лет, разумея, что семьдесят восемь лет ему жить осталось; а о старце — что он достиг возраста одного года... Все это до крайней степени умудряло древних жителей Дарфара и делало их чрезвычайно ценными союзниками для умелого некроманта.

Моя мумия была велика ростом, бела — следовательно, хорошо вымочена в щелоке, — и почти без блеска на коже, что ясно указывало на высокое качество бальзамирования. Я приступил к заклинаниям. У меня были заготовлены различные снадобья, среди которых самыми простыми были мышьяная моча, разведенная в уксусе, и кошачье сало, смешанное с амброй и толченой стружкой красного дерева. Я произнес положенные заклинания на семи мертвых языках.

И вот мои труды увенчались блистательным результатом. Скажу тебе правду, я едва не умер, когда увидел, как моя мумия зашевелилась, разлепила губы и медленно открыла глаза. Наконец я собрался с духом и обратился к мертвецу на его родном языке, произнося слова от конца речи к ее началу:



— ! Мире нашем в сна вечного из восставшего тебя приветствовать я рад безмерно.

Услышав это, мумия некоторое время рассматривала меня как бы в изумлении. А затем спросила, так хрипло и невнятно, что я едва мог разобрать:

— Что тебе нужно?

От радости я не сразу осознал, что мумия разговаривает со мной на грубом, но вполне обычном наречии. Однако это была настоящая мумия, пустое тело, чей мозг, желудок и прочие внутренности помещались отдельно, в алебастровых сосудах, и за ненадобностью хранились у меня в кладовой вместе с сухарями.

Я поблагодарил мумию за то, что она соблаговолила ожить, и принялся задавать ей различные вопросы — о Дарфаре, о Стигии, о королях, ценах на рынке, о недавнем прошлом и о возможном будущем. На все это мумия давала вполне приемлемые и разумные ответы.

А я умачал ее тело, читал ей заклинания и рассказывал различные истории. Надо сознаться, что больше всего моя мумия полюбила скабрзные анекдоты, так что я, к великому удивлению соседей, зачастил в веселое заведение одной госпожи, где этими историями меня потчевали весь вечер и добрую половину ночи.

Тем временем оживший мертвец вещал и проричал. Многие из сказанного им сбывалось до мельчайших подробностей. Ко мне начали ходить люди — за советом, за информацией. Я не открывал им лица волшебного моего помощника, со-



храня его за занавесом, но несмотря на эту меру предосторожности, вскоре уже весь город знал, что я завладел мумией и сумел заручиться дружбой давно умершего человека.

Окончилась моя нищета. Я выкупил проданный было родительский дом, начал баловать себя яствами, а для мумии приобретал ценные благовония, которые она охотно обоняла. В конце концов мои бывшие товарищи, привыкшие презирать и жалеть меня как неудачника, преисполнились великой зависти и предприняли попытку свергнуть меня в прежнее мое плачевное состояние. Особенно один из них выказывал сугубое упорство.

Однажды он проник в мой дом, пока меня не было, и завел с мумией долгую беседу. Поначалу малословная, мумия отвечала назойливому гостю неохотно, но тот сумел ее раззадорить. Он курил для нее благовонные палочки, подносил к носу умершего бокал с вином, льстил, забыв о совести, и в конце концов моя мумия разговорилась и проболталась.

Никогда при жизни своей не был мудрец-вещун владыкой, ученым или жрецом какого-либо божества. Более того, эта мумия представляла собой настоящую фальшивку. Предприимчивые торговцы, взявшие с меня такие большие деньги, подобрали по дороге в Дарфар труп умершего раба, сварили его в битуме, затем выбелили в щелоке и продали как нечто древнее.

Это разоблачение могло бы окончательно погубить меня, если бы не одно обстоятельство: все



прорицания фальшивой мумии были абсолютно истинными. Бывший раб слишком хорошо знал людей, их слабости и побудительные мотивы, чтобы ошибаться, предрекая им то одно, то другое. Кроме того, он обладал завидным здравым смыслом и не утратил этого свойства и после своей смерти.

И все же оставаться в городе после этого разоблачения было для меня невыносимо. Поэтому я забрал с собой мумию, несколько книг, кое-какие инструменты для наблюдения за звездами и поселился здесь, в тиши и уединении.

— Кстати, меня звали Грес, — подал голос мертвец, заснувший было под лавкой.

Конан брезгливо подобрал ноги.

— Мне это все не нравится, — пробормотал он. — Пойду-ка я спать на свежий воздух. Благодарю тебя, Бульнес, за гостеприимство, но ночевать под одной крышей с разговаривающим мертвецом мне почему-то не хочется.

С этими словами он забрал одеяло из верблюжьей шерсти, принадлежавшее Гирадо, и выбрался из хижины.

Бульнес проводил его глазами.

— Видишь, — обратился он к Гирадо, — как относятся ко мне все обыкновенные люди!

— Конан — не вполне обыкновенный человек, — возразил Гирадо. — Он великий воин и великий пророк. Он из тех, кто разит, не раздумывая, и так же не раздумывая приходит на помощь. Но больше всего, как мне кажется, он любит свободу и деньги.



— Что ж, таких людей я тоже встречал, — задумчиво молвил Бульнес.

— Этот парень завоюет королевство, — подавала голос мумия бывшего раба.

— Что? — обернулись к Гресу Бульнес и Гирадо.

— То, что я сказал. — Оживший мертвец зевнул и сел на полу, потирая глаза. — От него пахнет королевской властью. Он случайно не рожден королями?

— По-моему, нет, — сказал Гирадо. — В противном случае он бы об этом обмолвился.

— Говорю вам, этот парень еще станет владыкой, — упрямо повторила мумия. — Таково мое предсказание. Я редко ошибаюсь.

— Что ж, я передам ему твое мнение, — обещал Гирадо. И снова заговорил с Бульнесом: — В Стигии, пока ты пребывал в уединении, случилась беда. Точнее, она случится, если мы не оставим могущественного мага по имени Мутэмэнет. Не встречалась ли тебе эта женщина в ту пору, когда ты изучал искусство некромантии?

— Лично я с ней никогда не виделся, — ответил Бульнес. — Но того, что я о ней слышал, оказалось довольно, чтобы отбить всякую охоту иметь с нею дело.

— Я не стану рассказывать тебе всего, — проговорил Гирадо. — Это долго и опасно. Возможно, у нее везде есть невидимые соглядатаи. Когда имеешь дело с магом, никогда не знаешь, чего ожидать.

— Говори основное, — сказал Бульнес. — Я постараюсь помочь тебе.



— Где-то здесь, в горах, обитает второй отшельник — дракон Мемфис.

— Я знаю его, — просто отозвался Бульнес.

Мумия со вздохом растянулась на полу. Слышно было, как хрустят ее суставы.

— Чаще всего он бродит по горам, обернувшись дряхленьким старичком, — продолжал Бульнес. — Если ты не обладаешь магическим зрением, тебе ни за что не угадать в этом немоном старце могучего дракона с серебряным телом и сверкающими клыками. Он умен, очень умен и обладает своеобразным чувством юмора.

— Совсем как Конан, — хмыкнул Гирадо. — Вот уж у кого крайне своеобразное представление о смешном.

Бульнес попытался пригладить непослушные вихры у себя на голове, однако это ему не удалось. Оставив всякую попытку привести в порядок волосы, он принялся тереть мочку уха.

— Если тебе повезет, ты встретишь его завтра. Недавно мы видели его гуляющим возле пещеры Хрустального бога.

— Это еще что? — нахмурился Гирадо.

— Одна пещера, — туманно пояснил Бульнес. — Идите дальше на север, до дерева, разбитого молнией. Вы увидите его издалека. Это огромный ствол, перекрученный и черный от давнего удара. Говорят, что на самом деле это вовсе не дерево, а древний великан, который повздорил с громовержцем и за это был им наказан... Справа от убитого дерева будет вход в эту пещеру...

Голос Бульнеса звучал все тише и тише, и Ги-



радо почувствовал, как его клонит в сон. Не договорив фразу до середины, некромант задремал, свесив голову на грудь. Заснул и Гирадо. Тишина повисла над убогой хижинкой, где долго еще мерцала одинокая лампада. Но наконец погасла и она.

* * *

Когда Конан проснулся, то не обнаружил ни хижинки, ни стигийского некроманта, ни ожившей мумии, ни своего спутника. Оба коня, привязанные неподалеку к кустам, спокойно паслись и только время от времени дергали ушами. Небо над головой было ясным, коршун продолжал кружить и покрикивать тонким, тревожным голосом, но больше ничего живого поблизости не наблюдалось.

Конан сел, потер виски. Прокашлялся. Ничего. Вчера он совершенно не пил ничего спиртного, поэтому вряд ли ему почудился ночлег в странной хижине. Нет, хижина была. Киммериец считал себя человеком здравомыслящим, и сбить его с толку было не так-то просто.

— Магия, — прошепел он так, словно это слово было ругательством.

Он чувствовал себя отвлеченно. Вчера следовало хватать Гирадо в охапку и бежать прочь из этого проклятого дома. Сразу, как только хозяин проговорился о том, что владеет ожившей мумией. С самого начала не понравился Конану этот Бульнес — если только того действительно



так зовут. Но ведь Гирадо мнит себя цивилизованным человеком! Как он мог обидеть гостеприимного хозяина, да еще стигийского мудреца? К тому же тот предлагал интересную беседу о магии, некромантии, предсказаниях и прочей чепухе, от которой только одно лекарство — добрый улар дубиной по голове.

Сердясь на себя, как на лютого врага, Конан взял обеих лошадей и двинулся вперед. Может быть, Гирадо обнаружится вскоре — висящим на дереве, прищипленным к скале или еще в каком-нибудь неудобном и глупом положении, — и тогда его придется спасать.

Впереди показалось высокое дерево, давным-давно расщепленное молнией. Конан посмотрел на него, нахмурясь: что-то в этом дереве показалось ему подозрительным. Впрочем, в то утро любая вещь выглядела в его глазах гнусной и не заслуживающей доверия. Тем не менее в пещеру, вход в которую находился рядом с корнями погибшего дерева, варвар все-таки заглянул. Маги обожают подобные местечки, как он знал по своему опыту. Может быть, и здесь он отыщет какого-нибудь худосочного чародея, из которого можно будет вытрясти два-три полезных заклинания прежде, чем отрезать ему голову.

В пещере оказалось, противу ожидания, светло. Стены ее были сложены полупрозрачным камнем сероватого оттенка, и солнечные лучи, рассеиваясь, проникали в подземелье. Казалось, здесь постоянно висит серебристая пыль. Тонкий звон сопровождал каждый шаг киммерийца —



это отзывались на прикосновения подошв певучие камни. Впереди тихо капала вода.

По мере того, как Конан углублялся в пещеру, звук падения капель становился все звонче, все отчетливее. Наконец перед варваром открылся большой подземный зал. Конан остановился, изумленный представшим ему зрелищем.

Под тонким, почти совершенно прозрачным каменным куполом, находилось небольшое озеро, заполненное черной водой. Из этой воды поднимался постамент в виде лотоса, а на постаменте находилась большая, выше человеческого роста, статуя какого-то божества. Этот бог, с огромными удлинненными ушами, полузакрытыми глазами и сложенными на груди руками, тихо дремал, скрестив ноги посреди большого каменного цветка.

Из потолка на темя статуе медленно падала вода. Каждая капля стекала по туловищу и омывала его. Божество зеркально отражалось в черной неподвижной воде озера.

А на другом берегу, в точно такой же позе, сидел маленький дряхлый старичок и задумчиво созерцал статую.

При виде Конана старичок поднял голову и замотал длинными седыми усами.

— Человек! — прошамкал старик. — Зачем ты пришел в эту пещеру? Чего ты здесь ищешь? Ничего, кроме вечного покоя, тебе здесь не откроется, а ты не из тех, кому требуется покой.

— Ты прав, почтенный, — отозвался Конан. — Со мной случилась беда, вот я и пошел куда гла-



за глядят в поисках человека, который мне бы помог.

— Беда? — удивился старикашка и затрясся от смеха. Его усы извивались, как живые. — Какая беда может случиться с таким, как ты? Ты молод, полон сил и шума! С такими никогда ничего не случается! У тебя нет дома, чтобы он сгорел! У тебя нет жены, чтобы она тебе изменила! У тебя нет детей, которые могли бы умереть! У тебя ничего нет, голодранец, кроме отменного здоровья и глупой башки!

— Ты прав, почтенный, — еще более вежливо ответил Конан бесноватому старцу. — Но у меня был спутник — и вот он-то пропал.

— Не очень похоже, чтобы ты страдал оттого, что пропал какой-то безмозглый дурак, с которым ты пустился в странствия! — заметил старичок и встал.

На нем были очень дорогие и чрезвычайно истрепанные одежды. Халат из золотой парчи — порван в клочья, наборный пояс, украшенный бирюзой и рубинами, потерт и покрыт трещинами, обувь, сшитая из хорошо выделанной кожи, висела лохмотьями на тощих ногах.

В таком же ужасном состоянии находились грязные всклокоченные волосы старика, его тонкая бородка и длинные, очень жидкие и неопрятные усы. Но небольшие темные глаза излучали мощную энергию, а беззубый рот шамкал властно.

— Тебе повезло, дурачина, — говорил старичок, показывая Конану на статую божества, — ты



притащился сюда как раз в полнолуние, когда Амида достигает своего наибольшего роста.

— Как это? — не понял Конан.

— Эта статуя сформирована камнем и падающей водой, которая просачивается сюда сквозь трещины в потолке пещеры. Она прибывает и убывает вместе с луной. В полнолуние это природное изваяние достигает потолка пещеры, а к новолунию от него почти ничего не остается.

— Как это может быть? — поразился Конан.

Старичок затрясся от смеха.

— Этого никто не знает, сынок! Мы ведь имеем дело с божеством! Оно захотело быть таким, оно стало таким, каким захотело, — вот и все, что мы можем знать об этом!

— Слишком сложно для меня, — проворчал варвар. — Могу я узнать твое имя, почтенный, или ты предпочтешь, чтобы я терпел твои грубости, именую тебе в ответ почтенным и не более того?

— Ах ты, маленький хитрец! — старичок угрозил ему узловатым пальцем с длинным желтым ногтем. — Ах, плутишка!

Прошло очень много лет с тех пор, как Конана называли «маленьким хитрецом». Разве что какая-нибудь девица, прикорнувшая на его груди... Но уж никак не взрослый мужчина. Тем не менее Конан повторил свой вопрос:

— Меня зовут Конан, почтенный, назови же теперь свое имя.

— Мемфис, — быстро ответил старикашка. — Мое имя — Мемфис. Можешь называть меня так-



же Большой Мемфис или Серебряный Мемфис. Понял, малыш?

Конан ничего не понял.

— Мемфис — это дракон, — сказал он. — Или глупый Гирандо опять все перепутал? Ты ведь старый человек, не так ли? Человек, а не дракон?

— Возможно, — смутно ответил старикашка. — А возможно, и не совсем. Каждое полнолуние я прихожу сюда, чтобы полюбоваться на статую, которая возрастает до потолка пещеры. Дракону не проникнуть в это отверстие, не так ли? Приходится принимать меры. Да, приходится кое-что менять. Иначе я не могу увидеть статую. А мне хочется ее видеть. Понимаешь ли ты, малыш, что значит — хочется?

— Еще бы! — сказал Конан. — Например, мне хочется увидеть моего приятеля Гирандо.

— Неужели тебе дорог какой-то человечек? Судя по имени, он родом из Стигии, а ты не похож на стигийца. Стало быть, вы не родственники, — начал рассуждать старичок, назвавшийся Мемфисом. — А как тебя зовут, а?

— Меня зовут Конан, и этот стигиец мне вовсе не дорог. И уж тем более мы не родственники, — рассердился Конан. — Но мы вместе пустились в путь, и я хотел бы, чтобы этот путь мы и закончили вдвоем. Не привык я к такому, чтобы устроиться на ночлег вдвоем, проснуться в одиночку да так и уехать ни с чем.

— погоди-ка, погоди... — Мемфис призадумался, закусив ус. — Где это вы заночевали вдвоем? Не у Бульнеса ли, этого пройдохи-некроманта?



— Да, кажется, такое имя назвал хозяин довольно мерзкой хижины.

— Теперь понятно... — Мемфис хихикнул, поперхнулся собственным усом и принялся кашлять, содрогаясь всем телом. — Понятно, совершенно все понятно... Ты, наверное, ушел ночевать на двор, а твой дружок расположился под крышей.

— Да.

— Каждое полнолуние Бульнес со своей болливой мумией проваливается под землю.

— Так принято? — уточнил Конан. — Или это какое-то проклятие?

— Откуда мне знать? — Мемфис выплюнул ус и громко фыркнул, почти как лошадь. — Мало ли что придет в голову этому человечьему отродью. Полная луна плохо действует на мумию. Она начинает зевать, говорить разную чушь, а иногда делается злобной и кидается на своего спасителя. А чего он хотел, когда завладел трупом раба и превратил его в прорицателя? Окружил почетом, курит ему благовония — тьфу! Меня тошнит от всей этой глупости.

Старичок энергично плюнул себе под ноги и попал в черные воды озера. По глади побежали круги, возле каменного лотоса заколебались маленькие волны. По статуе пронесся долгий протяжный вздох, который зародился как будто в самых ее глубинах.

— Ой-ой, — сказал старичок. — Бежим-ка отсюда, малыш. Я случайно прогневал нашего бога, и он может пробудиться.



— И что тогда? — спросил Конан, не двигаясь с места.

— Если он никого не увидит, то заснет снова. А если заметит нас с тобой, то... мало ли что придет ему в голову спросонок! Этих богов разве разберешь!

И Мемфис мелко засеменял вокруг озера. Конан подхватил старичка на руки — тот оказался невероятно тяжелым — и бросился с ним бежать прочь из пещеры. И вовремя — каменная статуя как раз начала приподнимать веки.

— Уф! — выговорил Мемфис, когда Конан поставил его на ноги. Они снова были возле входа в пещеру, рядом с разбитым деревом. — Быстро же ты умеешь скакать, малыш. Как тебя зовут, говоришь?

— Конан.

— Забавное имя. Ты ведь северянин, а? Черный, как кушит, а глаза голубые. Пф! — Он снова фыркнул, так что усы испуганно разлетелись от его рта. — Где это тебя так сожгло солнцем? — Он поднял палец. — Только на море бывает такой загар! Только на море! Ты был гребцом на галере, а? Сознавайся, мерзавец, ведь ты бывший гребец на галере!

— Может быть, — сказал Конан. — Тебе-то какое дело, почтенный Мемфис, Серебряный и Большой, был я гребцом или не был?

— Да никакой, — сказал старичок. — От тебя воняет королями, а ты тратишь время, размахивая веслами на какой-то галере.

— Какими еще королями? — смутился Конан.



Наслаждаясь тем, что гигант-северянин наконец-то чувствует себя не в своей тарелке, старичок захохотал, широко разевая беззубый рот.

— Ты будешь королем или был им когда-то! — заявил он.

— Эка новость! — нашелся Конан. — Конечно, когда-нибудь я завоюю себе королевство.

Мемфис закивал головой, размахивая длинными серо-седыми волосами.

— Похвально, малыш, похвально. Ну что, летим?

— Куда? — не понял Конан.

— Ты хочешь тащиться к хижине Бульнеса пешком? — поинтересовался старик ехидно. — Неужели не надоело бегать туда-сюда, туда-сюда? Летим! — прогремел его голос совершенно по-иному, и вдруг перед Конаном возник огромный змей с получеловеческим лицом на морде. Усы, каждый размером с большую змею, шевелились на камнях. На голове красовались острые загибающиеся рога. Тяжелый хвост расслабленно лежал среди кустов и булыжников. Серебряная чешуя сверкала на бледном солнце, и дракон казался металлическим.

И только темные глаза глядели по-прежнему, ехидно и весело. Это существо так и дышало жаром, жизненными силами, мощью.

— Садись между рогами, — прогремел голос, и усы расползли в стороны, как бы в приглашающем жесте. — Полетим низко, но очень быстро.

Конан осторожно приблизился к голове дракона.



— Мемфис, — сказал он, и в его голосе невольно прозвучало благоговение. — Как же ты красив!

— А... — вздохнул дракон. — Я всегда это знал!

Конан устроился на голове змея. Прикосновение чешуи оказалось прохладным и приятным. Почти мгновенно змей чуть-чуть приподнялся над землей и заскользил, извиваясь, по воздуху. Мимо проносились, мелькая, кусты, низкие деревца, обломки скал. Прошло совсем немного времени, и дракон плавно опустился на землю.

— Здесь, кажется, стояла хижина этого дурака Бульнеса, — ворчливо прогремел он. — Ну-ка, слезай с моей головы. Будем копать.

Конан спустился на землю и отошел чуть в сторону. Дракон сложил свое длинное тело кольцами и уставился на него.

— Ну? — сказала древнее существо.

— Что? — не понял Конан.

— Будем копать! — сказал дракон.

— Хорошо, — согласился Конан.

— Что же ты стоишь? — прогневался дракон. Он взмахнул усами, как бичами, и хлопнул хвостом по земле, отчего опавшие листья, хворост и несколько неудачливых ящериц взлетели в воздух. — Копай!

— Я? — переспросил Конан.

Дракон склонил голову набок, как удивленная собака.

— А что, я, по-твоему? Это твой приятель! Копай! Я буду помогать тебе песней.

И он действительно завел монотонную песню,



от которой неудержимо клонило в сон. Конан опустился на колени и принялся ладонями разгребать землю на том месте, где, как он помнил, была злополучная хижина.

Вскоре он увидел лицо, засыпанное землей. Это был Бульнес. Он спал мертвым сном и чуть похрапывал. На его бледных губах вздувались пузыри.

— Оставь его, — прервал на миг свое пение дракон. — Займись другим. Этот уже привык к погружениям, а вот твой приятель мог и задохнуться.

Конан послушно бросил Бульнеса (надо признать, сделал он это весьма охотно) и принялся копать дальше. Вскоре он отыскал Гирадо. Стигиец спал мучительным сном, он позеленел, губы его ввалились и стали почти черными, веки изо всех сил жмурились, как будто пытались избавиться взор от страшных видений. Конан вытащил его и уложил на траву.

— Хорошо, — сказал дракон, продолжая тянуть бесконечную мелодию. — Буди его, пока он не привык к этому сну. Пока что ему снятся отвратительные вещи — видишь, как хмурится? — но когда он попривыкнет и втянется, видения станут более спокойными, а потом и приятными... В конце концов он не захочет просыпаться.

— Но почему Бульнес не предупредил его, что останавливаться на ночлег под крышей его дома опасно? — спросил Конан, хлопая Гирадо по щекам и тряся его за плечи.

— Потому что ему дела нет до пришлых осто-



лопов, которые забрели к нему под кров, — промурлыкал дракон.

Гирадо со стоном распахнул глаза. Конан увидел ужас, мелькнувший во взгляде стигийца.

— Кто? Что? — выдохнул Гирадо.

— Это я, — сказал киммериец.

— Конан! — Гирадо с глубоким вздохом опустился на траву. — Мне показалось, что я умер, что меня опускают в чан с кипящей смолой и хотят сделать из меня мумию...

— Ну, что я говорил? — раздался громовой голос дракона. — Все это из-за некромантии. Возня с трупами никого еще не доводила до добра.

Гирадо подскочил, как ужаленный, и встретился взглядом с Мемфисом. Серебряный дракон шурился, словно кошка, и откровенно потешался над перепуганным и растерянным человеком.

— Ты... ты... о, великий, почтенный, о могущественный... — залепетал стигиец, хватаясь то за один, то за другой амулет.

— Это я, — важно подтвердил дракон. — Я познакомился с твоим спутником, с этим верзилой, который был вежлив с хилым стариком и бестрашен с могучим драконом. Хо, хо. Куда это вы, малыши, направляетесь? Здесь не очень приветливые края, как вы успели убедиться.

— Мы ищем... нам нужно найти... — начал стигиец, но махнул рукой и вдруг заплакал. — Мне трудно говорить, — сквозь слезы вымолвил он. — Столько всего произошло! Живая мумия, некромант, подводный город, а теперь еще ты — такой огромный, такой...



— Прекрасный, — самодовольным тоном подсказал дракон. — Ладно, пускай отвечает северянин. Как тебя, кстати, зовут, северянин? Кажется, в голове у тебя не совсем пусто.

— Нам нужна часть амулета, — сказал Конан, решив на этот раз не называть своего имени дракону. Будет с него.

— Талисмана, — поправил Гирандо.

Конан махнул рукой.

— Ну, талисмана. Такой кругляшок, разбитый на четыре части. По нашим сведениям, у тебя хранится та часть, что позволяет повелевать духами воздуха.

— Что, очень надо? — спросил дракон еще более насмешливо.

— Без этого не остановить Мутэмэнет, если ее имя тебе что-нибудь говорит.

— Помню такую женщину, — задумчиво протянул Мемфис. — Красивая, но очень злая. Она приносила мне воздушный талисман. Говорила что-то об опасностях, о магии, да я ничего не понял. — Он потянулся, развернув и снова свернув кольца своего огромного серебряного тела. — Я слишком стар, слишком могуч, слишком далек от мира людей... Если бы вы только знали, какими жалкими кажетесь вы с той высоты, на которую я летаю! Вы живете так мало, что я не успеваю замечать, как сменяются поколения. Вы ходите так медленно, что я обгоняю вас, едва начав движение. Вы ничтожны... и все же есть что-то непобедимое в вашем неустанном продвижении вперед. Чего вы достигнете когда-нибудь?



Я это увижу, я увижу... Да, я доживу до этого времени...

Дракон зевнул, ослепив двоих спутников блеском своих белоснежных клыков, в которых, казалось, отражались, искаженные, оба лица, Конана и Гирандо.

— Забирайте эту безделку, — сказал дракон, и из-под его перепончатой лапы выпал неровный кусочек металла. Гирандо схватил талисман так быстро, что Конан едва успел проследить за ним глазами. — И уходите... уходите, пока не случилось еще чего-нибудь.

— погоди, — остановил дракона Конан. — Ты был так добр, так снисходителен... Окажи нам еще одну услугу.

Дракон широко раскрыл темные глаза, в которых так и плясали усмешливые огоньки.

— Я слушаю тебя, малыш.

— Нам нужно попасть в подземный город магминов.

— Сколько всего вам нужно, малыш! У меня просто голова идет кругом! — громовые раскаты драконьего смеха разнеслись среди скал. — Идите в ту пещеру, где мы встретились. Лошадей тебе придется отпустить... Они, по-моему, убежали, едва я принял истинный облик. Впрочем, я не уверен. Проверь. В любом случае, в подземелье их не бери. Там они не пройдут. Вход — там, мимо статуи Амиды. Дождитесь, пока минет полнолуние. Нехорошее это время для вас, людей, — полнолуние...

Дракон чуть приподнялся над землей. Кончик



его хвоста задрожал — древний зверь предвкушал предстоящий стремительный полет.

— Прощайте, малыши, — зазвенел, запел медный голос Мемфиса. — Прощайте!

Серебряная стрела чиркнула воздух, и спустя миг в ослепительно-синих небесах уже извивалось огромное, сияющее тело гигантского древнего змея.

* * *

Гирадо изо всех сил старался сохранять невозмутимый вид, но это у него не очень-то получалось. В подземелье он ежился и все время оглядывался по сторонам, как будто ожидал нападения страшного чудовища. Ничего не происходило, и это, как с насмешкой подумал Конан, еще больше пугало маленького стигийца. Смуглые тонкие пальцы постоянно перебирали амулеты, ощупывали то один, то другой мешочек с колдовскими зельями. Губы то и дело принимались шевелиться, бормоча заклинания, но ни одно из них стигиец не договорил до конца.

— А что, — обратился к нему Конан, — душно было тебе спать под землей?

Гирадо посмотрел на своего спутника большими темными глазами, расширенными от ужаса.

— Поначалу я вообще ничего не понял, — признался он. — Просто заснул. Земля забила мне рот и нос, но я не умирал. Тяжело и мучительно спал. Такое иногда случается, когда тебя давит тяжелое одеяло...



— Давит одеяло! — фыркнул Конан. — Чего только не услышишь, общаясь с цивилизованными людьми!

— Легко тебе говорить, верзила, — обиделся стигиец.

При виде могучей, бугрящейся мышцами фигуры варвара трудно себе было представить, что его могло «давить» одеяло. Однако хрупкий стигиец — другое дело. Какая-нибудь баранья шкура или набитый войлоком матрас вполне могли сжать его грудную клетку и вызвать кошмары.

— Ладно, не обижайся, — миролюбиво отозвался Конан. — Лучше продолжай. Интересно.

— Мне снились страшные вещи. Отрубленная голова моего брата, превращенная в рубин...

— А разве твоему брату отрубили голову? — удивился Конан.

— Это же сновидение! — объяснил стигиец.

— А разве оно не пророческое или что-то в этом роде?

— Нет, просто сновидение. Только страшное.

— Нет ничего страшного в отрубленной голове, — заявил Конан авторитетным тоном. — Я самолично отрубал головы и могу тебя заверить, что нет ничего более мирного, молчаливого и безопасного, чем...

— О боги! Я говорю о своем брате! — возопил стигиец.

— Ты ведь его даже ни разу не видел, насколько я понимаю.

— Неважно. Мы с ним одной плоти. Словом, я не буду тебе больше ничего рассказывать... —



Чуть помолчав, Гирадо добавил: — И эта красная, полупрозрачная голова имела мое лицо. И она пыталась мне что-то сказать, но ее губы были скованы рубином.

— Как это? — заинтересовался Конан.

— Я хотел сказать: она была рубиновая и потому не могла шевелить губами.

— Красивый сон, — помолчав, оценил Конан. — А потом?

— Потом ты начал меня трясти. Рубиновые грезы рассыпались, я увидел серенький свет и твою физиономию. Но этот дракон! Как ты сумел завоевать его уважение?

— Что-то я не заметил, чтобы старый Мемфис проявлял ко мне уважение! Просто мы с ним поболтали. Точнее, я поболтал с неким сварливым старикашкой, который бродил по этой пещере и случайно плюнул в изображение бога... или в самого бога. А вот и он!

Они вошли в подземный зал с озером, посреди которого на каменном лотосе восседала прозрачная статуя божества. Теперь, когда полнолуние миновало, капли с потолка падали реже, и статуя сделалась меньше. Конан предположил, что к новолунию изображение божества (или же само божество — этого он так до конца и не понял) становится совсем маленьким. Тем не менее глазам путников предстала довольно внушительная картина: почти совершенно прозрачный бог, застывший в спокойной, отрешенной позе, глядел на них из-под полуопущенных век равнодушно и слепо; на холодных, выпяченных губах застыла



полуулыбка, которая в любое мгновение, казалось, может обернуться злобным оскалом или приветливым смешком.

Отраженная в неподвижной черной водной глади, статуя казалась двуглавой.

— Клянусь Бэлит! — шепнул стигиец. — Здесь жутко!

— Пока он не шевелится, все в порядке, — отозвался варвар, пожимая плечами. — По мне так, все статуи богов ничего не стоят, пока они остаются статуями.

В это мгновение прозрачный бог открыл глаза и осторожно шевельнул рукой. По озеру пробежали круги.

— Ты касался воды? — спросил киммериец у своего спутника.

— Нет... Тебе тоже показалось?

— Кром! Проклятье! Ничего не показалось! Он оживает, и одному только аду известно, почему!

— Люди... — пронеслось эхом по подземной пещере, и это простое слово отзывалось от стен много раз, то глухо, то гулко, пока наконец не начало звучать зловеще, словно представляло собой какое-то древнее могущественное заклинание. — Люди...

— Да, мы люди! — выкрикнул Конан, желая разрушить очарование страха. — А ты — всего лишь ледяная статуя!

— Я бог... — загремело вокруг. — Я бог... Ничтожные, жалкие люди!

— Мы друзья Мемфиса, — бойко проговорил стигиец, размахивая амулетом причудливой фор-



мы. На коротком жезле сидело изображение дракона, раскрашенного красными и золотыми полосами. Чуть ниже дракона имелось синее кольцо, с которого свешивались цепочки, кисточки, причудливо завязанные узелками шелковые шнуры и колокольчики. Все это брякало и развевалось, однако на ожившего ледяного бога не производило ни малейшего впечатления.

— Я Амида, спящий здесь, во тьме, тысячи лет! — сказал он. — Дракон Мемфис превратил меня в крошечного карлу и оледенил мои члены. Много тысяч лет длилось наше противостояние. Мы видели, как пала Атлантида, но и это не остановило нашей вражды. Нам не было дела до страданий людишек, ведь мы были равными противниками и стояли друг друга. Только это нас и занимало. Но вот Мемфис заручился помощью людей, этих ничтожных созданий... Я ненавижу людей! — взревел вдруг Амида, и по его телу побежали струйки оттаявшей воды. — Это дьявольское отродье! Их жизнь коротка, но за эти считанные мгновения, что они проводят на земле, они успевают совершить столько добра и зла! Богам потребовались бы столетия, чтобы сравняться в счете с человеком.

Люди стали союзниками Мемфиса. Он научился принимать их облик. Этот облик был, с их точки зрения, весьма несовершенным и даже смешным, и поэтому они полюбили его. Вот загадка человека! Человек может полюбить уродливое и смешное. Человек может полюбить отталкивающего старикашку, который забывает



половину из того, что ему только что рассказали. И Мемфис понял это, и научился этим пользоваться.

А я никогда не снисходил до людей. Меня не интересовали их убогие тайны. Мне не хотелось заключать с ними союз. Я предпочел бы, чтобы их никогда не было!

И однажды я поплатился за свою гордость. Мемфис со своими отвратительными союзниками подстерег меня и набросил на меня сеть из своих чар. Спустя короткое время я, побежденный, поверженный, униженный, был превращен им в крошечную уродливую статуэтку и помещен здесь, в этой пещере, посреди озера.

Мемфис приковал меня к каменному лотосу, так что он стал моей тюрьмой. Но день и ночь сверху падают на меня благодетельные капли воды. Чем полнее луна, тем гуще и чаще эти капли, тем быстрее расту я. Ледяной покров в точности повторяет форму статуэтки, только увеличивает ее в размерах.

Но увы, каждый месяц луна начинает убывать, и лед тает, а прозрачная статуя делается все меньше...

Конан присмотрелся и увидел, что внутри ледяной глыбы мерцает что-то темное. И это что-то было статуэткой, как и говорил Амида. Статуэткой, полной жизни и ненависти. Но она не могла двинуться с места и только пыталась прожечь своих собеседников яростным взглядом больших, узких глаз.

А лед статуи все плавился. Озеро, окружаю-



щее пленного Амиду, вскипало, по черной воде плыли пузыри, в которых причудливо отражалось пламя свечей. От лотоса, волнуясь, разбегались круги.

— Я могу разрубить его мечом, — сказал Конан своему спутнику. — Но не знаю, стоит ли это делать. Если дух Амиды заточен внутри этой статуэтки, то неразумно будет выпускать его на свободу.

— Ты делаешь большие успехи в деле изучения природы духов, — похвалил его стигиец.

Конан поглядел на Гирано искоса, но ничего не ответил.

Вместо этого он обратился к божеству:

— Дракон Мемфис умен и добр, насколько я успел заметить.

— Как ты можешь судить, кто умен и кто добр! — заревела статуя. Теперь лед трясся, как желе, наполовину расплавленный, и золотой свет внутри глыбы разгорался все ярче. — Ты ничтожный, жалкий...

— Дракон Мемфис поступил правильно! — крикнул Конан. — Ты останешься здесь, в темноте и неизвестности, Амида, и не сможешь помешать нам продолжить наш путь!

Со страшным грохотом лед обвалился в озеро. Обезображенные куски статуи закачались на черных волнах. «Скорлупа», одевавшая изящные руки и толстые скрещенные ноги, обломки «маски», покрывавшей лицо, проплывали мимо Конана и Гирано. Странно было видеть бесстрастный прозрачный лик, оторванный от головы и под-



прыгивающий в воде. Как будто там тонул человек, равнодушный к собственной судьбе.

А на лотосе осталась только маленькая золотая статуэтка, раскаленная теперь докрасна. Она тщетно пыталась приподняться, взмахнуть руками. Только шипение слышалось теперь, многократно усиленное эхом, и в этом шипении спутники разобрали:

— Мемфис... проклятый дракон Мемфис...

Не сказав больше ни слова, они припустились бежать и скоро скрылись в темных подземных переходах.

* * *

Поначалу ничего нового они не видели. Только низкие ходы, как будто прорытые огромными муравьями, обнаженные скальные породы, иногда сырость под ногами. Затем впереди мелькнул свет.

Конан остановился.

— Ты видишь? — спросил он своего спутника.

Гирано замер рядом с могучим киммерийцем.

— О чем ты? О том огоньке?

— Да. Это не просто светляк... Мне кажется, там есть кто-то живой, — сказал Конан.

— Ну да, — отозвался Гирано, стараясь выглядеть уверенным, — светляк ведь живой.

— Я хотел сказать, там существа... Ну, какие-то разумные существа! — рассердился Конан. — Ты ведь прекрасно понял, что я имею в виду! Зачем прикидываться?



— Я понял тебя, — кивнул Гирадо, — только мне кажется, что там обыкновенные колонии светляков.

— Что светлякам делать под землей?

— Мы очень мало знаем о живых существах, которые обитают под землей, — нравоучительным тоном проговорил Гирадо. — Например, некоторые змеи, лишённые глаз...

— Только избавь меня от лекций о змеях, ты, уроженец земли Сета! — взревел киммериец. — Ненавижу змей!

— К ним стоит относиться с уважением, — заметил Гирадо. — Я тоже не большой поклонник Сета, но по крайней мере жизнь в Стигии приучила меня внимательно следить за змеями.

— Хвала богам, я не знаток жизни в Стигии! — разбушевался Конан. — И если я говорю, что впереди кто-то живой, то я говорю то, что говорю! То есть, что впереди кто-то живой! Опасный! Враг! Ты понял, что я говорю?

— Я понял, что ты злишься и немного напуган, — сказал Гирадо спокойно, что еще больше вывело Конана из себя. В наступившей тишине было слышно, как киммериец скрипит зубами. От этого звука у Гирадо мурашки побежали по коже. К тому же он уже сообразил, что киммериец прав: свет впереди означал, скорее всего, селение магминов.

Подземные жители, маленького роста, скорченные, с уродливыми лицами, были потомками лемурийцев, и в их сознании до сих пор жил образ их предков, красивых, с прямыми спинами и



ясными глазами. У лемурийцев не было расширенных зрачков, приспособленных к тому, чтобы видеть в темноте. Они не напоминали горбатых карликов. Их руки не были мускулисты и узловаты.

Магмины тесно сроднились со стихиями подземного мира — прежде всего земли и огня. Огонь, который пылал в недрах земли, согревал их сердца, и каждый из них представлял собой как бы крошечный сгусток почвы с одушевленными пламенем в середине.

Они заметили пришельцев раньше, чем Конан углядел пламя их факелов. И скоро над головами путников начал сыпаться песок. Поначалу с потолка пещеры тихо струились песок и мелкие камешки. Но скоро это грозило превратиться в настоящий обвал.

Конан остановился.

— Эй! — крикнул он. — Мы никому не желаем зла!

Он прислушался. Гирадо так разволновался, что сам не заметил, как прижался боком к могучему боку киммерийца. Конан слышал его дыхание и чувствовал, как дрожит маленький стигиец.

Поначалу никакого ответа не последовало. Только в темноте вдруг протопали крошечные ножки. Затем издали донесся звон кирки. А после совсем рядом зазвучал голос. Говорил некто, с трудом выговаривая человеческие слова:

— Что вам надо?

— Мы пришли в страну магминов, — начал Гирадо, — с миром и нижайшей просьбой.



— Кто вы? — последовал вопрос.

— Два человека сверху.

— Мы знаем страны, которые лежат сверху, — высокомерно произнес голос. Он звучал так, словно исходил из автомата, хотя на самом деле говорило живое существо. Конан даже различал его дыхание, немного хриплое, как будто в легких у него осела каменная пыль. — Назовите эти страны.

— Стигия, — сказал Гирадо.

— Киммерия, — произнес Конан.

— Знаете ли вы Лемурию? — спросил голос.

— Она исчезла много тысячелетий назад, — отозвался Конан. — Но лемурийцы оставили на земле немало полезного...

— Вы уважаете Лемурию?

— Хотя эта страна и исчезла, она до сих пор заставляет с собой считаться, — быстро ответил Гирадо. — Трудно не уважать такую страну, почтенный.

Послышалось удовлетворенное шипение. Затем тот же голос заговорил опять:

— Кто ваши друзья?

— Дракон Мемфис, — назвал Конан и внутренне сжался, готовясь отразить атаку, с какой стороны бы она ни последовала. Он понятия не имел, кого поддерживали магмины в долгом противостоянии Мемфиса и Амиды. Вряд ли маленькие подземные человечки оставались в стороне, когда рядом кипела такая схватка: ведь они, считающие себя потомками славной Лемурии, полагали своим долгом вмешиваться в любые значи-



тельные конфликты, о каких только им удавалось узнать.

И если Конан назвал неправильное имя...

Гирадо нашупал несколько амулетов и одну бутылочку с порошком. Он не знал, какой это был порошок, ослепляющий или усыпляющий, но если придется действовать, он метнет зелье, не раздумывая, — а там уж как получится.

Но оказалось, что Конан не ошибся.

— Мемфис — наш друг, — сказал магмин и выступил на свет.

Это был крошечный согбенный старичок с длинной бородой, длинными редкими волосами серого цвета и уродливым личиком мандрагоры. Его руки почти касались земли, а глазки-бусинки, состоявшие, казалось, из одного зрачка, глядели пронизательно. Он смотрел на стоявших перед ним людей со странной смесью зависти и презрения.

— Мемфис никогда не презирал ни одно живое существо, — сказал магмин. — Он не презирал и нас. Он наблюдал за нами на всем протяжении нашей истории. Он видел, какими мы пришли из Лемурии. Он знал и о падении нашей страны, о погружении в волны материка... Он летал над тем местом, где некогда была Атлантида. Он рассказывал нам об этом. Он никогда не пренебрегал нами. А Амиды были другим. Он презирал живые существа, если те были слабее его. Он совершал ошибки. Он попал в ловушку. Мы помогли Мемфису одержать верх. Вы видели Мемфиса?



— Да. Это он показал нам дорогу сюда, — сказал Гирандо и вежливо поклонился карлику. — У нас очень важное дело, почтенный. Если ты согласишься нам, то сможешь спасти царство от страшных чар.

— Колдовство людей! — карлик плюнул себе под ноги. — Как это глупо! Ничтожные создания куют ничтожные заклинания ради ничтожных целей! В этом нет никакого сострадания к живым существам. Это непочтенно, это очень глупо. Это портит карму. Нельзя так поступать.

— Мы не хотим ковать заклинания, — быстро проговорил Гирандо, чтобы не дать Конану вступить в беседу и присоединить свой могучий голос к мнению карлика о заклинаниях.

Гирандо достаточно уже наслушался рассуждений киммерийца на тему «хороший колдун — мертвый колдун» и не хотел, чтобы эту арию Конан с карликом исполнили дуэтом. Он справедливо опасался, что подобное исполнение займет не один час.

— Значит, не заклинания ваша цель? — повторил магмин.

— Ни в коем случае! — заверил Гирандо.

— Разве не амулеты у тебя на поясе, человек? — в третий раз спросил карлик.

Смутившись, Гирандо прикрыл пояс ладонью.

— Да, амулеты, но совсем слабенькие... Скорее, сувениры. Напоминания о некоторых... вещах. О встречах и странствиях. О том, что я должен почитать богов и духов. Не более того. Ну и пара сонных зелий — если вдруг не смогу за-



снуть. Иногда у меня бывают тревожные мысли, и я долго ворочаюсь без сна...

— Смешно! — Магмин затрясся от смеха. Смеялся он странно: втянув голову в плечи и чуть согнув в локтях руки, подпрыгивал на месте, выпуская глухой звук: «ух, ух, ух!».

— Мне тоже, — встрял Конан. — Мне тоже смешно все это слушать. Вот что я расскажу тебе. Там, наверху, есть одна вздорная бабенка, колдунья, которая хочет соединить все четыре стихии и таким образом завладеть душами всех живых существ, до каких только дотянется. Она испортила им карму, можешь мне поверить! В ней нет никакого... э... сострадания к живым существам. И карма у ней — хуже некуда, а будет — совсем кошмарная, уж ты мне поверь! Я в этом деле знаток, мне сам Мемфис рассказывал.

Карлик зашевелил сморщенным личиком, задвигал длинным извилистым носом, скривил рот сперва на одну сторону, потом на другую.

— Да? — проговорил он наконец. — Интересно то, что ты тут рассказывал. Какая это колдунья?

— Ее зовут Мутэмэнет, — опять вступил в разговор Гирандо. — Это могущественная стигийская заклинательница. Ей уже много лет, не одна сотня — точно. Она выглядит как юная красавица...

— Красавица? — Брови магмина полезли вверх. — О ком это ты говоришь? О долговязой бледнорожей уродине с синей краской на лягушачьих веках, которая пролезла к нам в подземелье и отдала на хранение часть талисмана?

— Огненную, — быстро сказал Гирандо.



— Огненную... — повторил магмин задумчиво и с испытующим видом глянул на молодого стигийца. — Да, эта колдунья настоящая уродка. Гладкая кожа, как будто смазанная слизью. Мясные красные губы. Отвратительно короткие руки. Да? Это она?

— Да, да. Она считает себя красавицей, но на самом деле — жаба жабой, — сказал Конан. — Уверен, что ты не ошибся, прозрев ее истинную сущность.

Магмин снова довольно закудахтал и наконец сказал:

— Идемте. Я проведу вас в наше селение и представлю старейшинам. Думаю, мы сможем доверить вам огненную часть талисмана, но только в том случае, если вы подробно расскажете нам свой план действий.

— А для чего вам знать наш план действий? — осведомился Конан, который и сам имел весьма смутные представления о том, в чем этот план может заключаться.

— Мы должны убедиться, что вы не намерены повредить ни одному живому существу, — объяснил карлик. — Если вы забудете о сострадании и нанесете ущерб созданиям мирового разума, то ухудшите тем самым нашу карму, поскольку мы стали вашими сообщниками.

— Странное у вас представление о карме, — брякнул Конан. Гирадо предостерегающе взглянул на своего восхитительно невежественного в религиозных вопросах спутника, и Конан догадливо замолчал.



К счастью, магмин был увлечен своими мыслями.

Поселение магминов находилось глубоко под землей. В глубоком мраке то и дело появлялся дрожащий огонек, спрятанный внутри лампы со стенками из полупрозрачного камня — слюды или дымчатого хрусталя. Но эти лампы не столько разгоняли вечный сумрак, сколько подчеркивали его. Казалось, ничто не в состоянии залить эти подземные помещения торжествующим солнечным светом.

Но здешние обитатели в этом и не нуждались. Они давно привыкли к темноте и находили ее успокаивающей, способствующей глубоким раздумьям и погружению в самопознание. Их дома напоминали что угодно, только не человеческие жилища. В скалах, образующих стены бесчисленных коридоров и переходов, были вырезаны причудливые узоры. Тонкое каменное кружево переплеталось и, казалось, не ломалось только чудом. Здесь были и розы, и клубок змей, и сломанные ветки, перевязанные лентой, и фантастические существа, которые, возможно, обитают на дне самого глубокого из морей — того моря, что простерлось над землями погибшей Лемурии...

Посреди этой резьбы то и дело мелькали глаза. Огонь факела, который нес варвар, отражался в расширенных зрачках, и тогда вспыхивало желтоватое или красноватое пламя. Множество подземных жителей следили за шествием, предпочитая, однако, оставаться у себя дома и не присоединяться к чужакам.



За этими ажурными «ставнями» или, лучше сказать, «воротами» находились сами жилища. Конан не мог разглядеть, имелась ли там какая-то мебель, но подозревал, что она тоже из камня. Одежда на магминах была кожаная, из выделанных шкур каких-то существ, которые также обитали под землей. Про себя Конан надеялся, что это не крысы.

— Крысы? — переспросил Гирадо, и тут киммериец понял, что последнюю мысль высказал вслух. Он шепотом выругался: нельзя слишком погружаться в самопознание, иначе это выльется в процесс познания твоих мыслей посторонними — что, в свою очередь, плохо скажется на карме. Потому что если посторонние узнают что-либо лишнее, Конану придется отправить их в мир иной. А это плохо скажется на карме... И вообще, слишком много вещей плохо сказываются на карме!

Конан плюнул себе под ноги, решив больше даже в шутку никогда не думать в подобных выражениях.

Киммериец не верил ни в какую карму. Человек рождается на земле и живет один раз. И если он достойно прожил и (что еще более важно) достойно умер, то свирепый бог Кром весело примет его в своих гостеприимных холодных чертогах, где идет богатырский пир. Вот и все. Вот и все.

— Какие крысы? — настойчиво повторил Гирадо, дернув Конана за рукав. — Почему ты говоришь о крысах?

— Я не говорю о крысах, — сказал Конан хму-



ро. — Мне просто интересно, из чьих шкур они шьют себе одежду.

— Есть такие существа — подземные копатели, — сказал магмин. — Мы никогда не причиняем им вред. Мы не причиняем вреда живым существам...

— Шьете из дохлых? — поинтересовался Конан вежливо.

— О, да! — охотно подтвердил магмин. — Когда мы находим умершего копателя, мы совершаем над ним погребальный ритуал, надеясь улучшить его и свою карму.

(Конан отчетливо скрипнул зубами).

— А затем мы снимаем с него его кожаную одежду, которая больше ему не нужна, и относим ее нашим дубильщикам. Тело же предаем тлению.

— В смысле?

— Обливаем его горячей водой, чтобы ускорить процессы разложения, а когда оно окончательно сливается с землей, которая его породила... — пустился в объяснения магмин.

Конан страшно сморщился в приступе безразличия. Его красивое, хотя и грубоватое лицо превратилось на миг в отвратительную маску.

Гирадо поспешил перевести разговор на другую тему:

— Как ты думаешь, почтенный, хорошо ли отнесутся ваши старейшины к нашей просьбе?

— То, что вы хотите забрать, не принадлежит нам, — бесстрастно сказал магмин. — То, что вы хотите забрать, может ухудшить нашу карму. Ду-



маю, старейшины отнесутся к вашей просьбе благосклонно.

Так и случилось. Большой зал совета, куда магмин доставил пришельцев, представлял собой еще одну просторную подземную пещеру с небольшим озером посередине.

Но здесь не было ни каменного лотоса, ни ледяной статуи. Одна стена пещеры была полностью изрезана все теми же причудливыми узорами. На сей раз они представляли собой переплетающиеся листья, длинные и узкие. Конан никогда не видел растения с такими листьями, однако подозревал, что подобные росли некогда в Лемурии.

Среди этих каменных листьев восседали магмины. Их было великое множество. Повсюду к узорным решеткам приникали их сморщенные, коричневые личики, отовсюду свешивались разлохмаченные бороды и длинные, тонкие серые пряди нечесаных волос. Конан и Гирадо остановились на берегу озера, оглядываясь по сторонам. Они так и не поняли, являются ли все собравшиеся здесь магмины старейшинами или же решение принимают лишь немногие, а большинство — только зрители.

Подземный город не слишком нравился Конану. Здесь было тесно — не развернуться, не взмахнуть мечом. И темно — отовсюду мог напасть невидимый враг. Да и вообще, киммериец любил яркий свет, открытое пространство, свежий воздух. В его жизни нередко выпадали моменты, когда он был лишен всего этого, и Конан



всегда неудержимо стремился к свободе, к простору.

А вот Гирадо, кажется, был потрясен представшей ему картиной. Как истинный сын Стигии — то, что Конан не без презрения именовал «цивилизованным человеком», — он чрезвычайно высоко ценил произведения искусства. Резьба по камню, в которой магмины достигли такого совершенства, принадлежала, несомненно, к числу тех искусств, что завораживали ценителя.

— Итак, — зазвучал голос, тысячекратно усиленный эхом, — перед нами два чужака. Говорите!

Гирадо не сразу понял, что обращаются к ним. Выждав немного — не желают ли заговорить магмины, — он выступил вперед и начал:

— Маг из Стигии, Мутэмэнет, отдала вам на сохранение огненный талисман. Мы пришли за ним.

— По поручению мага? — спросил гулкий голос.

— Нет. Мы — ее враги.

Гирадо отвечал определенно, без околичностей, поскольку успел немного изучить магминов по разговору с их провожатым. Здесь не требовалось лукавить, прибегая к пышным витиеватым оборотам речи. У магминов были союзники и соперники. Точнее, магмины воображали, что имели таковых. На самом деле почти никто на земной поверхности не имел об этом маленьком вымирающем народе никакого представления.

— Хорошо. Маг не понравилась народу маг-



минов, — произнес голос с удовлетворением. — Ее поручение охранять огненный талисман было принято нашим народом только потому, что мы боялись отказом ухудшить нашу карму. Но если мы отдадим талисман пришельцам, то мы, несомненно, еще больше улучшим нашу карму. Вы можете забрать его.

Послышался мелодичный звон, как будто ветер осторожно ласкал десяток колокольчиков самых разных размеров, от толстого крепыша до тоненького малыша. Откуда-то сверху медленно начала спускаться цепочка. Вероятно, действовали некие скрытые в толщах скал механизмы, разработанные магминами, — но ни Конан, ни Гирадо наверняка ничего сказать не могли. Цепочка повисла перед резными листьями, на уровне верхнего яруса, и остановилась. На нижнем ее конце находился небольшой предмет, плоский и бесформенный, — обломок талисмана, как справедливо предположил Конан.

Этот предмет тихо мерцал в полумраке.

— Надеюсь, он не горячий, — прошептал Конан на ухо своему спутнику.

— У меня есть каменный футляр, — ответил Гирадо очень тихо. — Я предвидел такую вероятность.

Он приблизился к талисману и протянул к нему руку.

— Будь осторожен! — вскрикнул один из магминов. — Эта вещь раскалена! Мы время от времени опускали ее в холодные воды нашего священного озера...



Остановленный вовремя, Гирадо принялся копаться в своем поясе и наконец вытащил небольшую каменную коробочку. Талисман был помещен туда с великими предосторожностями. Затем его обернули несколькими слоями выделанной замши (Гирадо предпочел не думать о том, кому прежде принадлежала эта «кожаная одежда» и каким образом с нею расстались прежние владельцы).

— Вы должны теперь покинуть наши владения, — торжественно молвил голос. — Идите вперед и вперед. Скоро дорога поведет вас наверх. Вы окажетесь на поверхности, под этими страшными, отвратительными, обжигающими лучами, которые могут расплавить глаза, если их вовремя не закрыть. Прощайте.

— Прощайте! — закричал вдруг Конан во всю мощь своих легких и с удовольствием услышал, как где-то очень далеко отозвались ему потревоженные колокольчики.

* * *

Луксър открылся двум путникам великолепием пестрых витых башен, мощью ослепительно белых стен, скупой зеленью садов, стиснутых огородами... и, конечно, стражей. Стражники у ворот без интереса смотрели на странную пару путешественников, которых роднило, пожалуй, только одно: оба были пыльными, оборванными и уставшими. Во всем остальном эти двое разнились. Один — рослый мускулистый северянин, воору-



женный только мечом, рукоять которого выглядывала из-за могучего загорелого плеча. Второй — маленький верткий стигиец, с головы до ног увешанный амулетами, талисманами и разными мешочками, где хранились снадобья, порошки, коренья и прочее.

Отобрав у путников последние несколько монет, стражники равнодушно пропустили их в город. Конан хмуро поглядел на алчных блюстителей закона, но счел за благо промолчать. Его занимало другое: как попасть во дворец Мутэмзнет и как вынести оттуда сокровища. Нетрудно догадаться, что пленный брат стигийца беспокоил его мало.

Нет, иная дума точила киммерийца. По своему опыту общения с магами и их сокровищницами он хорошо знал: далеко не все, что выглядит драгоценными камнями и золотом в подвалах какого-нибудь чудадея, является таковым на самом деле. Тратишь колоссальные усилия, сражаешься с демонами, побеждаешь, в конце концов, самого мага — и в результате становишься счастливым обладателем кучи сырой глины или... того хуже. У колдунов специфическое и довольно злобное чувство юмора.

Нет, нужно сперва хорошенько, как следует приглядеться...

Когда узкие, извилистые улицы Луксура поглотили их, Гирадо тихонько хмыкнул и вытащил откуда-то из своего богатого арсенала мешочков и потайных кармашков несколько серебряных монет. Конан присвистнул.



— Похоже, ты задался целью перешеголять меня, стигиец.

— Просто я предусмотрителен, — скромно отозвался Гирадо. Он был польщен похвалой киммерийца.

Недолго думая, оба приятеля завернули в ближайшую таверну. Она называлась «Разбитая ваза». В полном соответствии с этим названием все кувшины и вазы, стоявшие в нишах стен и служившие для украшения помещения, были разбиты или со щербинной. Странно, но это выглядело даже красиво. Все целые кувшины, с точки зрения варвара, были на одно «лицо»; а вот разбитые представляли довольно живописную картинку. А что бесполезны... Что ж, были ведь другие кувшины, совершенно целые, и в них хозяин подавал гостям вино и воду.

Путники остановились у прилавка. Это был широкий массивный прилавок, сделанный из кирпича-сырца. Прямо в него был вмонтирован большой котел, а внизу, в широком очаге, горел огонь. В котле что-то булькало. Чадный дым полз по улице, однако в самой таверне было прохладно и довольно свежо. Конан уже встречался с подобными тавернами. Это было типично южное изобретение, характерное для тех мест, где дорожили тенью и прохладой. На севере все обстояло наоборот: очаг помещался в глубине помещения, чтобы согреть его, а запахи съестного заполняли весь дом и сладко щекотали ноздри. Что ни страна, то свой обычай, философски подумал Конан.



Хозяин таверны, малопримечательный смуглый тип, предложил гостям по плошке плова (надо отдать ему должное, он не поскупился и положил с «горкой») и по кувшину кислого, сильно разбавленного вина. Нагруженные плошками и выпивкой, приятели зашли внутрь и заняли место на вытертом ковре, среди разбитых сосудов, перед низким, сильно запачканным столом.

— Местечко не ахти, — признал Гирадо. — Когда я был помладше, здесь было почище.

— С тех пор прошло некоторое время, — сказал Конан, — и столы успели засалиться. Просто тогда они были новыми.

Гирадо фыркнул.

— На все у тебя найдется ответ, Конан.

Конан промолчал. Он прислушивался к разговорам, которые велись в тавернах. А послушать стоило. Здесь только о том и говорили, что Стигию захлестывает нашествие невиданных злобных тварей. Конечно, темному королевству не впервой было встречаться с демонами во плоти. Слишком много магов здесь жили, и среди этих магов всегда находился такой, который мечтал о господстве если не над всем обитаемым миром, то по крайней мере над Стигией и соседними царствами. А подземное божество мрака, Сет, которому поклонялись в этой стране, всегда был на стороне черной магии и усиливал любое заклинание.

Но то, что творилось сейчас, пугало даже привычных ко всему стигийцев. Поля опустошены. Стаи странных птиц с узким телом и железными



клювами вытаскивают из земли любое зерно, любую травинку, а крестьян, которые пытаются этому помешать, бьют по голове, по лицу, по рукам своими страшными крепкими клювами, пока люди не падают замертво, обливаясь кровью.

Реки кишат змеями. Сколько раз уже случилось, что человек пытается постирать одежду или набрать воды, а на него набрасывается целый клубок извивающихся холодных тварей. Они жалят человека, обвивают его длинными телами и утаскивают на дно, чтобы проглотить.

Нигде нет спасения от разбушевавшихся стихий. Реки выходят из берегов, то и дело начинаются ураганы или незведомо откуда прилетают смерчи. Потоки взбесившегося воздуха выдергивают из земли целые деревья или дома, а потом с силой бросают их вниз, с большой высоты. Число жертв все растет, и нет конца бедствию.

Причину называли шепотом: магия. Подозревали то одного, то другого известного мага, однако уверенности ни у кого не было. Да и потом, даже если бы обитатели Стигии узнали доподлинно, кто из великих мастеров Черного Искусства стал причиной нового бедствия, — разве посмели бы обыкновенные люди поднять руку на могущественного чародея? Им оставалось только страдать, тайно роптать — и погибать в катаклизмах...

Конан слушал очень внимательно. Его интересовали подробности. Пока что подтверждалось все, о чем говорил ему Гирадо, — четыре стихии вышли из-под контроля богов. Они вырвались на



волю благодаря заклинаниям мага Мутэмэнет и ее беспутных сыновей. Гирадо прав: долго так продолжаться не может. Маг* предпримет свои меры. Вероятнее всего, она попытается остановить стихии, а затем возьмется за создание новых сыновей. Для чего ей понадобится новый супруг, потому что старый... кстати, может быть, она решит воспользоваться и прежним. Если только она сохранила его тело.

Здесь Конан вступил на зыбкую почву предположений и потому прекратил всякие раздумья на эту тему.

Доев плов, он обратился к своему спутнику:

— Что теперь?

— Я бы поспал... — признался Гирадо.

— Нет уж! Лично я не намерен оставаться в этом осином гнезде дольше, чем это необходимо! Пойдем к логову колдуньи, посмотримся, а потом...

— Я хочу спать! — почти капризным тоном произнес Гирадо, и Конан вдруг вспомнил о том, что его приятель — младший сын от последнего брака. Конечно, едва оказавшись в родном городе, он снова почувствовал себя баловнем, которому все уступают просто потому, что он «маленький».

— Слушай, Гирадо, я ведь не твой папочка, — зашипел Конан. — Говорю тебе, спать будешь потом, когда свернем шею этой ядовитой гадюке, Мут...

— Тс-с! — испуганно вскрикнул Гирадо. — Не называй ее имени! Зови лучше «гадюкой», если



тебе нравится такое прозвище. Или гадиной. Как угодно, только не по имени, иначе она может нас услышать.

— Ой, ой, ой. Я испуган, — фыркнул Конан. — Ладно, будь по-твоему. Сперва покажи мне ее особняк, а потом, так и быть, ступай отдыхать. А я хочу осмотреться.

В таверне нашлась свободная каморка прямо под крышей. Она стоила дешево, потому что ночью там было холодно, а днем — невыносимо жарко, но приятели согласились на эти условия. Выбирать им было некогда, да и денег, припрятанных Гирадо, хватит ненадолго.

Оставив там свои вещи, Гирадо спустился вниз, в общий зал, где Конан изумленно рассматривал разбитый им кувшин.

— Только что был целый... — пробормотал киммериец. — Случайно упал на пол. Не знаю сам, как это получилось...

— Наверное, он был с трещиной, — утешил Гирадо. — Поставь его в нишу, хозяин ничего не заметит.

Так Конан и поступил. Хозяин таверны действительно ничего не заметил.

Шагая по роскошным улицам, Гирадо оживленно вертел головой, и было заметно, что он рад вернуться домой. Конан не понимал, как можно считать этот вонючий городишко «домом». Здесь на улицах полно ослов и верблюдов, люди одеты по большей части в лохмотья, о мостовых, как правило, нет и речи — хотя центральная часть города все-таки вымощена деревянными бруска-



ми. Зато дворцы великолепны и зловещая красота храма Сета завораживает. Впрочем, для Конана это не имело значения. Его витыми башенками и острыми шпилями не проймешь. Он побывал уже во многих славных городах Хайбореи, например, в Арэнджуне, и навидался разных чудес.

Нет, киммериец по своей натуре — практик. Ему покажи горсть настоящих золотых монет или веселую красавицу — вот это производит впечатление. А все эти ухищрения, за которыми прячется зло, коварное и таинственное... Это не для Конана из Киммерии!

Дворец Мутэмэнет находился чуть в стороне от святилища, однако в опасной близости к нему. Это было большое здание, щедро украшенное башенками и причудливыми окнами. Конан презрительно присвистнул, прикинув, как просто опытному скалолазу взобраться по этому фасаду, однако Гирандо поспешил остудить его пыл:

— Рано радуешься. То, что выглядит снаружи как окна, на самом деле — глухая стена. Окна находятся совсем в другом месте, и ты их не найдешь, разве что случайно. Мага заколдовала свой дом. Внешне он один, а на самом деле — абсолютно другой. И расположение комнат не такое, как представляется при первом взгляде. Более того, комнаты иногда меняются местами. Не знаю, как она это делает.

— Наверное, переставляет мебель, — предположил Конан.

— Нет, — Гирандо не поддержал шутку, — тут все гораздо серьезнее...



Они несколько раз обошли особняк кругом. Затем Конан отпустил своего приятеля отдыхать. Усталый Гирандо мог и в самом деле наломать дров. Пусть лучше выпится и хорошо соображает. Терпеть его зевания над ухом Конан не желал.

А Конан остался. Закутавшись в плащ, он уселся прямо на мостовую и задумался. По Стигии гуляют демоны, повелевающие стихиями. Это плохо, потому что демоны обычно не останавливаются в границах одного королевства и пытаются распространить свои безобразия на сопредельные страны. Мутэмэнет лелеет новые замыслы относительно новых сыновей, которые помогут ей захватить власть. Еще одна головная боль. Гирандо хочет освободить душу своего брата, которого никогда не видел. Очень похвально и благородно. А чего добивается Конан?

Ответ очевиден, сказал себе варвар. У чертовки наверняка имеется сокровищница. Добраться до золота и самоцветов, а потом уехать куда-нибудь в Арэнджун и там пожить широко и весело.

Но как проникнуть в особняк, если он — мало того, что заколдован и наверняка хорошо охраняется, — да еще и не то, чем кажется?

Поразмыслив, Конан изобрел довольно дерзкий план.

* * *

— Нет! — закричал Гирандо, едва киммериец поделился с ним своей задумкой. — Нет, нет и



нет! Ты сошел с ума! Ты еще не знаешь, на что она способна!

— А ты, похоже, не знаешь, на что способен я! — заявил северянин. — Иначе не стал бы так переживать. Я хочу познакомиться с этой бабой. Кто лучше меня подходит на роль отца ее будущих ублюдков? Посмотри на меня, Гирадо! Взгляни на это роскошное тело ты, жалкий стигийский заморыш!

Гирадо медленно краснел, а Конан тем временем скинул плащ и вертелся перед своим собеседником, точно красующаяся модница.

— Оцени крепость этих мышц, статность этого торса, привлекательность этого честного лица!

Тут он скорчил такую ужасную рожу, что Гирадо не выдержал и расхохотался.

— Кто наговорил тебе этих красивых слов о тебе самом, киммериец? Вряд ли ты додумался до этого сам!

— Мне говорили об этом разные женщины, — важно ответил Конан. — Женщины, которые понимают толк в мужской красоте. Говорю тебе, ведьма не устоит передо мной. Она захочет заполучить Конана-киммерийца и нарожать от него красивых, крепких и умных сыновей. Я, конечно, мог бы дать ей их, но...

— Но? — переспросил Гирадо.

— Но ненавижу ведьм! — быстро ответил Конан. — Поэтому она будет ужасно разочарована, можешь мне поверить! Как ты считаешь, сумею я свернуть ей шею?

— Она заколдована с головы до ног, — сказал



Гирадо. — Заклятиями можно одеться не хуже, чем броней.

— У нее должно быть уязвимое место, — проговорил Конан. — Это закон. Ни один маг не может практиковать свое черное искусство, если у него нет уязвимого места. Иначе он превратился бы в бога, а боги такого не потерпят.

— Откуда ты все это знаешь? — поразился Гирадо. — Ты ведь не обучался магии.

— А, — небрежно отмахнулся Конан, — я разве тебе не говорил? Многие колдуны перед смертью становятся дьявольски разговорчивыми. Рассказывают разную ерунду. А вот видишь — пригодилась и ерунда...

— Кто знает, — проговорил Гирадо задумчиво, — может, у тебя и получится...

И Конан отправился «ловить» Мутэмэнет. Плащ он оставил приятелю. Полуобнаженный, он небрежно прогуливался по улице перед домом мага. В руке — кувшин с вином, за поясом — стаканчик для игры в кости. Гуляка, который обдумывает, как бы получше провести время.

Маг наблюдала за ним из скрытого окна. Этот великолепный образчик мужской породы — как и предсказывал Конан — не оставил ее равнодушной. Обычно она мало интересовалась мужчинами. Разве что они требовались ей для магических опытов. И вот теперь как раз настало такое время — и боги послали ей этого пьяного северянина. Стоит залучить его в дом и посмотреть, на что он способен. Маг не сомневалась, что в случае необходимости она легко сумеет из-



бавиться от нежелательного партнера. В конце концов, он всего лишь глупый мужчина, варвар, у которого в голове винный туман и смутные образы восточных красавиц.

Закутавшись в темно-синее покрывало, расписанное звездами и астрологическими знаками, мага выскользнула из своего особняка. Конан заметил ее почти сразу и радостно вздрогнул: попала! Он намеренно широко зевнул и замурлыкал трактирную песню про птишку и кота. Женщина приближалась к нему соблазнительной походкой, плавно покачивая бедрами. В который раз уже Конан поражался тому, как умеют соблазнять здешние красотки: ни лица, ни фигуры не видно под просторным покрывалом, однако движения говорят порой красноречивей взглядов и жестов.

Оказавшись рядом с варваром, красавица чуть сдвинула покрывало с лица и одарила Конана долгим взглядом прекрасных глаз.

— Здравствуй, — прошептали невидимые губы. — Кто ты, удивительный мужчина, взволновавший мое сердце?

— Ух ты! — вымолвил варвар и рыгнул. — Ну да! Вот это номер!

И выпучил глаза, чтобы казаться еще глупее. Она снисходительно улыбнулась — он понял это по тому, как сощурились глаза.

— Как твое имя, красавец-мужчина? — повторила она свой вопрос.

— Ну, это... меня звать Конан, — сказал Конан. — А ты?



— Зови меня Мут, — произнесла женщина волшебным голосом, прозвеневшим, как горный ручей.

— Ух ты! — сказал варвар. — Мут. Ну ты и красотка! А все остальное, что у тебя под покрывалом, ты мне покажешь?

Женщина засмеялась.

— Какой ты быстрый!

— А чего ждать? — поразился варвар. — Давай уж сразу. Ежели я тебе глянулся, так и ты, того... раздевайся и показывай, чего там у тебя. Глазки-то как горят! Глазки красивые.

— Все остальное — тоже, — сказала Мут. — А теперь сделай мне одолжение: помолчи. С виду ты хорош, а вот говоришь отвратительно.

И Конан вдруг понял, что действительно не может произнести ни звука. На мгновение страшная злоба захлестнула его. Вот так дела! Едва он познакомился с проклятой ведьмой, как она сразу же его заколдовала. Но потом он подумал о другом. Как только он дознается, где у нее уязвимое место и убьет ее, заклятие будет снято. Так что и переживать особо не из-за чего.

Он глупо улыбнулся и позволил ей увести себя за собой.

Дворец действительно оказался совершенно не таким, каким выглядел снаружи. С улицы был виден приятный, немного легкомысленный особнячок, вычурный, выкрашенный в веселые цвета — розовый, голубой и желтый. Но стоило зайти за ограду, как все разительно менялось. Башенки превращались в остроконечные металли-



ческие штыри, нависавшие по всему фасаду и делавшие невозможным попадание на крышу.

Крыша щетинилась колючками и острыми шипами — пройти по ней было также немыслимо. Окна, расположенные совершенно не там, где представлялось поначалу, были мутными, закрытыми каким-то странным стеклом, отражавшим все что угодно, кроме реального мира. Конан видел, как в темных стеклах мелькали демонические лица, искаженные оскалом рожи, перепончатые крылья, когтистые лапы... иногда развешивалась пропасть, которая проглатывала эти образы, но тотчас извергала наружу другие, еще более жуткие. Варвар не мог понять, была ли то иллюзия, или же эти окна глядели в какой-то другой, демонический мир. Возможно, последнее ближе к истине, если учесть, какого рода магию практикует хозяйка особняка.

Невысокая дверь, обитая железом, отворилась бесшумно, едва только маг¹ показала на нее пальцем. За дверью никого не оказалось, однако этому Конан как раз не удивился. Он не раз уже видал подобные штучки в обиталищах других волшебников.

Однако «простак»-Конан, которым прикидывался варвар, просто обязан был удивиться этому нехитрому трюку. Поэтому он немо промывчал что-то, что должно было выразить изумление. Маг¹ метнула на своего добровольного пленника взгляд, в котором Конан прочитал недоверие и вместе с тем удовольствие. Про себя варвар хмыкнул: какой бы изощренной и древ-



ней не была эта волшебница, ей не чуждо самое обыкновенное женское кокетство и желание нравиться. Она, небось, уж решила, будто насмерть поразила примитивное воображение незадачливого обожателя!

Внутри дворец был поистине огромным. Снаружи он казался довольно маленьким, но чары исказили пространство, замкнутое между этими стенами. Бесконечно тянулись анфилады роскошно убранных комнат, сменяясь извилистыми коридорами, переходами с лестницами, ведущими то вверх, то вниз, и прозрачными крытыми мостами, откуда можно было видеть внутренние дворики со статуями, деревцами и фонтанами. Однако ничто не остается безнаказанным, даже в мире магии. Искривленное пространство «мстило» за себя: многие вещи казались здесь искаженными, как будто смазанными или растянутыми. Стулья и столы с нарушенными пропорциями, позолоченные львиные головы и тела леопардов и пантер из эбенового дерева, инкрустированного слоновой костью, — в такой форме была создана здесь почти вся мебель, — казались изуродованными. Их как будто долго вытягивали на дыбе, прежде чем поставить здесь, в покоях маги, для ее услаждения. Морды животных из алебаstra, резной кости, драгоценных пород деревьев навеки застыли в страдальческих оскалах. Лапы их в смертельной муке скребли паркетные полы и драгоценные пушистые ковры.

Хрустальные шары, служившие здесь для отражения и рассеивания света, горевшего внутри, —



Конан так и не понял, каким образом устроены эти лампы, — выглядели приплюснутыми, хотя на ощупь они оказались идеально круглой формы. Варвар неустанно вертел головой, делая вид, что восхищается открывшейся ему роскошью, — в каждом покое был свой особенный стиль, не повторяющийся больше нигде.

На самом деле он изучал характер мага. И чем больше он смотрел на вещи, которыми окружала себя Мутэмэнет, тем лучше понимал эту женщину.

Мутэмэнет любила, чтобы все вокруг служило ее удовольствию. Ради этого она не останавливалась ни перед чем. Она была готова перекроить весь мир по собственной мерке, лишь бы ей, колдунье, было здесь удобно. Комфорт — вот ее божество. И ради этого она много столетий изучала черные искусства, предала свою душу Сету, научилась управлять пространством и временем, завоевала себе бессмертное, прекрасное тело... Ради комфорта!

Конан едва сдержался, чтобы не плюнуть на изумительные узорные полы. Комната, в которой они сейчас находились, представляла собой модель вселенной. Потолок ее был расписан звездами и знаками зодиака — совершенно такими же, что и на плаще хозяйки особняка. Темно-синее небо с золотыми звездами и серебряными планетами и потоками космических энергий как будто накрывало присутствующих куполом. Все четыре стены — окна здесь не было — расписаны пальмами, кустами, различными растениями из дале-



ких стран, от самых северных, где могут выжить только коренастые низкорослые кустарники, причудливо изогнутые в бесконечной борьбе против злых ледяных ветров, до самых южных, с мясистыми листьями и сочными водянистыми плодами, с ароматической смолой, от которой люди дуреют и впадают в странное полузабытье, полное волшебных и ужасающих грез.

А под ногами искусная инкрустация из различных пород дерева изображала саму землю и прежде всего населявших ее гадов — самых разных змей, скорпионов, пауков, ядовитых тарантулов. Конан поражался тому, насколько тщательно изобразили неведомые мастера этих отвратительных ядовитых созданий. Казалось, будто ступаешь по кишасим внизу смертельно опасным тварям.

Вот такой должна быть вселенная, которой жаждет управлять Мутэмэнет, понял внезапно Конан. И еще эта вселенная будет искаженной — как искажен мир, втиснутый в стены ее особняка. Этой же цели служат отвратительные демоны, вырвавшиеся на волю из неведомых пространств и миров вследствие оплошности, допущенной сыновьями маги. Мутэмэнет, поразмыслив, решила оставить их действовать на свободе. Ей необходимо внести хаос в упорядоченный мир людей.

У одной из стен находился хрустальный гроб. Конану не потребовалось заглядывать туда, чтобы знать, кто там похоронен: незадачливые сыновья Мут. Племянники Гирандо, подумал он со



внезапным злорадством. Да, вот это родственнички!

А Мут по-прежнему улыбалась ему таинственно и призывно. Конана едва не стошнило от этой улыбки.

«Вот ведь чертовка, — подумал он, — считает себя неотразимой. Тьфу! Обыкновенная ядовитая гадина... Интересно, умеет ли она читать чужие мысли? Дай-ка попробую... Дура! Нет, не реагирует. Надо подумать что-нибудь такое, на что среагирует любая женщина, даже самая умная. Ведь баба — она и есть баба, что ей всего дороже, будь она хоть царица, хоть богиня, хоть шлюха из придорожной харчевни? На свою драгоценную рожицу. У Мут — отвратная рожа. Вся раскрашенная. А вот если краску-то поскрести — что под ней? Небось, дряблая кожа. И глаза припухшие. И бородавки... И прыщи... И старческие пятна... Нет, не реагирует. Ага, мысли читать не умеет. Очень хорошо».

Чрезвычайно довольный собой и результатами проведенного исследования, Конан послушно пошел за Мутэмэнет дальше, углубляясь в недра ее заколдованного дворца.

* * *

Тем временем Гирадо уже проснулся и занимался своим делом. Он не стал в свое время посвящать Конана в то, насколько глубоко он проник в тайны магии, когда изучал некоторые ее дисциплины. Незачем варвару, который совер-



шенно искренне считает, что «хороший маг — мертвый маг», знать некоторые вещи.

Например, то, что Гирадо умеет гораздо больше, чем может представить себе воин. Большинство его порошков, снадобий и чар — тьфу, ерунда, чтобы морочить голову легковерным крестьянам и путникам. Кое-что может отпугнуть разбойников, если те окажутся достаточно суеверными (а жизненный опыт научил Гирадо тому, что наиболее свирепые и жестокие грабители обычно больше всех подвержены самым грубым и примитивным суевериям и зачастую боятся обыкновенных призраков).

Но имелись в его арсенале и настоящие чары. И среди них — чары прозрачности стен.

Подобравшись поближе к особняку Мут, Гирадо осторожно насыпал вдоль улицы тонкой струйкой песок. Песок был самый обычный — дело в том, какие слова при этом произносились. Каждое слово давалось молодому стигийцу с невероятным трудом. Оно словно оказывалось больше его рта, и выталкивать его наружу приходилось с усилием. К концу чтения заклятия губы Гирадо треснули, из угла рта текла струйка крови. Он посерел, покрылся каплями пота, но не мог даже поднять руки, чтобы вытереть его, и соленые струйки попадали ему в глаза.

Зато теперь он мог видеть. Пространство расступилось перед открывшимся внутренним взором Гирадо. Находясь на улице, он не мог попасть в само искаженное пространство дома Мутэмэнет, поэтому внутренний вид помещений от-



крылся ему стиснутым, как бы сплюснутым, и все фигуры и предметы, находящиеся внутри, были искажены почти до неузнаваемости. Гирадо нашел Конана и хозяйку дома — тонких, как спицы, и сильно вытянутых вверх, словно в искажающем зеркале.

Мут что-то говорила варвару, а он кивал безмолвно, точно болванчик. «Или Конан действительно умеет ловко притворяться, — подумал Гирадо, — или она его заколдовала, и тогда дело плохо». Он лихорадочно обшаривал взглядом покой за покоем в поисках крупного рубина. Однако обнаружить камень среди такого множества вещей, да еще сильно измененных магией, оказалось делом очень непростым.

«Прекрасная и грозная Бэлит! — взмолился про себя стигиец. — Помоги мне! Пусть Мутэмэнет сделает что-нибудь такое, что откроет мне ее тайну!»

Но Бэлит, если и слышала эту горячую мольбу, не спешила прийти на помощь Гирадо, так что в конце концов молодому стигийцу пришлось полагаться только на свою смекалку и магические умения.

* * *

Тем временем Мут усадила Конана на мягкое ложе и принялась угощать разными напитками и фруктами. Он послушно ел и пил, а сам все оглядывался по сторонам, размышляя, как бы ему ловчее одолеть колдунью. Пока что ничто не



подсказывало ему ответа. Кругом висели драпировки, такие тонкие, что поначалу они показались Конану просто паутиной. Многие имели прорехи, и Конан так и не понял, что это было — настоящие дыры, следы времени, или же какая-то особенная мода, установленная чародейской для самой себя. Судя по всему, Мутэмэнет любила тлен и разложение. Ей нравилась пыль, скопившаяся на тонких тканях, повсюду свисавших с потолка в комнате, которую она избрала для наслаждений. Широкое ложе было застлано шкурами диких животных. Мутэмэнет сохранила морды убитых зверей, и все они скалились в предсмертной агонии. Клыки их блестели в свете масляных ламп, сделанных в виде скорпионов, терзающих собственную плоть высоко задранными ядовитыми хвостами.

Конан лениво растянулся на шкурах. Он и сам казался диким зверем, пойманным в ловушку и все же смертельно опасным. Мутэмэнет улеглась рядом с ним, поигрывая длинной черной прядью спутанных волос варвара. Внутренне Конан ухмылялся. Кем она себя воображает, эта заколдованная старуха? Неотразимой чаровницей? Ни на мгновение Конан не поддался чарам ее красоты... Ну, разве что на одно мгновение — когда она взглянула на него поверх покрывала там, на улице. А потом — все. Киммерийца так запросто не проведешь. Он ведь знает, кто она такая.

Мут потянулась, выгибая тело. Конан не мог не отметить, какой красивой формы была ее полная белая грудь. Покрывало в виде звездного не-



ба, скомканное, валялось в ногах женщины. Мут как будто попирает небосвод, подумалось Конану. В этом вся ее сущность. Завладеть и растоптать. Завладеть...

Он протянул загорелую крепкую руку и погладил прохладное тело Мутэмэнет. На ощупь оно было шелковистым и податливым. Бедр так и льнули к мужской ладони. Мут откинула назад голову, открывая белое нежное горло, и затрепетала. Давно уже Конан не видел рядом с собой в постели женщину, которая так трепетала бы в его объятиях.

Зарычав, точно дикий зверь, он стиснул Мут и прижал ее к себе.

* * *

— Что ты делаешь? — безмолвно кричал Гирадо, беснуясь по другую сторону прозрачной стены. — Конан! Опомнись! Конан! Приди в себя! Ты поддался ее чарам! О, боги! О, Бэлит! Образумьте этого варвара! Пошлите хотя бы немного здравого ума в его тупую голову! Конан! Ты погубишь себя и всех нас!

Конан, естественно, его не слышал. Он ласкал Мут и наслаждался запахом ее волос. Это был сладковатый запах, немного похожий на наркотический, и точно так же он дурманил, погружая в волшебные сны.

В рубиновой темнице бесстрастно наблюдала за любовниками душа пленного Уррутиа. В нем пробуждались смутные воспоминания. Воспоми-



нания о том, как некогда он сам — в те далекие времена, когда еще обладал плотью, крепким мужским телом, пахнущим потом и лошадьми, — ласкал эту красивую женщину. Как она извивалась в его объятиях, как... танцевала — другого слова он не мог подобрать, — когда они занимались любовью. Она была восхитительна. Она была лучше всех других. Ни одна женщина не могла сравниться с Мут на ложе утех. Наверное, стоило отдать свое тело на растерзание крокодилам, а душу — на вечное пленение в рубиновой темнице. Цена немалая, но купленное этой ценой стоило затрат.

Любовь Мутэмэнет.

Любовь? Разве маг знает, что такое любовь? Нет, страсть, плотская, низменная, но такая пылкая, такая... волшебная. Да, волшебная.

Душа Уррутиа шелохнулась внутри рубина, и вокруг нее опять заколыхалась красноватая тьма, пронизанная золотыми искорками.

Интересно, какая судьба ждет нового возлюбленного Мут, неистового варвара? «Интересно», — подумал Уррутиа. Но на самом деле ему было совершенно неинтересно. Он дремал внутри своей вечной тюрьмы. Он старался забыть о боли — и он забыл о ней. И теперь, когда боль грозила вот-вот пробудиться и вновь начать терзать свою жертву, он пытался подавить ее.

Сделанное — сделано. Прошлого не вернуть. Цена заплачена. Дело стоило того. Дремать. Спать. Небытие. Рубиновая мгла...

Пронзительный вопль Мутэмэнет разнесся по



покоюм. Вопль торжества, боли, ликования, счастья. Вслед за тем раздалось победоносное рычание варвара. Они разомкнули объятия и, тяжело дыша, раскинулись на звериных шкурах, лоснящихся от пота. Мут хватала воздух ртом.

— Негодяй, — нежным голосом произнесла она, — ты едва меня не раздавил!

Ответом ей было невнятное урчание, похожее на те звуки, которые издает насытившийся леопард.

— Я же заколдовала тебя, глупенький! — тихонько засмеялась Мут. — Ах я, дурочка! И забыла об этом. Ты не можешь мне ничего сказать. Ну, бедняжка, бедняжка. Ничего, я тебя приласкаю...

Конан фыркнул, как конь, и замотал длинными черными волосами.

— Ах ты мой хороший! — продолжала сюсюкать Мут. — Ну ладно, ладно...

Она задумчиво водила ладонью по его крепкому телу, но глядела теперь в другую сторону. Казалось, удалец-варвар совершенно покинул ее мысли, блуждавшие теперь совсем далеко. На самом деле Мут размышляла о том, как ей поступить с пленником. Для того, чтобы родить новых сыновей, ей понадобится держать Конана у себя почти четыре года. Сумеет ли она укротить его настолько, чтобы он не поднял бунт и не попытался сбежать за такой долгий срок? Мут сомневалась. Заколдовать его, превратить в полоумного идиота? Но захочется ли ей, магу, отдавать свое тело безмозглому куску мяса?



Проблемы, одни проблемы...

Она вздохнула.

— Одни проблемы с вами, мужчинами, — говорила она вслух.

Конан радостно замычал, соглашаясь с ее словами.

Мут снова потянулась и перевернулась на живот. Взяла со столика несколько виноградин, вложила в рот себе и Конафу. Одна из ламп-скорпионов вдруг ярко вспыхнула, выбросила в воздух дымное облачко и погасла. Мут настороженно подняла голову.

— Это еще что такое? — произнесла она. — Почему?..

Но тут послышался громкий хлопок, и в воздухе, разрывая пространство, появилась человеческая фигура. Она вся была покрыта красными каплями.

Конан присмотрелся, и когда колыхания муты рассеялись и воздух вновь стал прозрачным, разглядел своего спутника — Гирадо. Одежда молодого стигийца была порвана в мелкие клочки и держалась на теле каким-то чудом. Множество крошечных, но глубоких ранок покрывало его кожу. Из этих ранок непрерывно текла кровь. Лицо, залитое кровью и распухшее, превратилось в страшную маску.

Гирадо скалился, и его красные зубы неприятно сверкали в свете оставшихся масляных ламп. Одной рукой он размахивал перед собой, другой непрерывно сыпал какие-то разноцветные порошки. Пол под ним то и дело взрывался пест-



рыми огоньками, и тогда Гирадо подскакивал в воздухе.

Пылая яростью, Мут поднялась на ложе и простерла руки навстречу незваному гостю. Губы ее исказились, она изогнулась всем телом, готовясь произнести заклятие, но тут Конан схватил ее поперек живота и опрокинул обратно на ложе. Весело мыча, он раздвинул ее ноги и навалился сверху.

— Отпусти меня! Животное! — зашипела Мут. Конан чувствовал, как она бьется об его поистине железный живот, но вырваться не может. Как муха, накрытая ладонью на столе, подумал варвар и хмыкнул.

— Я больше не хочу тебя! — визжала Мут. Злые слезы брызгали из ее глаз, смывая синюю и золотую краску. По щекам поползли некрасивые потеки. Мага плакала от бессилия и ярости. Она пыталась произносить заклинания, но Конан закрывал ее рот поцелуем. А когда она начала двигать пальцами, чтобы вызвать себе на помощь невидимых слуг, Конан схватил ее за руки и с силой прижал к подушкам. Мут зарычала не хуже киммерийца, однако было поздно: варвар навалился сверху всей тяжестью и снова овладел ею.

И теперь, подчиненная воле мужчины, мага ничего не могла поделать. Она даже дышала с трудом — об этом Конан позаботился тоже.

— Быстрее! — крикнул варвар своему сообщнику, и тут с удивлением и радостью понял, что дар речи к нему вернулся. Видимо, мага ослабела. — Я не смогу делать это слишком долго!



— Понял! — откликнулся Гирадо.

Он попытался опуститься на пол, но заклинание левитации оказалось слишком сильным, поэтому молодой стигиец продолжал плавать по воздуху, время от времени выбрасывая вспышки пламени. Наконец он завопил:

— Нашел!

И схватил большой красный рубин. Душа Уррутиа посмотрела на него изнутри.

— Брат! — надрывался Гирадо, в то время как Конан начал уже рычать и вскрикивать, лежа на распятой маге. — Брат, ты меня слышишь? Я освобожу тебя!

— У меня... нет... тела, — донеслось из кристалла. Голос звучал глухо, но отчетливо. — Я... только... душа.

В панике Гирадо начал оглядываться по сторонам, и неожиданная мысль осенила его.

— У тебя нет тела? — закричал он. — Оч-чень хорошо! А кое у кого совсем нет души! Я изгоню эту душу! Я заточу ее в кристалл! А тебя освобожу, брат!

— Быстрее! — надрывался Конан. — Я больше не могу!

И он закричал так, как кричат в чаще дикие звери по весне.

Гирадо схватил рубин и изо всех сил ударил его об пол. Одновременно с этим он вывернул несколько мешочков, висевших у него на поясе, и их содержимое просыпалось на пол. Гирадо принадлежал к той школе магов, которая называется «интуитивной». Эти маги, как считалось,



знали свое ремесло настолько хорошо, что могли действовать интуитивно. Рука сама нащупывала нужные снадобья, на ум сами собой приходили нужные заклинания. На самом деле истинных мастеров «интуитивной» магии почти не существовало. Большинство «интуитивистов» были попросту недоучками, а свое невежество они прятали за научными терминами.

И Гирадо, конечно же, принадлежал к их числу. Поэтому он и сыпанул то, что подвернулось ему под руку, а после зажмурился и стал ждать результатов.

И результаты превзошли все его ожидания!

Раздался страшный взрыв. С грохотом разлетелись в стороны камни. Обвалился — как почудилось магу-неудачнику — не потолок, а само небо. Пространство, доселе стиснутое и укрощенное, освободилось и расширилось во все стороны. Поднялся страшный ветер. Он подхватил людей и предметы. В последнюю минуту Гирадо успел ухватиться за какое-то дерево, а Конан и Мут, вцепившись друг в друга, полетели прочь и сильно ударились о железную ограду. Мут вдруг обмякла, как будто жизнь покинула ее. Конан с отвращением оттолкнул ее от себя. Мягко, как тряпка, маг повалилась на траву.

А вокруг бушевала настоящая буря. Небо над головами потемнело. Жители Луксура в панике бежали по улицам. Ветром срывало черепицу и бросало ее на мостовую. Один человек был уже ранен — он проскакал мимо Конана, держась за рану на голове и явно никого не замечая. Из



улиц и переулков доносились треск, стук, жалобные крики, мольбы о помощи.

Над храмом Сета гуще за клубился дым, как будто жрецы, перепуганные невиданным явлением, решили удвоить рвение и начали приносить жертвы раньше установленного времени. «Вряд ли Сет будет настолько любезен и поможет своим приверженцам», — подумал Конан. Сет никогда не славился любовью к людям. Он рассматривал их, скорее, как пищу.

Облака, густые и черные, низко неслись над городом, задевая башни и шпили. В общем грохоте и крике слышался протяжный тонкий вой, как будто рыдал кто-то запертый в другом мире.

— Талисманы! — над ухом Конана задышался знакомый голос Гирадо. — Давай!

— Они у тебя, — напомнил варвар, сам удивляясь собственному спокойствию. — Что ты наворотил, Гирадо?

— А? — переспросил стигиец, нащупывая на поясе мешочки с талисманами. — Сам не знаю... Как-то само собой вышло... интуитивно...

— Хотел бы я знать, что там у тебя вышло, — проворчал Конан. — Давай, работай дальше. Будь что будет. В крайнем случае просто унесем отсюда ноги. А эта Мут — знаешь, она очень хороша... Даже если она ведьма и старуха.

— Ты — жуткий тип, — сказал Гирадо, лихо радочно вытряхивая на землю обломки талисмана. — Так, вода, воздух... огонь... А где же земля?

— Ты же сам говорил, что земная часть талисмана хранится в Луксуре. И что она, вероятно, в



особняке Мут. Мол, она самая сильная и все такое... Забыл?

— Может быть, это рубин? — предположил Гирадо.

— А может быть, это сам особняк? — в тон ему ответил Конан. — Простофиля! Что мы теперь будем делать? И что с магами? Она умерла?

— Нет, просто ее душа покинула тело, — сказал Гирадо, приложив на несколько секунд ухо к груди Мутэмэнет.

— А разве это не одно и то же? — фыркнул Конан.

— Для магов — нет, — ответил Гирадо твердо. И насторожился: — А что, тебя тревожит ее участь?

— Она могущественна и сильна. Еще бы меня не тревожило, на что она еще способна! — ответил Конан. — По-моему, мы сильно ее разозлили.

Тут тело Мут зашевелилось на земле. Губы с трудом разлепились, глаза распахнулись, и мгновение в них читался панический ужас. Деревья гнулись на ураганном ветру, тучи проносились теперь так низко, что грозили зацепить лежащего на земле за нос.

— Боги! — хрипло произнесла Мут. — Где рубин?

— Здесь, — ответил Гирадо и подтолкнул ногой камень.

— А я где?

— Ты в саду, мага.

— Мага? Мага? — Мут засмеялась еще более хрипло и безумно.



Конан и Гирадо переглянулись. Потом безумная мысль посетила Гирадо, и он вкрадчиво спросил:

— Как тебя зовут?

— Уррутиа... Она сказала, что мое имя — Уррутиа... Что она скормила мое тело крокодилам...

— Вероятно, так она и поступила, — кивнул Гирадо.

Уррутиа провел руками по бокам, затем вдруг замер и в ужасе схватил себя за грудь.

— Что это? — вскрикнул он и зарыдал.

— Это — тело Мут, — сказал Гирадо. — Добро пожаловать обратно, в мир людей, дорогой брат. То есть, сестра.

— Я теперь женщина? — изумлялся Уррутиа. — Что ты со мной сделал, брат?

— Освободил из рубиновой темницы. Я сделал это, как умел, уж прости меня. Ты теперь — очень красивая женщина. Будущее покажет: может быть, ты еще и бессмертная женщина.

— А как же мои мечты... — забормотал Уррутиа невнятно. — Выпивка, лошади, бабы... Все это потеряно, потеряно безвозвратно!

И он отчаянно, в голос зарыдал.

Конан смотрел на эту сцену, широко открыв глаза от изумления. Затем он сделал над собой усилие и взял себя в руки. Прежде всего — не думать о том, что произошло, когда он сжимал Мутэмэнет в объятиях. Слишком уж противно. Брат, сестра... Ерунда какая-то!

И потом, куда подевалась душа Мут? И где этот проклятый талисман земли?



Катаклизм приближался. В темном воздухе видны были уже кожистые крылья и оскаленные пасти. Конан узнал этих демонов — их он видел в окнах особняка Мут. Теперь они летали над Луксуром, свободные, жаждущие крови, яростные.

Конан схватил рубин и тотчас встретился взглядом с ненавидящими глазами Мут. Душа мага оказалась там, в темнице, и не узнать ее взгляда Конан не мог. Уррутия, унаследовав тело мага, не унаследовал ее жизненной силы.

— Земной талисман — это ты сама, Мут! — сказал Конан. — Теперь-то я знаю твоё уязвимое место.

Он схватил рассыпанные по земле обломки талисмана и бросил их на рубин. Раздалось странное шипение. Рубин как будто расплавился от прикосновения частей талисмана, а затем проглотил их. Мгновение еще Конан слышал пронзительный, отчаянный, полный неизбежной злобы крик женщины, заточенной в рубине, а затем все стихло.

Конан взял камень в руки и наклонился над ним. В темно-красной мгле он увидел, как демоны обступили мага и терзают ее когтистыми лапами, а она обороняется от них заклинаниями. Что ж, Мутэмзнет обрела свою собственную вселенную. И что за беда, если эта вселенная, полная злых, темных сил, вселенная, где Мут является единственной и полновластной госпожой, так мала, что помещается внутри одного рубина!



Голодный золотой божок



Вот уже несколько часов кряду шел моросящий дождь. Было еще холодно, но ветер нес с собой совершенно весенние запахи, а грязный снег на обочинах раскис и потек. Город утопал в грязи. Гостиница называлась «Ключ и меч». Прежде Конану не раз случалось останавливаться в ней, и порядки были хорошо ему знакомы. Не дожидаясь появления приказчика и вечно заспанного конюха, варвар сам провёл свою лошадь в конюшню, стукнувшись, как обычно, о потолочную балку и ругнувшись.

— С постояльцами не густо, — отметил он себе под нос. Кроме хозяйской пузатой лошадки, в конюшне находился всего один жеребец — правда, дорогой, очень породистый, гладко-серой масти. В его яслях лежало не сено и даже не ячмень — первосортная пшеница, вымоченная в вине.

Рядом, на загородке висело богатое рыцарское



седло, сушился потник из чистейшего хлопка, а чепрак вообще был шелковый, двухцветный, с гербом. На гербе значился изумрудно-зеленый барс, как бы прыгающий на смотрящего с золотого поля.

— Ясно, — пробормотал Конан. — Какая-то важная птица возжелала одиночества и распугала остальных посетителей. Скверно! А я так рассчитывал узнать свежие новости и, может быть, разжиться парой монет, обыграв кого-нибудь в кости...

По соседству с рыцарским конем стоял задумчивый мул, холеный и гладкий. По всему было видно, что это животное принадлежало оруженосцу, тоже холеному и гладкому.

Расседлав своего коня и отсыпав ему две полновесных мерки овса, Конан закинул на плечо седельную сумку и вышел из конюшни. Обойдя крыло гостиницы, он поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Однако та оказалась запертой.

К двери был приклеен клочок грубо выделанного пергамента. Даже если бы варвар умел читать, он не сумел бы разобрать написанного на нем — значки расплылись от воды.

Конан постучался, и тотчас за дверью кто-то закопошился. Засов звякнул, загремела цепочка, послышалось также сопение и тихая брань. Наконец дверь открылась, и из проема на Конана уставился ладный коротышка, смуглый, со шрамом на подбородке и яростными зелеными глазами. На коротышке была двухцветная шелковая туника и двухцветные же штаны в облипочку.



Он издернул голову, стриженную под горшок, оглядел варвара высокомерно и спросил:

— Ты пришел по объявлению?

— Что? — не понял Конан.

— Ты — следопыт?

— Конечно, — ответил варвар, теряя терпение. — При этом я — мокрый, усталый и голодный следопыт. Опытный глаз подсказывает мне, что здесь — трактир...

— Ты совсем не похож на следопыта, — объявил коротышка и попытался захлопнуть дверь, но Конан успел придержать ее ногой.

— Я могу доказать, что я следопыт, — сказал он. — Ты оруженосец не из знатных. Твое имя оканчивается на «-мунд». Служил своему рыцарю больше десяти лет. Ходил с ним на Запорожку усмирять козаков. Час назад ты вернулся сюда из борделя «Туфелька феи», где провел время с девкой по имени Аманта.

Коротышка побагровел и напыжился, но Конан решил не тратить на него времени. Он отодвинул оруженосца в сторону и вошел в зал. Там он уселся на лавку спиной к жаркому очагу, бросил мокрый плащ на стол, стряхнул дождевые капли с волос и сладчайше зевнул. Ему очень хотелось спать.

Прямо перед ним, в глубине зала, сидел за столом человек средних лет, сухощавый, бледный и прямой, как палка. Он поглядывал на варвара с умеренным любопытством, какое только может позволить себе отпрыск аристократического рода.



— Что это за странная гостиница, куда пускают только следопытов? — развязно осведомился Конан. — Трактирщика вы тоже выставили? Здесь подают вино? Может быть, вы — новые хозяева?

Сухощавый кисло улыбнулся и приподнял бровь. Коротышка же подскочил, как ужаленный, и заверещал:

— Ты разговариваешь с герцогом Мировалем, мужлан! Встать! Или я разделаю тебя под орех, верзила!

— Давай пожалею мебель, — миролюбиво предложил Конан, а названный герцогом негромко сказал:

— Помолчи, Гизмунд. Если этот человек действительно такой хороший следопыт, имеет смысл дать ему согреться и отдохнуть. — Помолчав секунду, он добавил, адресуясь к варвару: — Я хочу предложить тебе работу.

Конан зевнул еще шире.

— Вообще-то я наврал. Я не следопыт. Я — вор. Герцог Мироваль снова вздернул бровь.

— Интересный поворот событий, — молвил он. — Впрочем, украденное одним вором можно найти при помощи другого вора. А как ты узнал имя моего оруженосца? Балуетесь магией?

— Тьфу! — Конан фыркнул. — Вот еще. Это было совсем просто. У него на запястье висит амулет в виде мужского органа. На языке многих народов эта штука называется «мунд». Носят такой талисман, как правило, мужчины, чье имя оканчивается на «мунд».



— А про запорожцев как догадался?

— Видишь шрам на его подбородке? Такой остается только после удара кистенем особой формы. Его используют козаки.

— Он называется «охлопец», — мрачно добавил оруженосец, поглаживая подбородок.

— А про... дом свиданий? — поинтересовался герцог.

— Про бордель? — Варвар ухмыльнулся. — Гизмунд запачкал себе щеку жемчужными белилами. Эти белила использует только Аманта. Я не большой знаток всех этих женских игрушек, по мне — проку от них нет. Красивой девке они ни к чему, а уродливой не помогут. К тому же вечно вымажешься...

Герцог Мироваль коротко хохотнул, что обозначало у него степень крайней веселости.

— Разбуди кухарку, Гизмунд, и вели приготовить ужин этому молодцу, — приказал он.

— Начало мне нравится. — Конан устроился поудобнее. — Перейдем пока к делу. Как я понял, у вас что-то украли. Что именно?

Усмешка застыла на лице герцога, и варвар неожиданно понял, что этот человек очень страдает.

— У меня украли женщину, — сказал он. — И я сделаю все, чтобы ее вернуть.

Неторопливо он выпил полный кубок вина, деликатно промокнул губы краем скатерти и придирчиво осмотрел кружевной манжет на своем правом рукаве.

Движения его были спокойны и даже ленивы,



только в глазах то и дело вспыхивали огоньки гнева и страсти.

— Два года назад, — начал он, — я охотился на вепря в лесах неподалеку отсюда. Хозяин тех земель пригласил меня в гости, но в его замке меня настигла непроходимая скука. Он — мой родственник, и я не могу обсуждать его при посторонних. Скажу только, что женился он на сестре богатого негоцианта, которая вместе с грандиозным приданым втащила в родовой замок затхлый душок меняльной лавки. Словом, я оставался в гостях только ради того, чтобы не обидеть троюродного кузена. Охота была моим единственным утешением.

В то утро доезжачие подняли прекрасного зверя, но он, в отличие от меня, был старожилом этих лесов и отлично знал все его тропинки и чащобы. Я гнался за ним, оставив свиту далеко позади — и заблудился. Давно перевалило за полдень, и мой верный Снежок нуждался в отдыхе. Поводив его кругом поляны, чтобы он остыл, я ослабил подпругу и пустил коня попасться, а сам улегся на плащ и под тихое журчание ручья задремал.

Меня разбудил Снежок — он храпел и обеспокоенно бил передними копытами. Что-то испугало его, и это что-то теперь следило за мной из чащи. Я кожей почувствовал изучающий и грозный взгляд.

Я далеко не трус, господин вор, но в ту минуту и мне сделалось страшно. Схватив копьё, я поднялся, чтобы встретить опасность стоя. И то-



гда гуща ветвей раздвинулась, и на поляну вышел скавр — человекоподобное существо с гривой льва.

Он недолго выбирал между двумя жертвами: конь быстрее человека, его тяжелее поймать. Поэтому он решил полакомиться мною. Когда скавр бросился на меня, я успел нанести ему рану копьём в плечо. От боли и ярости человекозверь обезумел, и это решило исход битвы. Копье он сломал, словно тростинку, и слепо кинулся в атаку. Меча со мною не было, но я ухитрился всадить ему под лопатку охотничий кинжал. Испустив громкий рев, чудовище вытянулось в агонии и скоро утихло навсегда.

Я был очень горд собой. Но моя победа вот-вот грозила обернуться поражением — скавр своими страшными когтями разорвал мне бедро. Кровь лилась рекой, и остановит ее я не мог. Вместе с кровью я лишался и сил. Кое-как я сумел взобраться на коня. Перед глазами все плыло, а в ушах раздавался назойливый гул. Я потерял сознание.

В зыбком, колышавшемся бреду передо мной возникало очаровательное девичье лицо, иногда даже я слышал голос — удивительный, нежный голос... Виденье было так прекрасно, что я решил, будто умираю. Это сложно понять, но... Впрочем, неважно.

Лесник нашел меня вовремя. Еще немного — и спасти мою жизнь не удалось бы. А видением оказалась Ремина — племянница лесника, сирота. Она ухаживала за мной четырнадцать дней.



Ее бессонные заботы, здоровая пища, свежий лесной воздух и доброе аквилонское вино поставили меня на ноги.

Кузену доложили обо мне, и он прислал за мной крытые носилки, чтобы доставить меня в замок. К ужасу лесника, я притворился умирающим и внушил всем, что переносить меня опасно. Как только присланные удалились восвояси, я чудесным образом выздоровел. Лесник разгадал мою хитрость и пришел в беспокойство, но золотая застежка с моего плаща примирила его с действительностью.

Прекрасная Ремина была рада, что я остался. Несмотря на простое происхождение, она каким-то чудом усвоила природное, скромное благородство, словно к нему обязывала ее красота. Грязь житейская и внутренняя, присущая мужланскому роду, не пачкала ее, так же, как и земля не пачкала ее босых ног, когда Ремина гуляла со мною по лесу или собирала хворост. Ей скучно и пусто было среди людей, составлявших ее окружение. Разве можно с мужланом, озабоченным только вопросами пропитания, разговаривать о звездах или полевых цветах? Со мною ей было хорошо, а я забывал, что передо мной — босоногая крестьянка. Душою она была мне ровней.

Видишь ли, господин вор, я женат. Супруга моя — одного со мною происхождения, и мы уважаем друг друга, как хорошие приятели. Она родила мне наследника, за что я ей очень признателен. Но меж нами никогда не было любви. Разводиться с нею я не собираюсь и позволяю ей дер-



жать подле себя одного-двух трубадуров из небогатого рыцарства. Она, в свою очередь, также не стесняет моих свобод. Я вполне мог бы поселить Ремину в своем замке на правах служанки, и мы были бы счастливы. Почему я не сделал этого сразу?

— А в самом деле, почему? — высказался Конан. — Мужчина должен решать, а женщина — покоряться. Вряд ли она нашла бы лучшую долю.

Герцог помрачнел еще больше. На щеках его пылал румянец лихорадочного возбуждения.

— Я свалил дурака и первый признаю это, — продолжал он. — Да что толку? Итак, мы полюбили друг друга. Я зачастил в гости к своему кузену, мерзкая жена которого прознала, в чем дело. Ее насмешки были грязны и совершенно неостроумны... Я все терпел и ни разу не ответил ей грубостью — меня переполняло счастье, которого никогда не понять торгашескому отродью. Во время последнего нашего с Реминой свидания я подарил моей возлюбленной платок из редкого ванахеймского кружева, выдав его за простую ремесленную поделку, — она не принимала дорогих подарков, хотя мы были достаточно близки... Как любили мы друг друга в ту ночь...

Вернувшись домой, я принял окончательное решение и даже обсудил его с женой. Она дала полное согласие, оговорив только одно: Ремина должна знать свое место и не покушаться на звание госпожи замка. Я уже отдал распоряжение приготовить ей комнату, как вдруг на следующий же день один из моих соседей захотел пере-



смотреть границы своих земель. Словом, началась война. Глупая, длинная и кровопролитная. Сначала сосед осадил меня, потом у него кончился провиант, и я осадил его. Поливая мое войско кипятком со стены, он так увлекся, что не успел увернуться от стрелы. На том дело и кончилось.

Наскоро поправив свои обстоятельства, я прискакал во владения кузена. Что же я обнаружил? Пустую лачугу лесника и свежую могилу на задах его убогого двора! Лесник помер. Стены и кровля ничего не могли поведать о судьбе моей Ремины. Пришлось мне объявляться у кузена. Сам он ничего не знал, а его законная гадюка, приторно улыбаясь, рассказала мне о своем человеколюбии. Исключительно из заботы об осиротевшей девушке, она продала ее своему жирному братцу, который обитает в этом городе. «Ничего, — проквкала эта мерзкая жаба, — мой великодушный брат даст этой дикой красотке хорошее воспитание и устроит на хорошее место». Я был в ярости.

Великодушного брата зовут Дорсети. У него огромный дом, выстроенный без всякого вкуса, куча денег и манеры лошадиного барышника, хоть он и рядится в парчу и бархат. Сынок его, Дорсети-младший, — похотливый гаденыш, нечистый на руку. К тому же о нем ходят жуткие слухи. Деньги и связи позволили этим людям развернуться во всей красе. Если бы они жили на моей земле, их давно бы повесили. Но увы — они свободолюбивые горожане, опора общества, гордость цеха растовщиков. Я и пальцем не могу их



тронуть. К тому же Дорсети держат в доме целую армию наемных головорезов, а я не имею права ввести в этот городишко своей дружины. У Дорсети, как я уже говорил, очень серьезные связи, а я не могу воевать против всего королевства.

У меня оставалась надежда решить дело «цивилизованным образом». Собрав хорошую сумму, я приезжаю сюда, без свиты и лишнего шума. Гизмунд не захотел отпускать меня одного и увязался следом. Два дня назад мы прибыли сюда и сразу же явились в дом Дорсети. При входе меня заставили разоружиться... Какая низость! Но я и это стерпел.

Оба Дорсети встретили меня недоумевающими взглядами.

— О какой рабыне он говорит, папа? — спросил сынок.

Дорсети старший воздел руки к небу.

— Здесь недоразумение, — пропищал он. — Я точно переправлял пятнадцать золотых за рабыню, но увы — так ее и не получил. Моя дражайшая сестра не позаботилась отослать ее с обозом. Вероятно, снабдила ее провожатым из приказчиков. Скорее всего, обоих схватили разбойники. Какая жалость! Она правда была красавица, эта Ремина?

Мне оставалось только плюнуть и откланяться. Какое-то время я стоял под стеной их дома и предавался размышлениям. А если быть до конца честным, то попросту проклинал себя за глупую свою нерешительность. Как вдруг из окна угловой башни медленно падает к моим ногам



свернутый платок из ванахеймских кружев! Конечно, я узнал его — другого такого не существует на свете. Узоры кружева неповторимы. Именно этот платок я подарил племяннице лесника.

Кровь вскипела в моей голове. Человек благородного воспитания не должен позволять себе так явно обнаруживать свою ярость, ругаясь с торгашом. Однако я ворвался в дом Дорсети, по дороге отдубасив пару-тройку его телохранителей.

— Она здесь! — вскричал я, размахивая уликой перед глазами ростовщика. — Она в угловой башне! Ты смел мне соврать, хамская морда?

Тут наемники, числом не менее десятка, обступили меня.

— Нарушение границ частной собственности, — перечислял Дорсети-младший. — Оскорбление достоинства, угрозы... Вяжите его. Мы на веревке отведем этого зазнайку в городской магистрат.

— Не нужно, мальчик мой. — Дорсети-старший поморщился. — Давай простим его на первый раз. Все-таки он нам — хе-хе — родственник...

Тут уж я просто света не взвидел, потянул меч из ножен, но меня сбили с ног и выбросили за ворота.

Ценою нечеловеческих усилий я смирил уязвленную гордость и обратился в магистрат с жалобой. Чиновник, принявший меня, пожал плечами.

— Для обыска особняка Дорсети у властей нет основания, — изрек он. — Если Дорсети не жела-



ет продавать вам свою рабыню — так это его дело, и помочь вам я ничем не могу. Она является его полной собственностью. Если же вы попытаетесь силой ворваться в дом, вас просто убьют или посадят в тюрьму. Возвращайтесь-ка вы, откуда приехали.

Вот и вся история. Остается добавить, что я заплатил за объявление, в котором говорится о работе для опытного следопыта. Но за два дня ты — первый, кто пришел. Если у тебя получится выследить, где Дорсети прячет Ремину, я дам тебе двести золотых. А если ты украдешь ее для меня — получишь тысячу.

Конан присвистнул.

— Даже не знаю, — произнес он задумчиво. — Дельце не из простых. Что ж, завтра посмотрим, что я смогу сделать. Но есть одна заминка...

Герцог и его оруженосец с удивлением посмотрели на варвара, который продолжал говорить ничего не значащую чепуху и при этом знаками приказывал молчать. Поднявшись, он на цыпочках прошел через зал и очутился возле окна, закрытого деревянными ставнями. Затаившись, как барс перед прыжком, Конан внимательно вслушался в шум дождя, а затем неуловимым глазу движением распахнул ставни и обеими руками ухватил за горло человека, стоявшего за окном.

Тот попытался разжать его хватку, но глаза его выкатились, язык высунулся и язык свесился набок.

— Готов! — воскликнул Гизмунд.



Конан втащил убитого через окно в зал и бросил на пол.

— Разумеется, за вами следили, — сказал он.

— Ты слышал его дыхание? — удивился герцог.

— Нет. Я слышал, как он перестал дышать, когда ты назначил цену, — усмехнулся варвар. — Все-таки это большие деньги.

Носком сапога Конан поддел неподвижное тело и перевернул его лицом вверх.

— Держу пари, что этого парня вы не видели в доме Дорсети, — сказал он.

— Ты его знаешь? — поинтересовался Мироваль, брезгливо морщась.

— Я знаю десятки таких, как он. Это — грязные людишки. У них грязные руки, грязная совесть и грязные мысли в головах. — Конан сплюнул. — Таких — целая орава в любом крупном городе. Лично они никогда не встречаются с тем, кто нуждается в грязных услугах, — обычно их опекает владелец какого-либо борделя. Заказчик платит хозяину, а тот, в свою очередь, направляет на дело подобную дешевку. Они готовы на все что угодно — соглядатайство, убийство под видом грабежа...

— Неужели ты осуждаешь убийство? — с усмешкой проговорил Гизмунд. — Никогда бы не подумал.

— Когда мне нужно убить — я убиваю, — мрачно ответил варвар. — В честном бою и без всяких фокусов. Тем более, не использую таких гнусных штукovin!



С этими словами он вынул из-под одежды мертвеца короткую, полую тростинку, вставил в зубы ее кончик, повернул голову к стене и коротко дунул.

Таракан, бежавший по своим тараканьим делам, застыл, припшпиленный к стене маленьким дротиком, оперением которому служил пучок разноцветной щетины.

— Знатное оружие, — рассмеялся Гизмунд. — А как оно супротив крыс? Действует?

— Такой колючки достаточно, чтобы убить быка, — сказал Конан. — Почти мгновенно. Очень сильный яд. Этот тип мог перебить нас так, что мы бы и не почувствовали.

Герцог Мироваль поднялся из-за стола.

— Я полагаю, вы советуете нам держаться поосторожнее? — спросил он.

— Еще бы! — воскликнул Конан. — Было бы глупо выполнить работу, но лишиться работодателя.

* * *

Пристав Гаттерн был в крайнем раздражении. Волосы на его черепе росли редкими клочьями, причем разной длины и цвета — одна прядь успела поседеть целиком, другая — только наполовину, а третья все еще оставалась медно-рыжей, и так — по всей голове! По этой причине пристав редко снимал свою кожаную шапку с наушниками, усыпанную стальными бляхами. Теперь он все-таки сдернул ее и отирал вспотевший лоб за-



стиранным полотняным платком, а это служило верным признаком его скверного настроения.

Труп, пролежавший в зале до утра, двое солдат сволокли во двор и бросили на телегу.

Конан завтракал.

— По правилам хорошего тона, свинину с капустой запивать следует непременно пивом! — изрек он, обращаясь к приставу. — А у вас в Аквилонии даже мамалыгу запивают вином. Брось дуться, Гаттерн, — ты не можешь задержать меня по обвинению в убийстве. Это была просто самозащита.

— В прошлом году у меня уже были из-за тебя большие неприятности, — напомнил Гаттерн. — Уезжай.

— На этот раз все обойдется, — заверил его киммериец.

— Не верю. Ты не умеешь жить в городах. Как вышло, что этот парень напал на тебя? Он ведь не из этого района. Он — один из людей Сохо. Вывод — твой труп нужен Сохо. А это значит, что по моему участку начнут шлаться чужие головорезы. Пойми, северянин, я этого не хочу.

— Я не ссорился с Сохо, — солгал Конан.

— Значит, кто-то другой заплатил ему за твою голову.

— Чуть! — Варвар разыграл благородное негодование. — Твой долг — защитить меня силой закона, а ты гонишь меня из города.

— Я все равно найду повод выпытать тебя! — упрямо гнул свое пристав.

Конан не боялся его ничуть, но все же питал



к Гаттерну искреннее уважение. Гаттерн был, что называется, честным стражником. Конечно, он не мог искоренить в Галпаране преступность и оказался вынужден уживаться с существующим положением вещей. Однако Гаттерн редко отступал от своих принципов и всегда держал слово.

— Ладно! — сказал Конан. — Дай мне два дня, потом я уеду.

Поразившись несколько мгновений, пристав кивнул.

— Кстати, — произнес он, — до вчерашнего дня здесь проживал некий герцог Мироваль. Не ведомо ли тебе, куда он исчез?

Варвар рассеянно пожал плечами и сосредоточился на свинине с капустой.

Герцог и его оруженосец покинули Галпаран еще затемно. Они будут ждать Конана в заброшенной корчме без названия на восточной дороге. Мужланы там смирные и приветливые, разбойников почти не водится. Да если и найдутся таковые — для бывшего рыцаря вместе с оруженосцем они не составят серьезной угрозы. Другое дело — бледные городские наемники, бьющие исподтишка, шныряющие, подобно крысам, по подворотням и запутанным переулкам. Перед отъездом коротышка Гизмунд с великой неохотой отвязал от пояса кошель — средней тугости колбаску, фаршированную серебром.

— Это на расходы, — сказал герцог. — Если нужно больше — скажите.

Конан решил, что этого хватит, и Снежок унес Мироваля в черноту городских улиц. Мул, пытая



и подбрасывая Гизмунда на своей широкой спине, затрусил следом.

Хозяин трактира, хоронившийся где-то в потайной комнатке, явился и очень распереживался по поводу мертвого тела. Он и вызвал стражу.

Визит пристава позволил Конану выяснить, кто из крупных городских подонков является «подрядчиком» Дорсети. Аэрон Сохо начинал свою карьеру обыкновенным уличным воришкой. Было это в незапамятные времена, задолго до рождения Конана на свет. Потом юного карманника нанял для мелких услуг один чародей, деятельность которого противоречила закону. Чародей этот умел превращать любой съедобный предмет в сильнейшее «снадобье грез», причем внешне предмет оставался таким же, каким был до превращения. У чародея собралась обширная клиентура, а также образовались и конкуренты. Ночная война длилась почти год — неприметные, серые люди выскакивали из темноты и плевались друг в друга отравленными иглами. Так вышло, что Аэрон Сохо победил. Конкуренты чародея либо погибли жутким образом, либо поспешно сменили род занятий.

— Я вполне могу заняться самостоятельным делом, — сказал Сохо чародею. Тот согласился. А что ему оставалось делать? Полая камышинка смотрела ему в лицо. Сохо основал «Вагруну» — самый большой дом увеселений в городе. В «Вагруне» работали самые аппетитные крошки, шла самая крупная игра, а к столу подавались изысканнейшие вина и многое другое. Теперь об



этом смешно вспоминать, но некогда Конан и сам подрабатывал там в качестве наемного гладиатора. Благопристойные господа горожане очень любили смотреть на гладиаторские бои. Одно время варвар был доволен местом и весьма — популярность приносила хороший доход.

Но однажды четверо хорошо одетых господ с грязными лицами вошли в раздевалку и от имени самого Сохо выразили полную уверенность в том, что он, Конан, сегодняшний бой проиграет. Варвар счел себя оскорбленным и удалился, оставив четверых плавать в мраморном бассейне вместе с живыми миногами.

Теперь существовала большая вероятность, что Сохо лично заинтересуется этим делом. Если вчерашний шпион был не один, владелец «Вагруны» уже знает, кто представляет интересы Мировая.

Но Конан меньше всего думал об этом.

Столовым ножом он соскреб засохшую грязь со своих сапог и штанов, встряхнул высохший плащ и решил, что его внешний вид вполне сойдет для городской прогулки. Час был еще ранний, солнце светило свежо и ярко, и Галпаран тщательно прятал в темных закоулках свою мрачную изнанку. Подмастерья и молодые мастера давно уже были за работой, мастера постарше только-только появлялись на улицах — шагали степенно и чинно. Отворялись лавки, с первым визитом спешил медик, торопясь уморить очередную жертву. На рынках между прилавков уже мелькали широкие зады кухарок. Труп мо-



лодого ювелира, заколотого своим нервным конкурентом, уже убрали с площади, а место, где он лежал, давно присыпали чистым речным песком.

Дом Дорсети запирает собою улицу Менял. Он и в самом деле был аляповат и напоминал примятый торт с подтаявшей глазурью. Конану показалось даже, что он слышит назойливое жужжание мух, облепивших фасад.

Ворота и решетка ограды вызвали у варвара усмешку.

— Через это уродливое нагромождение глупого железа перелезет даже увечный, — пробормотал он себе под нос. — А вот и угловая башня... На стене столько выступов, завитушек и дурацких украшений, что я без труда заберусь по ней хоть до самой крыши. Да я просто обязан навесить этот милый особнячок. Устраивать дом таким образом — значит вешать на нем табличку: «Дорогие воры, заходите пожалуйста!» Хм... Уж там есть чем поживиться. Само собой, прихватив пару безделушек на память, я не забуду и о зазнобе герцога...

Увлеченный этими мыслями, варвар обошел дом кругом, наметил себе удобный маршрут для ночного визита и направился отыскивать какое-нибудь питейное заведение. Обычно он всегда действовал так: в день серьезного предприятия застревал в кабаке, где преувеличенно пил, щипал служанок и затевал потасовки. К вечеру он надоедал всем безмерно. Потом, погрузившись в опьянение, затихал, а прислуга с облегчением вздыхала. Убедившись, что за ним не следят,



алже-пьяный потихоньку покидал заведение, более или менее удачно присваивал чужую собственность, потом так же незаметно возвращался обратно, где просыпался и вновь начинал буйнить и пить, уже по-настоящему. Таким образом и прислуга, и собутыльники оставались в непоколебимой уверенности, что несносный варвар торчал в кабаке безвылазно и, следовательно, не мог совершить ничего предосудительного за его порогом.

Сегодня Конан решил воспользоваться гостеприимством «Седой Совы» — кабачка уютного, не слишком дорогого и известного тем, что вино в нем не очень разбавлено. Выбрав себе наиболее удобный стол — и от входа недалеко, и до стойки рукой подать — Конан изгнал из-за него взъерошенного школяра с подбитым глазом и заказал себе первый кувшин вина.

— Здесь занято! — зарычал он, не поднимая головы, когда увидел перед собой ноги в ботфортах и края дорожной одежды.

Пришелец не испугался, сел как ни в чем не бывало, напротив Конана, звякнул кольцами на ножнах узкого клинка и произнес женским голосом:

— Я рада, что ты занял этот столик для нас двоих.

— Зонара! — воскликнул Конан, вскинув голову. — Кром великий! Тебя же казнили в Луксуре!

— Жаль тебя разочаровывать, — промурлыкала женщина в мужском дорожном костюме. — Но я успела уйти, обчистив пирамиду. Казнили



другую, менее удачливую. Это скучно. Скажи лучше, что ты делал сегодня возле дома Дорсети?

— Гулял, — отрезал Конан мрачно.

— Собираешься пошуровать там? Забудь, это слишком опасно.

— Опаснее, чем в пирамидах?

— В какой-то степени. — Зонара потянулась, как пантера.

Варвар не доверял ей, однако грациозное и сильное тело этой женщины, готовое выскочить из одежды, волновало его.

Еще он недолюбливал таких женщин за то, что они знают о своих почти колдовских способностях и широко пользуются ими.

— Хорошо, что ты еще не пьян, — сказала она, и в ее карих глазах запрыгали огненные змейки.

— Скоро буду, — пообещал Конан.

— Мне тебя не отговорить?

— В смысле выпивки?

— В смысле Дорсети, глупый.

— А что тебе-то за интерес? — прямо спросил он. — Сама присмотрела себе этот домик? Скажи честно!

— Честно? — Зонара улыбнулась, показав острые зубы. — Там нет ничего интересного. Побрякушек мало, столовые приборы скучные, статуэтки пошлые. А деньги они хранят в банке. Давай лучше ограбим банк.

— В другой раз. — Конан допил вино и жестом велел принести еще.

Поглядев на него серьезно, Зонара вдруг сказала:



— Я ведь знаю, что тебе нужна Ремина, рабыня Дорсети. Ты работаешь на одного сумасшедшего герцога. Он ничего, но скорбен главой, по-моему.

— Откуда тебе известно?

— Я обратила внимание на его объявление. Но его слуга не принял меня всерьез. «Дамочка-следопыт! Умора!» — так сказал этот мерзкий недомерок. Тогда я стала за герцогом следить... и не я одна, но ты об этом уже знаешь. Я слышала ваш разговор этой ночью. Послушай, мне большая нужда в деньгах... Давай сделаем все вдвоем? Один ты не справишься.

— Почему ты так считаешь?

— Ты ведь не знаешь, в чем там дело.

— А в чем может быть дело? — не понял ее Конан.

Зонара поглядела на него с сомнением.

— Все-таки ты дубина, — заявила она. — Пораскинь умишком! Почему Дорсети не продал Ремину герцогу? Ведь титулованный сумасброд мог заплатить хорошую сумму, совершенно не торгуясь.

— Может быть, — предположил варвар, смущаясь, — он тоже... того... влюбился...

Зонара вскинула голову и рассмеялась так громко, что на нее обернулись остальные посетители.

— Для того, чтобы влюбиться, надобно сердце, глупый мой северянин, — сказала она. — А у Дорсети нет сердца, причем — у обоих, и у папашки, и у сыночка. Это у них семейное. Ты пьешь



красное? Спроси мне мускатного и фруктов. Выпью с тобой за старые денечки...

В «Седую Сову» вошли двое — старик с разбитой, неладно склеенной виолой и девушка лет семнадцати. Одеты они были чудно — в пеструю живописную рванину, тщательно выстиранную. Косматая седая шевелюра старика была чисто вымыта и пахла душистым мылом. Даже его подбородок, покрытый серебристой щетиной, обладал неким горделивым достоинством.

Девочка быстро расстелила на полу лоскутный коврик, освободилась от тяжелых деревянных башмаков и легко вскочила на мозаичный мягкий квадрат. Смычком, похожим на лук кочевника, старик провел по струнам виолы, родив неожиданно сильный и чистый звук, и заиграл быструю плясовую мелодию. В такт он притоптывал правой ногой, и привязанные к ней круглые бубенцы переговаривались озорными голосами. Лицом музыкант оставался серьезен, только пышные его брови шевелились, словно тоже плясали. Танцовка исполняла свой номер очень старательно — она была тонка, жилиста и слишком точна в движениях. У посетителей она вызвала интерес, но не похотливый, а напротив — даже трогательный. Ей соперничали и хотели, чтобы она нигде не ошиблась. Подавали, впрочем, немного.

Выпив, Зонара смотрела на танцовку с грустной задумчивой улыбкой. Не то чтобы Конан хорошо разбирался в женщинах, но с ней он был давно знаком и знал, чем вызвана эта улыбка.



Десять лет назад Зонара такой же тонкой и жилистой девочкой танцевала в недорогих тавернах. Другой судьбы она себе не представляла — с трех лет ее готовили к этой участи, причем учили не только танцам, но и ремеслу акробата. У дяди Гинко была особого рода частная школа, куда приводили своих детей уставшие от нищеты родители. Приводили и оставляли навсегда, чтобы не думать о прокорме лишнего рта.

По-своему очень неплохой человек, дядя Гинко был суровый учитель. Прежде всего он калечил некрепкое детское тело — растягивал мышцы, вывихивал суставы и жестокими упражнениями приучал воспитанников к выносливости. Затем растянутые мышцы наливались силой, суставы приобретали невероятную гибкость, а все тело становилось эластичным, ловким и очень послушным.

Под присмотром дяди Гинко выросло четыре или пять поколений танцоров и акробатов, многие из которых не только имели верный кусок хлеба, но и сделались очень богаты.

Зонара выдержала эту многолетнюю пытку, к тому же, как она сама уверяла, у нее был талант. Но дядя Гинко не успел выпустить ее в жизнь. Однажды он поскользнулся на мокрой мостовой, упал и разбился насмерть.

Его подопечные разошлись, кто куда. Зонара примкнула к одному бродячему театрику, который был очень плох — состоял из спившихся жалких неудачников обоего пола. Кто-то из них, на постоялом дворе, где давали представление,



стянул у горожанина кошелек. Горожанин поднял шум. У него были лоснящиеся висящие щеки и косое пузо. Актеров, конечно, заподозрили сразу. Вор, чтобы не быть уличенным, подбросил кошелек в сумку Зонары. Когда похищенное обнаружилось, Зонару схватили.

Главный неудачник, он же хозяин театра, уговаривал горожанина:

— Зачем арестовывать бедняжку, губить ей жизнь? Если она виновата, отведи ее в комнату и потешься часок-другой. А так ее повесят, и у нее не будет возможности исправиться.

Но горожанин тряс щеками:

— Я почтенный человек, глава семьи! — кричал он. — Как вы смеете предлагать мне разврат! Воровка должна отвечать по закону, на то он и есть закон.

Пьяная актерка — вероятно, истинная воровка, — механически гладила Зонару по волосам и ревела:

— Он — не человек! Он не человек!

Зонара несколько раз повторила:

— Это не я!

Но ее не слушали, и она поняла, что доказывать что-либо бесполезно.

В виду юных лет ей сохранили жизнь — только высекли под виселицей на глазах у утренней площадной рвани, а затем заперли в исправительный дом. Исправление заключалось в глупом бессмысленном занятии — трепле пеньки. Это было гораздо хуже порки — ее Зонара вынесла почти без слез после уроков дяди Гинко. Тупея



от тоски и скуки, Зонара играла в свободные часы в воровские игры и слушала байки о ловких и хитрых людях, никогда не попадающих, изобретательных, словом — удачливых и потому достойных восхищения. Таким образом исправительный дом сделал из танцорки воровку. А потом она убежала.

Горожанин с отвисшими щеками однажды нанял себе в дом молоденькую служанку. Он был очень рачителен и осторожен, перед выходом слуг из дома всегда лично обыскивал их на предмет серебряных ложек, а по ночам запирали всех домочадцев в их спальнях, размещенных по верхним этажам. Но вскоре после появления новой горничной его стали обкрадывать — нагло, методично, и на солидные суммы. Горожанин потихоньку сходил с ума.

Сторожа и днем и ночью ходили с дозором вокруг дома, всякий раз проверяя окна первого этажа и входные двери. Прислуга теперь не просто запиралась в комнате, а еще и приковывалась цепью к ножке кровати. Но кражи не прекращались. Все тайники, все уловки домовладельца оказывались раскрыты. В конце концов, доведенный до безумия, горожанин удавился.

Горничная была Зонарой. С ловкостью акробатки — спасибо дяде Гинко — она выбиралась из своего окна и по карнизу попадала в любое другое, по своему желанию. Снять с ноги кованный обруч, соединенный с цепью, тоже не составляло труда. Украденное Зонара прятала на чердаке, проникая в него через крышу.



После похорон жена домовладельца, похожая на яблоко, высушенное в темной каморке, сказала слугам:

— Я нищая и платить вам мне нечем. Те, кому некуда идти, могут остаться, пока дом еще не продали за долги.

Зонара не осталась, но, тронутая словами вдовы, подбросила почти все похищенное к дверям ее спальни.

Неизвестно, был ли у нее на самом деле талант к актерству, а вот к воровству — определенно был, и немалый. Слухи о нем скоро распространились далеко за пределы Аквилонии. Зонара путешествовала под видом скучающей молодой аристократки. Попадая в новый город, она в считанные дни обзаводилась поклонниками, входила в общество, присматривалась, а затем совершала дерзкую кражу, выполненную с эффектом. Несколько раз ее ловили, но смерти Зонара всегда благополучно избегала. В целом новая жизнь ей нравилась, и она принимала ее целиком. Правда, изредка на нее накатывала тоска, ей становилось жаль себя почти до слез. От этого помогало только одно лекарство.

— Пойдем-ка, снимем здесь комнату часа на три, — обратилась она к Конану. — Все равно до вечера нужно чем-то себя занять.

— В прошлый раз это закончилось ссорой, — напомнил варвар. — Ты разбила об меня табурет, помнишь?

— Это потому, что мы слишком затянули отношения, — ответила Зонара без тени смущения. —



Сейчас мы только побудем вместе и все. Мне это очень нужно. Пойдем же! Последним мужчиной, перед которым я раздевалась, был палач в Кордаве. Он — миляга, но слишком увлекается своей работой.

Конан ухмыльнулся, покачал головой, поднялся и подал ей руку.

— От тебя откажется только евнух, — произнес он, и вдвоем они поднялись из залы. Старик-виольщик даже не покосился им вслед.

* * *

Комната оказалась маленькой — кровать занимала ее более чем на три четверти. Резные деревянные ставни, сработанные не слишком аккуратным подмастерьем, были прикрыты — из-за этого солнечные пятна и тени лежали поперец покрывала причудливым узором.

— Не угодно ли господам любовной серенады за отдельную плату? — спросил приказчик из-за двери.

— Проваливай в преисподнюю! — рявкнул варвар. Зонара рассмеялась. Она мгновенно избавилась от одежды и легла, глядя на мускулистую фигуру Конана, разоблаченную еще только до половины. Солнечный узор покрыл ее кожу.

— Сначала — поцелуй по-аквилонски, — требовательно сказала она, когда варвар подошел к кровати, и горячими губами приняла его плоть.

В искусстве телесной любви Зонара также была талантлива. К тому же ее тело, гибкое и силь-



ное — спасибо дяде Гинко — словно само изобретало прихотливые позы, усиливающие страсть и наслаждение.

Кровать, как Конан и опасался, немилосердно скрипела и, подпрыгивая, стучала об пол толстыми ножками. Скоро, не выдержав яростного напора, она и вовсе развалилась, и любовники, громко смеясь, забарахтались в простынях уже на полу.

Через три часа оба утомились. Обернувшись покрывалом, Конан высунулся за дверь и громовым голосом потребовал холодного вина. Вероятно, грохот, учиненный любовниками, был слышен и в зале, во всяком случае слуга, принеший кувшин и чаши, поглядел на варвара с большим уважением.

— Значит, мы договорились? — спросила Зонара мурлыкающим голосом, проводя шелковистой подошвой по ноге Конана.

— О чем? — удивился варвар, блаженно щурясь.

— Идем на дело вместе. Деньги пополам.

— Очень этого не люблю, — произнес он, мрачней.

— Чего — «этого»?

— Сначала ты отдаешься мне, потому что тебе это «необходимо», а потом оказывается, что за эту услугу я должен чем-то платить. Может, сразу возьмешь деньги? У меня есть десять серебряных монет — более чем щедрая плата за ласку.

Зонара вскинулась и хлестнула Конана по щеке, отбив ладонь.



— Скотина! — закричала она. — Принимаешь меня за шлюху? Мне нужно пятьсот золотых, а свое серебро можешь смело...

— Особа с такими аппетитами, конечно, не шлюха, а деловая женщина, — перебил ее варвар, широко ухмыляясь. — Мне ведь денег не жалко. Я, если ты хочешь, и так с тобой поделюсь. Просто я привык работать один. Мне нет охоты отвечать за подручного.

— Отвечать? Перед кем? Мне не нужно, чтобы кто-то за меня отвечал, — злилась Зонара. — Если я вляпаюсь, отвечу за все сама. Опыт у меня есть. Боишься, что я тебя выдам?

— А если тебя убьют?

— Рано или поздно это произойдет. — Она пожалала плечами. — К такому исходу я давно уже готова. Возьми меня в сообщницы, Конан. Клянусь поцелуем по-аквилонски, я очень тебе пригожусь. Ты ведь не знаешь того, что знаю я.

— Долго думать — не в моих привычках, — объявил варвар, надевая рубаху. — Хорошо. Только прежде скажи, что же тебе известно.

— Не обманешь?

— Когда я тебя обманывал?

— Дважды обманул. Один раз — с рыжей Анной, а другой...

— Ладно, неважно. Даю слово!

Зонара довольно потянулась. Процесс одевания занимал у нее считанные минуты, но она никогда с этим не спешила — ей нравилось состояние наготы, нравилось, что на нее смотрят.

— Слушай же, мой неотесанный друг, — нача-



ла она. — Но сначала ответь: что ты знаешь о Дорсети?

— Он — богатый меняла, ростовщик и негодьянт, — сказал Конан. — С ним все ясно.

Зонара усмехнулась.

— Отец нынешнего Дорсети-старшего был золотарь.

— Ювелир?

— Нет, дерьмовоз. Он разбогател только под конец жизни.

— Нашел клад в дерьме?

— Не думаю. В любом случае, богатство свалилось на него вдруг. Он купил дом, перестроил его по собственному желанию и завел себе слуг. С большим успехом участвовал в нескольких торговых сделках и за год обогатился более чем в пять раз. Об этом есть сведения в архиве городского магистрата.

— Что ты делала в архиве?

— Наводила справки. Там есть много интересного про достопочтенных жителей этого города. Ну так вот, в этом же году без вести пропала молодая женщина, сирота по имени Амбрис. Она находилась на попечении городского совета, который прикарманил деньги ее умерших родителей. Я видела ее портрет — так себе, ничего особенного: зеленые глаза, темные волосы, родинка на шее.

— При чем здесь это? — снова перебил ее Конан.

— Следствие решило, что не при чем. Слушай дальше. Разбогатевший золотарь умер. Его сын



долго пытался продолжить обогащение фамилии. В этом ему помогала сестра, впоследствии вышедшая замуж за одного провинциального графа, что тебе уже известно со слов герцога Мироваля. По первости Дорсети терпел большие убытки. Но вот однажды удача вернулась в их дом. Бывший уже на грани разорения, он не только вернул отцовские денежки, но и приумножил их в пять раз. Это было пятнадцать лет назад. В этом же году в Галпаране исчезла без следа юная Домина, дочь ювелира, погибшего за три года перед тем. По описаниям, у нее были зеленые глаза и маленькая родинка на шее.

— Пустое совпадение, — сказал Конан.

— Как бы не так! С тех пор трижды, по одной в пять лет, пропадали девушки или женщины-сироты, и у каждой были глаза зеленого цвета и темные волосы. И родинка. И каждый раз, в год исчезновения, Дорсети обогащался...

— Позволь-ка догадаться... в пять раз, правильно?

— Да! Это совпадение? Ты веришь, что это случайность?

Конан потер кулаком лоб.

— Или ты больна на голову, или здесь пахнет магией, — процедил он. — А может, и хуже.

— Гораздо хуже! Сестра Дорсети послала Ремину к нему в лапы. И это тоже не случайно.

Зонара ликовала, видя недоумевающую физиономию северянина.

— Проклятье, почему я не догадался узнать у герцога внешность Ремины? — прорычал он.



— Потому что ты осел, — улыбнулась его общница. — Смотри-ка!

С этими словами она протянула ему небольшой медальон, оправленный в черное серебро. Внутри него помещался овальный миниатюрный портрет — женская головка на синей эмали.

— Кром! — вскричал варвар. — Глаза зеленые, родинка на месте... Это Ремина!

— Ну конечно, на нем же написано.

— Да? Интересно. Откуда он у тебя?

— Вчера, в толчее, я украла его с герцогской шеи.

— Вот это ловко! — восхитился Конан. — Мне бы и в голову никогда не пришло красть такую мелочь.

— В нашем деле мелочей не бывает.

— Но зачем Дорсети женщины с одинаковыми приметами? Он приносит их в жертву?

— Ты догадлив, — кивнула Зонара. — Да. Это цена обогащения. У него договор с кем-то из низших божеств. Судя по тому, что я знаю об их вкусах, бедняжки погибали ужасной и долгой смертью. Ремине угрожает та же участь.

— Как бы не так! — варвар оскалил зубы и потряс кулаками. — Дому Дорсети конец! Хорошо, что мы встретились вовремя!

— И я так думаю, котенок.

В обычном состоянии Конана бы передернуло от этого «котеночка», но сейчас он пропустил его мимо ушей.



* * *

Дорсети-старший и Дорсети-младший нервничали. Они не были похожи внешне, особенно на первый взгляд. Сын обладал острыми чертами бледного лица, пружинистой походкой фехтовальщика и странной манерой речи, свойственной потребителям «снадобья грез». А у отца был бабий румянец, расплывчатая физиономия, вялый взгляд и писклявый голос скопца.

Оба нервничали по-разному, на свой лад каждый. Старший, апатично моргая, зевал, и в горле его при этом что-то хрипело и булькало. Младший поглядывал на него с омерзением, лихорадочно и без цели дефилировал по кабинету, сплетал и расплетал пальцы рук и время от времени, вздернув кверху узкий, скошенный подбородок, визгливо хохотал. Глаза у него то подергивались дымкой какого-то отупения, то вдруг вспыхивали остро и яростно.

Между ними находился шахматный столик, инкрустированный малахитом. Фигуры на доске пребывали в патовой ситуации — платиновый султан с изумрудом в тюрбане запутался в собственных янычарах. Магистр в золотых доспехах запер его, а с боков два золотых же рыцаря-конника не оставляли возможности пройти.

— Я ненавижу юношей, — вдруг проговорил Дорсети-старший. — Ненавижу их петушьи голоса, их глупую дерзость, развинченные телодвижения, прыщи, их пустые головы, болтающиеся взад-вперед на верблюжьих шеях...



Дорсети-младший, по своему обыкновению, захохотал.

— Как хорошо, что в Галпаране разрешены поединки, — продолжал отец. — Как хорошо, что подростки могут вволю тыкать друг в друга своими железяками. За неделю один-два погибают. Это прекрасно! Я бы даже велел им драться, в приказном порядке. Хорошо бы еще завести в город постыдную смертельную болезнь. Тогда молокососы перемрут почти все.

Отсмеявшись, его сын вдруг резким, порывистым движением уселся на стул напротив, смахнув локтем с доски несколько фигур — те упали с тяжелым стуком, калеча лакировку красного паркета. Он вперил горящие глаза прямо в обрюзгшее лицо своего родителя и сказал:

— Если бы ты послушал меня, старый дурень, Мироваль давно был бы мертв. Я не верю, что он отступился и уехал!

— Ты закажешь перстень у сапожника? Или новую тунику у пекаря? — возразил Дорсети-старший с ленивым брюзжанием. — Ведь нет? Каждый должен заниматься своим ремеслом, соответственно цеховой принадлежности. На этом стоит опора благопристойности, и...

— «Стоит опора», — передразнил отца молодой негодяй. — Изящный оборотец! Ты полагаешь, этот Сохо удовлетворился твоими объяснениями?

— Я ничего ему не объяснял. Просто сказал, что мне нужно знать о каждом шаге герцога, и заплатил. В этом — основное достоинство ремес-



ленного подхода к делу. Ты же не объясняешь сапожнику, к чему тебе новые сапоги.

— А вдруг он случайно пронюхает о... — Дорсети-младший осекся и вдруг, качнув головой, вонзил пальцы в свою причесанную шевелюру, словно пытался остудить жжение, поселившееся под черепной коробкой. — Почему он опаздывает? Почему люди все делают медленно — медленно ходят, медленно говорят, медленно думают? Это мучительно. Я приставил бы к каждому конюха с розгой, чтобы тот его подгонял.

С этим он вскочил и метнулся было к окну, покрытому фисташковым бархатным пологом, однако по пути остановился, развернулся на каблуках и застыл, склонив голову на сторону.

— «Пронюхает, пронюхает»... Ты похож на новейшую гадательную книгу, — фыркнул отец. — Ну и что, если пронюхает? Он не станет болтать.

— Зато станет шантажировать, — угрюмо высказал сын.

— Шантажируют родовитые шляхи и торговцы зельем. Такие, как Сохо, берут под опеку.

— Его опека будет дорого стоить.

— Мне она ничего не будет стоить. Я заключу с ним соглашение. Пусть он находит подходящих девок и жертвует их от своего имени. Пусть богатеет.

— Но ведь тогда он рано или поздно станет богаче нас! — мысль об этом показалась Дорсети-младшему невыносимой.

— Ради Маммония! — оттопыренные сизые губы Дорсети-старшего сложились в улыбку, похо-



жую на болотную орхидею. — Всех денег не получить.

— Ты не понимаешь, — со злобой прошипел его сын. — Не понимаешь! Ты, зачатый под бочкой с дерьмом! Для тебя то, что мы делаем, — пустяк, обыкновенная процедура. Ты затыкаешь уши ватными тампонами, чтобы не слышать вопли этих глупых тварей, когда они варятся заживо. Ты деловито хлопочешь, совершая ритуал. А ведь это — вершина человеческого могущества...

— О чем ты говоришь?

— О величии избранных! О нашем величии. Мы — необычные люди, мы сами — почти боги. Крик жертвы должен быть для нас музыкой. И этим ты собираешься поделиться с каким-то подонком, содержателем дорогого борделя! Я помел в его заведении почти всех девок и мальчиков! Его прислуга, давясь, собирала золото, подброшенное мною к потолку. Его приказчик за десять монет вымазался острым соусом для моей забавы... С ничтожеством, с продажным убожеством ты хочешь разделить блаженство сверхличности!

— А ведь ты болен, мой бедный мальчик, — молвил Дорсети-старший почти злорадно. — Скоро лихоманка сожжет твой мозг, ты будешь гнить заживо, бормотать безумные речи, пускать слюни и пачкать под себя. Какой конец для сверхличности!

Сын опять вздернул подбородок и рассмеялся. Глядя на него, Дорсети-старший неожиданно повторил его жест и сначала негромко пискнул



горлом, потом закудаhtал, а после — густо, утробно заржал, трясясь рыхлым туловищем. По щекам его побежали крупные, в три карата, слезы. Он хлопал себя по животу левой рукой, а ноги, обтянутые черными рейтузами, выбивали дробь по паркету.

Дорсети-младший оборвал свой смех, на цыпочках шагнул к отцу, взял со стола фигуру — золотого магистра — и ёю ударил сидящего в висок. Сразу после этого наступила тишина. Отцеубийца поставил магистра точно на место, а платинового султана положил набок. Тот откатился чуть в сторону и застрял под копытами конника.

— Это — мат, — послышался отчетливый голос от входной двери.

Дорсети-младший подпрыгнул, словно на пружине, повернувшись в воздухе.

В дверях стоял невысокий лысоватый мужчина с аккуратной бородкой, одетый в жемчужно-серую городскую одежду из плотного бархата. Такой носят прижимистые рачительные люди, потому что ему не бывает сноса.

— А? — спросил Дорсети-младший.

— Насколько я понимаю, твой отец только что скончался, — проговорил мужчина вкрадчивым голосом. — Мои соболезнования. Ему нездоровилось?

— Да, да... — глухо сказал Дорсети-младший и отныне — единственный. — Хм, он умер, видишь ли... Опочил. А ты кто?

— Вопрос вполне резонный. — Мужчина прищурился и крайне сдержанно поклонился. — Я



зовусь Аэрон Сохо. У меня были дела с усопшим. Теперь, как мне кажется, ты занимаешься семейными делами?

— С этой минуты: — Дорсети кисло улыбнулся взъерошил челку и, стараясь не глядеть на мертвого, повернул свободный стул к посетителю, чтобы усесться на него. Ноги были как ватные.

— Мне жаль беспокоить тебя пустяками в час тяжелой утраты, — молвил Сохо и ханжески закатил глаза, — но впереди — похороны. Лучше уж не мешкая покончить с более мелкими вопросами.

— Что ты узнал о герцоге Мировале?

— Он искал следопыта, уж зачем — не ведаю. Нашел или нет — тоже неясно. Мой агент погиб. Теперь герцог уехал.

Повисла пауза. Дорсети выждал несколько мучительных минут и посмотрел на Сохо непонимающим взглядом.

— Герцог уехал, — повторил визитер.

— Ну и славно. Ты тоже можешь идти, — выдавил Дорсети.

— А гонорар? — Сохо поднял брови.

— Отец заплатил тебе, я знаю.

— Заплатил отец, заплатит и сын, — сказал Сохо и подошел к нему вплотную.

— За что?

— За апоплексический удар. У твоего отца был удар, он упал и ударился головой о тумбу. Я сам видел. Никто не бил его шахматными фигурами.



Дорсети покачнувшись на стуле.

— Сколько? — спросил он.

— Два миллиона золотом. С-спокойно! — зашипел Сохо, когда его собеседник потянулся к поясному кинжалу. Пальцы хозяина «Вагруппы» сомкнулись на правом запястьи Дорсети, и тот охнул.

— Ты меня не понял, — Сохо по-прежнему говорил мягко и тихо, при этом все сильнее сжимая свою хватку. — Я — Аэрон Сохо, и если я лично прихожу за деньгами, то уж получаю их сполна, будь уверен.

— В доме нет наличных, — обморочным голосом произнес Дорсети.

— Я знаю, идиот. Ты напишешь банковскую расписку. Веди меня в кабинет... папы.

Потирая запястье и поскуливая, Дорсети на негнущихся ногах подошел к двери кабинета. До этого ему пришлось касаться мертвого — ключи висели связкой у того на поясе.

Невзрачный, серенький Аэрон Сохо, едва доходивший ему до плеча, совершенно парализовал Дорсети. От страха перед ним его стошнило.

В кабинете, едва были зажжены свечи и тени запрыгали по стенам, Сохо сел в кресло и велел:

— Возьми бланк в столе. Но прежде найди завешание старшего.

— Зачем?

— Чтобы не тратить зря чернила. Убедимся, что ты — наследник.

— А кто же еще? — взвизгнул Дорсети. — Больше никому.



— Никогда не пренебрегай заверенными бумагами, — ухмыльнулся Сохо. — Особенно если сам нечист на руку. Ищи завещание, олух.

Через какое-то время, довольно продолжительное, Дорсети наконец увидел свиток особого, синеватого пергамента с характерной «приказной» печатью. Свиток лежал на самом видном месте.

Аэрон Сохо выхватил документ из его рук, аккуратно снял печать, развернул свиток, надел на нос маленькие круглые очки зеленоватого стекла и присвистнул, пробежав глазами содержание.

— Да ты, оказывается, голодранец! — сказал он насмешливо. — Понимаешь, что это значит? Дорсети облился ледяным потом.

— Как? — спросил он. — Кто?..

— Твоя тетя. От родственников — одни неприятности! Ее ты тоже убьешь шахматами? Или на сей раз выберешь игру попроще? К примеру, кегли...

— Подожди, подожди... — сбиваясь, забормотал Дорсети, шаря глазами вокруг себя. — Я умею подделывать его подпись. Труп мы спрячем. Ты получишь свои деньги.

— Как бы не так! Твой отец был хитер. В банке, кроме векселя, спросят еще и пароль, который покойник менял раз в три дня.

— Я знаю, знаю пароль! «Мандрагора».

— «Мандрагора» была три дня назад. Все, мне пора. — Сохо поднялся. — Тебя четвертуют, я думаю. Прощай.

Дорсети догнал его в коридоре.



— Зачем тебе доносить на меня? Какая выгода?

Сохо с нескрываемой скукой оглядел его с ног до головы.

— Все знают, что я — преступник, — проговорил он. — Но в глазах закона я — добропорядочный предприниматель. Такова моя официальная репутация. Время от времени ее нужно поддерживать. Если я выдам коварного отцеубийцу, мне простится год беспрошальной торговли рабами, например. И потом — ты мне неприятен. Твой папаша был делец, а ты — душевнобольной.

Вызвав удивление Аэрона Сохо, Дорсети хохотнул.

— Почему, ну почему вы все мне об этом говорите? — спросил он.

Кинжал с его пояса еще в кабинете перекочевал в рукав туники. Сохо слишком поздно заметил пустые ножны — холодная сталь уже перерезала ему глотку.

Угасающим взором он видел, как его убийца прохаживается возле, жестикулируя, словно актер перед публикой, и слышал сквозь шум приближающейся смерти следующий короткий монолог:

— Судьба непредсказуема! Только что ты был страшным, почти всесильным и крайне самоуверенным — и вот лежишь на полу, хрипишь, из тебя течет кровь на дорогой ковер, а через минуту ты вообще превратишься в кусок падали. Не правда ли, странно устроена наша жизнь?..

Потом Дорсети выронил кинжал, нашарил под туникой серебряный свисток, висевший на



цепочке через шею, и пронзительно засвистел. Личная гвардия дома сбежалась, бряцая оружием. Увидев зарезанного, наемники переглянулись в немом изумлении.

— Этот человек убил моего отца! — произнес Дорсети. — Я настиг его и отомстил своею рукой.

— Послать за городской стражей? — спросил старший охранник.

— Утром. Пока перенесите мерзавца в комнату для игры в шахматы. Там — отец... Я хочу, чтобы он знал — я отомстил.

Старший охранник поклонился с глубоким почтением. Азрона Сохо уволокли за ноги. В блеске масляных ламп кровавые следы были похожи на капли сургуча.

— А ведь я нищий! — объявил себе Дорсети. — Не значит ли это, что мне пора действовать? Право, это так непривычно, так неожиданно... Тетка тоже не вечная, рано или поздно я верну отцовские деньги. А до тех пор обзаведусь своими. Тра-ла-ла! — запел он и, приплясывая, направился к винтовой лестнице.

Спустившись по ней в подвал, Дорсети отпер отцовскими ключами толстую свинцовую дверь, поменял лампу на яркий факел и шагнул в темную духоту.

— Ремина, пора вставать! — заорал он. — Тра-ла-ла! Пришел конец твоему заточению. Что есть жизнь, — как не заточение в убогой клетке тела?

Девушка в одной рубаше из мешковины, спавшая в колодках у стены, проснулась. Испуг и не-



доумение отражались в ее лице, она всхлипывала, глядя, как Дорсети пляшет с факелом в руке и зажигает большие настенные светильники. Огонь больно ранил ее глаза, привыкшие к темноте.

В центре подвала возвышался алтарь, грубо вылепленный из глины-сырца, весь усыпанный золотыми слитками и драгоценными камнями. На нем стояла необыкновенно уродливая статуя, изображавшая толстого гладкого карлика, сидящего, скрестив вывернутые ноги. Статуя была золотая, но благородный металл весь покрылся черной липкой грязью. Только глаза и пасть блестели, отчего карлик вглядел еще гаже. В стороне от него стояла огромная печь с трубой, уходящей в потолок подвала. В печь был встроен большой котел, наполненный зеленоватой жидкостью. К его краям были припаяны два раздвижных кольца с зажимами.

Дорсети, весело ругаясь и бормоча, растапливал печь. Когда в трубе загудело, он выпрямился, вытер сажу на лице и подошел к пленнице. Сняв колодки с ее ног, он рывком поднял Ремину и, держа ее за руки, повел к печи.

— Ничего не говори! — шептал он ей в ухо. — Береги силы.

Она ничего не понимала, только страх все сильнее сжимал ее сердце.

К котлу вели каменные ступени. Ноги не слушались Ремину, и Дорсети втоптал ее наверх почти волоком, заставил сесть внутри котла, погрузившись в зеленую жидкость по плечи. Жидкость оказалась тягучей и остро пахла.



Ремина сидела на самом дне, упираясь пятками в противоположную стенку. Дорсети зажал кисти ее рук в кольца, соскочил вниз и проговорил, кривляясь:

— Подожди чуть-чуть. Сейчас начнется самое интересное.

Жидкость была еще очень холодной, но стенки и дно котла быстро нагрелись и задрожали. Ремина вскрикнула и рванулась, но не смогла даже вскинуться.

— За что? Что я сделала! — простонала она.

— Ты виновата только в том, что у Маммония всегда хороший аппетит, — сказал Дорсети. — Кричи, если хочешь. Говорят, это облегчает страдания.

И Ремина закричала — но не от боли, а от ужаса. Она увидела статуэтку, которая больше не сидела на алтаре, а приплясывала вокруг котла, то и дело заглядывая внутрь.

* * *

Зонара прижалась к стене и затаила дыхание. Тень полностью скрывала ее.

Дом Дорсети, ярко освещенный со стороны фасада, остальными тремя сторонами вдавался в непроглядный мрак. Сразу за ним заканчивалась улица Менял и начинался пустырь Проклятых Судей. Прежде там была рыночная площадь, на которой время от времени сжигали магов, уличенных в преступлениях. Такой способ казни по применению к колдунам и колдуньям считался



самым эффективным. Однажды, по приговору магистрата, там сожгли некую Эльзу Блез, которая, как говорили, никогда не занималась колдовством. На свое горе она понравилась человеку, служившему в городском суде, но отказала его притязаниям. Судейский не оставил ее в покое, всячески преследовал, предлагал дорогие подарки, а то и просто запугивал. Жених Эльзы, тележный мастер, имени которого народная память не сохранила, здорово отдубасил назойливого ухажера.

На следующий день Эльзу Блез схватили. Ее обвинили в наведении на город ядовитых блох и после долгих пыток сожгли.

А через неделю после казни, в куче гнилых овощей нашли судейского. Он был на последнем издыхании, его распоротое брюхо неизвестный мститель набил червивой брюховой. По одному все члены судейской коллегии, причастные к смерти Эльзы, погибли сами. Всех их — каждого в свое время — обнаружили поутру на площади. Умерли они разнообразно: кто был зарезан, кто удушен, кто выжжен изнутри посредством раскаленного железного лома... Тележного мастера, конечно, приволокли в суд.

— Я этого не делал, — сказал обвиняемый. — Вы, разумеется, уверены в обратном, господа. Что ж, казните меня. Но если прав я, а не вы, то вас постигнет участь ваших предшественников, участь проклятых судей. Подумайте об этом.

Тележного мастера отпустили, и он уехал из Галпарана. Вероятно, мстителем был все-таки он,



потому что судейских больше не находили на площади, хоть последние и не всегда выносили справедливые приговоры.

Эту историю Зонара слышала в исправительном доме, и теперь с любопытством пялилась в темноту пустыря. С тех пор рынок перенесли, а пустырь почему-то пока не застроили. Он весь порос бурьяном.

По пустырю перемещались три человеческие тени, словно прохаживались, ожидая кого-то. Зонара решила подобраться поближе к ним.

Сама неслышная и легкая, как тень, она приблизилась настолько, чтобы слышать их голоса. Трое на пустыре шепотом переругивались.

— Здесь сквозняк, как в преисподней, — сказал один.

— Откуда ты знаешь, какая там погода? — спросил другой.

— Я родился в преисподней. Думаешь, это где-то далеко? Это здесь, в Галпаране, в пяти кварталах отсюда...

Третий захихикал.

— Долго он еще там? — опять подал голос второй, но ему не ответили.

Зонара под прикрытием темноты скользнула обратно. Одетую в черное трико, ее мудрено было заметить.

У стены уже ждал Конан. Меч он перевесил с пояса за спину, чтобы тот не мешал двигаться, а волосы стянул на затылке в пучок узким ремешком. На этом его приготовления к делу и закончились. Он не взял с собой ни веревки с «кош-



кой», ни отмычек, полагаясь только на свою ловкость и силу.

— Прекрати улыбаться, — шепнула Зонара. — Твои зубы видны в темноте. На пустыре — люди Сохо. Что им тут понадобилось?

— Не имею понятия, — буркнул варвар.

— Пойди и убей их! Они меня раздражают.

— Давай договоримся раз и навсегда, — в голосе Конана послышались жесткие ноты, отрицающие всякое возражение. — Деньги мы делим пополам, но решаю, что делать, — я. Один.

Зонара разозлилась.

— Не дави на меня, — зашипела она. — Я этого не люблю! Зачем я вообще связалась с тобой?

— В самом деле, зачем? — Варвар спокойно обошел ее и всмотрелся в стену дома. Огни горели только на первом этаже, где, очевидно, размещались прислуга и охрана. За забором прошли часовые, вооруженные алебардами. У одного из них качался в руках большой масляный фонарь.

— Эти дураки всегда ходят с огнем, чтобы воры заранее знали об их приближении, — усмехнулся Конан. — Я заметил время обхода сторожей. Мужчине моих лет нужно в пять раз меньше времени, чтобы отдышаться между двумя любовными атаками.

— Но это все равно — очень мало! — подсчитала в уме Зонара.

— Пустяки. Мы успеем добраться по стене до балкона на третьем этаже.

— Влезем через балкон?

— Нет. Там, скорее всего, спальни. На балконе



мы затаимся и переждем следующий обход, а потом поднимемся выше — под самую крышу. Окошки там узкие, но ты сможешь пройти и откроешь мне чердачный люк.

— А почему нам сразу не попасть в башню? — с сомнением спросила Зонара.

— Пленницы там нет, — уверенно возразил варвар. — Это яснее ясного. После того, как она привлекла внимание герцога, выбросив платок, ее, я думаю, перевели в другое место. Помнишь, ты говорила, что Дорсети перестроил дом по своему вкусу? Если он действительно поклоняется одному из низших божеств, ему нужно было устроить где-то домашнее капище. Удобнее подвала места не найти.

Зонара поморщилась.

— Подвал — это слишком вульгарно.

— Что?

— Слишком... обычно. Нет, я думаю, что у них в самом центре дома есть потайной зал.

— Эти Дорсети — обычные гнусные скоты, значит, и делишки свои они обстряпывают обычным способом... вруль...гарным, — произнес Конан, раздражаясь. — По-моему, все-таки это подвал.

— Ты просто удивительно действуешь мне на нервы. — Зонара решила не уступать. — У тебя — каменный лоб! Неудивительно, что об него ломаются табуретки.

— Давай поспоримся потом, — предложил варвар примирительно. — После того, как получим награду.



— Если мы сделаем по-твоему, мы не получим и трех медных грошей! У меня другая идея.

— Какая? — насторожился Конан.

— Мы с тобой оба — мастера своего дела. Давай устроим состязание. Влезем, как условились, — вместе, помогая друг другу. А потом будем искать Ремину по отдельности, каждый — своим методом. Кто найдет ее первым — тот и получает весь герцогский приз целиком. Идет?

— Мне это не нравится, — произнес Конан, хмурясь. — Но и ты мне тоже надоела. Ладно. Т-сс... Вот идет дозор. Начинаем, как только стражники завернут за угол.

Едва лишь только шаги сторожей стихли в отдалении, оба мгновенно преодолели кованую решетку забора. Двор был засыпан колючим, розоватым гравием, который буквально визжал под ногами. Сообщники разулись и бесшумно подбежали к стене дома. Обувь, чтобы не мешала, перебросили через забор.

Зонара полезла первой. Для того, чтобы удержаться на стене, ей требовались почти неприметные выступы. Конану помогала сила — он мог подтягиваться на одной руке, пока другая искала опору.

На балкон они попали как раз вовремя — гравий хрустел под сапогами наемников. Зонара стояла, прислонившись спиной к стене, а Конан, пользуясь своим умением видеть в темноте, с любопытством заглядывал в окно. Оно было завешено плотной тканью, но оставалась довольно широкая щель.



— Ты когда-нибудь видела, чтобы человек играл сам с собою в шахматы, сидя в крошечной тьме? — спросил он.

— Может, он спит?

— Да, спит. Сном глубоким и вечным.

— Ты хочешь сказать... в комнате мертвец?

Конан кивнул.

— У него разбита голова, он весь в крови.

— Лезем отсюда, — сказала Зонара. — Дозор прошел.

— Подожди... В доме происходит неладное. Это может иметь отношение к нашему делу.

С этими словами Конан извлек меч из ножен, вогнал его острие между дверью и боковой филенкой, после чего слегка нажал. С тихим скрежетом щеколда отошла. Дверь немного перекошило, и оконное стекло в свинцовом переплете треснуло в четырех местах.

— Грубо, — поморщилась Зонара.

— Но быстро, — ответил варвар и вошел первым.

— Да это не комната, а склад мертвецом, — усмехнулся он. — Гляди, вот еще один. Ого! Я его знаю.

Глаза Зонары немного привыкли к потемкам. Она шагнула вперед, сразу наступив во что-то липкое, выругалась и подошла ближе к варвару.

Рассмотрев искаженные смертью черты второго покойника, она вздохнула.

— Это... Азрон Сохо! Теперь понятно — на пустыре его телохранители ждут, когда он выйдет, — шепнула она.



— Ждать им придется долго. — Конан осмотрелся. — Кто же его зарезал? И кто этот шахматист?

— Дорсети-старший. Может, они убили друг друга?

— Непохоже. Сохо принесли сюда уже мертвым. Вон, возле двери — пятна крови. Идем дальше, сделать тут нечего.

Конан отворил дверь в коридор. Зонара вышла за ним.

— Тут наши пути расходятся, — проговорила она. — Я уже почти у цели, а тебе еще нужно искать вход в подвал. Только зачем? Там никого не окажется.

Конан повел плечом.

— По северной дороге есть заброшенная корчма. Там дожидается Мироваль. Если ты права, направляйся вместе с Реминой прямо туда, меня не дожидайся. Промедление может все погубить.

И он ушел, ступая неслышно. Зонара фыркнула ему вслед.

Ей совсем не хотелось ссориться с ним — это вышло как-то само собой. Но теперь уже поздно было мириться.

Она пошла по коридору, считая повороты. О существовании потайной комнаты ей было известно наверняка, как и о том, что комната эта находится на третьем этаже. Дело в том, что план перестройки дома, которую, кстати сказать, осуществил племянник бургомистра, пылился в архиве городского магистрата. Конечно, тайник не был на нем обозначен прямо — на то он и тай-



ник — но по странному расположению комнат на третьем этаже Зонара легко сделала нужный вывод.

Оставалось найти вход. Он явно замаскирован дубовой панелью, которыми обшиты стены коридора. Как же отыскать нужную панель?

Зонара соображала быстро. Для страшного ритуала жертвоприношения почти всегда необходим огонь.

Однако разводить огонь в глухой комнате — значит, задохнуться в дыму. Следовательно, нужна вентиляция, что-то вроде трубы очага. Если есть очаг, значит, есть и сквозняк. Пальцами босых ног Зонара принялась ощупывать стыки панелей с полом, пока не почувствовала легкое дуновение холодного воздуха.

— Есть! — Теперь осталось только отворить дверь.

В это время Конан боролся на лестнице со старшим охранником. Тот наткнулся на варвара случайно, и Конану ничего не оставалось, кроме как ухватить его за горло.

Наемник был крепкий и отбивался отчаянно, пока варвар с легким сожалением не сломал ему шею.

Нужно было спешить — убитого быстро хватятся. Конан сел на перила винтовой лестницы и съехал по ним до самого подвального этажа.

Тяжелая толстая дверь оказалась запертой на засов изнутри. Значит, за ней кто-то прячется. Но как сломать крепкий засов, не наделав много шума? Хорошо Зонаре — она мастерица на вся-



кие выдумки... Убедившись в том, что ничего изобрести он не в состоянии, Конан проворчал под нос:

— Придется ломать. А охрану перебить, если сунется. Им за это деньги платят!

Сказав так, варвар ухватился обеими руками за дверную ручку, уперся плечом и рванул на себя. Дверь даже не шелохнулась.

— Попробуем в другую сторону, — хмыкнул Конан, отошел на несколько шагов, разбежался с неожиданным ревом и ударил в дверь плечом. Та загудела и медленно отворилась.

Сломался не толстый засов из мореного дуба — скоба, державшая его у стены, оторвалась и отлетела.

Из-за раскрытой двери сразу послышался женский крик, протяжный, захлебывающийся. А по лестнице уже топотала охрана.

Конан вбежал в потайное капище, на ходу обнажая клинок, который сразу засверкал при свете факелов.

Жидкость, в которой оказалась Ремина, стала теперь теплой, но стенки и дно котла уже обжигали. Дорсети, остолбеневший от неожиданности, уронил факел. А маленький лоснящийся уродец, бегавший вокруг котла, завершал и принялся подпрыгивать на одном месте.

— Чужой! Чужой! Чужой! — выкрикивал он. — Чужой хочет съесть мою еду!

— Стой! — вскричал Дорсети. — Я закрою дверь и все объясню. Стражники не должны видеть его!



Он обежал варвара, высунулся за дверь и заорал:

— Все в порядке! Идите спать! Убирайтесь, кому говорю!

Конан, которому некогда было размышлять о сути происходящего, взбежал по ступеням, чтобы освободить пленницу.

— Чужой! Чужой! — продолжал надрываться уродец. — Мое! Мое!

— Брысь! — прикрикнул на уродца Конан и пнул его ногой, после чего сам взвыл от неожиданной боли. Уродец оказался твердый и удивительно тяжелый.

— Ты ударил маленького хорошего меня? — Истошно заголосил он. — Такого сладкого, такого золотого?

— Он — статуя! — крикнула Ремина. — Золотая статуя!

Уродец, подтверждая ее слова, вскочил на алтарь, закричал, усаживаясь, и застыл.

— Статуя! — произнес Дорсети презрительно. — Это — кумир! Это — бог!

Конан разжал кольца, освободив руки Ремини, и вытащил ее из котла. Несчастную всю трясло, зеленоватая жидкость медленно стекала, образуя лужу вокруг ее ног.

— Не спеши... — Дорсети взял себя в руки и теперь вернулся к своей странной манере разговаривать. — Не спеши. Эту печку не так легко развести, поэтому я быстро все сейчас объясню, и мы продолжим. Мне очень нужны деньги, понимаешь? Но Маммоний не дает их просто так. Его



нужно кормить. Эта дуреха — кто она тебе? Сестра? Невеста? Или ты служишь герцогу? Да ну его, он дурак. Понимаешь, если сварить девку живо в специальном масле, то он ее обязательно съест. И косточек не оставит. Меня это нисколько не смущает. Пусть себе кушает. Мне — плевать, поскольку я — сверхличность.

— Ты? — удивился варвар. — У тебя даже меча при себе нет.

Он свел Ремину вниз по ступеням, едва не поскользнувшись в масляной луже.

— Ей нужна одежда, — сказал Конан, обращаясь к Дорсети. — Снимай свою.

— Это как-то странно, — пробормотал тот, скосив глаза на кончик меча, блестящий у самого его носа. — А как же стража?

— Ты жив до сих пор только потому, что безоружен, — ледяное бешенство варвара постепенно раскалялось. — Не ищущай меня.

Пока Ремина, дрожа от озноба, одевалась в мужское платье, Конан разрушал алтарь. Глина крошилась и превращалась в пыль. Дорсети сидел в колодках и следил за этим выпученными глазами. Рот его был заткнут замасленной рубашкой из мешковины, которая прежде была на Ремине. С глухим стуком золотой уродец рухнул на обломки алтаря. Чтобы поднять его, Конану пришлось напрячь все силы — даже для золотого кумира был слишком тяжел.

Варвар подтащил статую к печной дверце, отворил ее и кинул истукана прямо в бушующее ревущее пламя. Дорсети в отчаянии застонал.



— Я люблю золото, — сказал ему Конан. — Я очень люблю золото. На него можно купить хороший меч, коня, вино, женщину... Впервые я вижу человека, который любит золото больше, чем я. И этот человек мне не нравится. Ремина, нам пора идти.

Освобожденная заглянула в ледяные синие глаза варвара.

— Тебя послал Мироваль? — спросила она. — Он не забыл обо мне?

* * *

В верхнем краю панели, как раз на уровне вытянутой руки, Зонара нащупала выпуклую рельефную шляпку «обойного» гвоздя. Воровка нажала на нее пальцами, и панель совершенно бесшумно поднялась вверх.

Зонара уже была знакома с некоторыми механизмами, созданными для защиты тайников. Некоторые из них приводились в действие простыми силами, вроде скрытых пружин и рычагов, а некоторые работали при помощи магии. И те, и другие мало помогали от воров. Чем сложнее, хитроумнее и дороже было приспособление, тем проще и легче оказывалось его открыть. Старые добрые навесные замки доставляли больше хлопот — приходилось перепиливать дужку.

Зонара беззвучно хохотнула и уверенно ступила в проем.

Она полагала, что уже привыкла к темноте, но мрак потайной комнаты был гуще, плотнее.



Зонара не увидела собственных пальцев, поднесенных к самым глазам.

— Эй! — позвала она. — Ремина! Ты здесь?

Потайная комната была, судя по всему, совершенно пуста — эхо отразилось от голых стен и звонко загудело.

— Что же я кричу? — сказала себе Зонара и сделала еще один шаг вперед.

Двигалась она очень осторожно, но все же задела ногой за веревку, протянутую на уровне щиколотки над полом, потеряла равновесие и упала. Даже в темноте, рефлекторно, Зонара успела сгруппировать тело и не ушиблась об пол. Но она была в ярости.

Опытная взломщица, о ловкости которой ходят мифы, попала на детской шутке с натянутой веревкой! Ругаясь вполголоса, она поднялась. Темнота перед глазами как будто сгустилась.

— Очевидно, варвар оказался прав, — сказала Зонара. — Хорошо, что его нет рядом, а то я бы наговорила ему гадостей.

Воровка двинулась назад, пытаясь ногой нащупать коварную веревку, а та куда-то подевалась, потому что Зонара скоро уперлась в стену.

«Хорошо, — подумала она. — Паниковать не надо. Я просто потеряла ориентацию».

Пройдя в другую сторону, до противоположной стены и нащупав перед собой гладко отполированное дерево обшивки, Зонара разразилась проклятием.

— Нужно же быть такой дурой! — произнесла она в сердцах через минуту. — Зачем я бегу от



стенки к стенке? Можно просто идти вдоль стены, тогда дверь неизбежно отыщется.

Но споткнувшись о веревку, Зонара, очевидно, привела в действие запирающий механизм, и панель опустилась на место. Во всяком случае, повернув пять раз, то есть — совершив полный круговой обход комнаты, выхода она не нашла.

Медленно досчитав до пятнадцати, Зонара сказала:

— Если дверь закрылась, ее можно открыть.

Подняв руку, она принялась обходить комнату вновь, пытаясь при этом обнаружить хитроумный запор.

Почувствовав ногами легкий сквозняк, воровка обрадовалась:

— Это где-то здесь. Сейчас я его найду... Ага, вот он!

Под ее пальцами оказалась шляпка гвоздя, на ощупь — совершенно такая же, как и снаружи.

Зонара вздохнула, улыбнулась с видом победительницы и надавила на нее. Но панель осталась на месте, а с потолка на Зонару мягко упала густа, тяжелая и липкая сеть.

Зонара попыталась освободиться, но чем больше старалась выпутаться, тем больше запутывалась. Сеть обмотала ее, как кокон.

Обессилев, Зонара села на пол и, удивляясь своему спокойствию, сказала:

— Вероятно, я вяпалась. Значит, нужно выпастись, пока есть возможность.



* * *

Факелы в подвале давно погасли, только раскаленная печная дверца светилась неприятным желтоватым светом. Масло в котле бесполезно кипело уже несколько часов и при этом ужасно шипело и издавало мерзкую вонь.

Вонь эта сгущалась, и Дорсети начал задыхаться. В какой-то момент он закашлялся так сильно, что кляп выпал у него из рта.

— Роковая глупость моего отца имеет силу даже после его смерти, — изрек он. — А я обречен выкручиваться. Всю свою жизнь я выкручиваюсь... Отчего? Дурное расположение звезд? Несчастье характера?

Дорсети вскинул голову, чтобы расхохотаться, ударился затылком о каменную кладку, взвыл и отдался очередному приступу кашля.

Зеленоватый дым сложился перед пылающим квадратом печной дверцы. Вдруг дверца задрожала — что-то живое билось в нее с другой стороны. Дорсети умолк.

Потом дверца распахнулась и, рассыпая искры, ослепительно-золотой уродец выскочил из нее.

— Жарко! Жарко! — верещал он и бегал по кругу, оставляя дымные следы.

— Выпусти меня, Маммоний! — взмолился Дорсети. — Выпусти, и я сварю тебе разом двух, а то и трех девок. И у каждой будет родинка. Обещаю...

Но уродец не слышал его и продолжал бегать



и вопить, охлопывая себя по округлым бокам коротенькими ручками.

— Остыть! Надобно остыть! — причитал он. — Я слишком горяч. Жарко, жарко!

Он подбежал к Дорсети, обдав его волной невыносимого жара, и ткнул пальцем в ногу, зажав тую колодкой.

— На помощь! Спасите! Охрана! — заорал Дорсети. Волосы на его голове поднялись дыбом и стали скручиваться. Крохотный палец идола с шипением погрузился в мякоть ноги.

— Убирайся! — визжал Дорсети. — Я не твой!

— Мой! Мой! — в тон ему прокричал уродец и, словно кошка, прыгнул на живот скованного.

Рев умирающего Дорсети достиг ушей часового. Семеро охранников ссыпались по лестнице и навалились на свинцовую дверь, думая, что она заперта. Но дверь отворилась сразу. Наемники немедленно закашлялись и стали тереть слезящиеся глаза. Вдруг один закричал и замахнулся алебардой.

Маммоний приплясывал, верещал и подпрыгивал, размахивая руками. Теперь он снова был покрыт липкой черной жижей.

— Есть хочу! Есть хочу! — выкрикивал он.

Охранник с алебардой примерился и ударил уродца по голове. Размягченный паром металл брызнул во все стороны, тело статуи превратилось в клубок белого пламени, клубок этот подскочил, расширился и в беззвучном взрыве заполнил собою первые два этажа дома Дорсети, уничтожив там все живое.



* * *

Городская стража, обратившая внимание на яркую беззвучную вспышку, подняла тревогу. Солнце едва успело взойти, когда главный городской обвинитель Маркус уже прохаживался перед злополучным особняком, помахивая тростью. Это было его первое дело. Магистрат выбрал его позавчера, а до тех пор Маркус занимался переплетным ремеслом. У него было четыре мастерских и влиятельные заказчики. Маркус считал себя человеком книжным, хотя настоящую бумажную книгу — большую редкость! — рассматривал только как объект приложения труда. Чаще его мастерам и подмастерьям приходилось изготавливать рамки для любительских картин или чехлы для пергаментных свитков. Но все же он чувствовал, как мудрость, содержащаяся в текстах, оседает на нем. Тяга к размышлениям в духе философов далекого прошлого часто оказывалась сильнее делового расчета. Свои мыслительные упражнения Маркус от чистого сердца считал логикой и рассчитывал теперь отыскать ей применение.

Он не спешил сразу войти в дом. Для начала ему захотелось обойти кругом ограды.

— Обыщите все окрестности, — велел он солдатам. — Докладывайте обо всем необычном, что найдете.

Ничего необычного солдаты не нашли, за исключением пары дамских башмачков, надетых на чугунные завитки, украшавшие решетку.



— Дорогие, очень мало ношенные, — отметил Маркус, осмотрев их. — Превосходный сафьян, тонкая выделка. Эта обувь для танцев. В ней теперь холодно... Зачем же их сняли?

Советник Шпигел, практикующий маг, пожал плечами и ничего не сказал.

Войдя в ворота, Маркус снова обошел кругом дома.

— Я волнуюсь, — признался он Шпигелу. — Пора уже осмотреть все внутри, а?

Тут подошли солдаты, отправленные прочесывать кусты.

— Там три мертвых тела, — доложил стражник. — Зарублены мечом. Это головорезы Сохо.

— Так-так-так! — произнес Маркус глубоко-мысленно. — Сохо доигрался. Я как-то сразу почувствовал, что за этим безобразием стоит он, хоть это и не его стиль. Но теперь ему не отвертеться. Я подведу его под статью, как вы думаете, Шпигел?

Советник спал на ходу и скрывал это обстоятельство, придавая своему лицу важный вид. Войдя в дом, он несколько оживился.

— Куча обгоревших трупов. Пахнет, как в колбасной лавке, — поморщился обвинитель. — Странно, что пожар не охватил весь дом. Что это было?

— Огромное выделение тепла, — произнес Шпигел, крутя носом. — Его источник — небывалой мощности. А загореться не успело, потому что тепло сожрало весь воздух. Потом оно прекратилось.



— Такое можно устроить при помощи магии?

— При помощи магии можно все, господин обвинитель. Но есть и алхимические средства, очень действенные. Например, гремучая амальгама или семя саламандры.

Маркус завел глаза к потолку.

— А внизу, в подвале, тоже трупы? — спросил он у старшины городской стражи.

— В подвале один, а у входа — целая гора. Не разобрать сколько. И на втором этаже — человек десять.

— А на третьем?

— Еще не смотрели.

— Это хорошо, — сказал Маркус. — Вот мы сейчас и посмотрим.

Когда в комнате для игры в шахматы обнаружилось еще два тела, Маркус досадливо взмахнул руками.

— Сохо мертв, — произнес он. — И арестовать его не удастся. Дорсети-старший — налицо. А где его сыночек? Сгорел с остальными?

Шпигел опять погрузился в дремоту, однако ликующий возглас обвинителя пробудил его.

— Смотрите! — восклицал Маркус. — Следы! Убийца оставил следы!

На паркете действительно отчетливо виднелись следы босых ног, наступивших в кровавую лужу.

— Любопытные следы, — Маркус осторожно потрогал один из них. — Ступня чуть длиннее моей ладони и такая узенькая... Это женщина. Женская обувь на воротах, женские следы в до-



ме... Чувствуете, куда я клоню? Но зачем она разулась?

— Есть такие способы левитации, при которых это обязательно, — сказал Шпигел.

— Идем по следам! — Сгорая от возбуждения, обвинитель ухватил советника за край мантии и потащил в коридор.

Довольно долго они брели, высматривая следы на ковре, пока те не оборвались, развернувшись носками к стене.

— Она ушла в стену! — прошептал Шпигел. — Это очень сильная мага. Нам ее не схватить.

Маркус потянул себя за нижнюю губу.

— Непонятно, — пробормотал он. — Здесь должна быть комната, а ее нет. Куда ушла преступница? Просто замуровалась в стену?

И он постучал в дубовую обшивку набалдашником трости.

— Там — пустота! — победоносно сказал обвинитель. — Эй! Солдаты! Сюда! Ломайте стену в этом месте.

Зонару разбудил грохот. Открыв глаза, она увидела дневной свет, ворвавшийся в пролом, и группу людей, смотрящих на нее с удивлением.

— Это не мага, — сказал Маркус. — Это — обычная воровка. Она убила хозяина, Сохо, взорвала охрану, но попала в тайник-ловушку.

— Следует понимать, что я задержана? — спросила Зонара ледяным голосом.

— Скорее, арестована, — улыбнулся обвинитель.

Солдаты выпутали ее из сети и увели.



— А она хорошенькая, — заметил Шпигел. — Неужели ты ее приговоришь?

— Обязательно! Голос закона, как говорится... Не закусить ли нам? Время к обеду. У меня сегодня свинина в винном соусе и спаржа. Вы любите спаржу?

* * *

Очаг в заброшенной таверне оказался исправным, хотя и «застоялся» — его долго не растапливали, и Гизмунд здорово намучился первой ночью.

Но к полудню следующего дня пламя в очаге горело ровно и весело. Герцог Мироваль смотрел на огонь и слушал рассказ Конана. Ремина, свернувшись на теплом плаще, спала и только вздыхала во сне. Гизмунд, бегая глазами, доедал куриную ножку — порцию своего господина. Герцог пребывал в сильном волнении и отказался от еды. Волнение было радостным. Блеск удачи превратил убогую, покосившуюся халупу в уютнейшее место на земле.

— Люди Сохо наткнулись на меня в темноте, — повествовал варвар, размахивая кособокой, щербатой кружкой. — Они тут же узнали меня — меж нами случались разногласия — и потянулись за своими проклятыми колючками. Одного я разрубил сразу, как мясник разрубает окорок. Второй успел плюнуть в меня из камышинки, но я, хвала Крому, увернулся и рассек ему брюшину. Кишки так и вывалились на землю. А третий



выхватил свой клинок, и мы подрались немного. Ему не следовало этого делать...

В «Ключе и мече» мы дождались утра. Городские ворота открылись, но нас задержал пристав Гаттерн. Он стражник, что с него взять, мы по разные стороны судьбы, но человек он недурной.

— Что-то ты рано уезжаешь, — сказал он. — Просил два дня, а еще и суток не прошло. Кто это с тобой?

Ремина, хоть я и просил ее помалкивать, назвала себя. Женщине трудно удержать язык.

— Постой-ка! — обрадовался он. — Уж не тебя ли некий приезжий герцог пытался отобрать у Дорсети?

Я спешился, подошел к нему вплотную и сказал:

— У тебя есть выбор. Либо ты выслушаешь правду, либо я тебя убью. Решай скорее.

Гаттерн рассмеялся.

— Очевидно, я буду первым в истории приставом стражи, которому любопытство спасло жизнь.

Мы отошли чуть в сторонку, и я вкратце рассказал ему о гнусностях, творимых Дорсети. Он выслушал. Известие о смерти Сохо пришлось ему по душе.

— Жил, как таракан, и подох как таракан, — хмыкнул он. — Ладно, что с вами делать? За такую хорошую новость придется выпустить вас обоих.

Тут к нему подбежал запыхавшийся солдат и зашептал что-то на ухо. Пристав помрачнел. Отослав солдата, он сказал:



— Только что в доме Дорсети произошел взрыв. Дело вышло громкое. Что ты натворил, варвар! Но, раз уж я пообещал вас выпустить, уезжайте, да побыстрее. Однако помни: если в ближайший год ты появишься в Галпаране, я тебя схвачу, даже если для этого придется угробить целый отряд стражи. Ты понял?

Я сказал, что понял, и мы уехали. Вот и все.

— А что стало с твоей сообщницей? — спросил герцог.

— Да что с ней станет? Это же Зонара! Она убедилась, что я был прав, обругала меня за это и удалилась. Правда, ее башмаки все еще лежали в кустах, когда мы покинули дом. Я повесил их на забор, на видное место...

Варвар с усилием задумался. Неожиданно у него испортилось настроение.

— Несмотря на то, что эта женщина — простолюдинка и воровка к тому же, я от души желаю ей удачи и надеюсь, что с ней все в порядке, — сказал Мироваль. — Мне, видишь ли, мой добрый варвар, так хорошо сейчас, что не будь я знатным человеком, плясал бы от счастья. Это счастье доставил мне ты...

— Я не твой варвар, — буркнул Конан. — Я — свой собственный варвар. Мило с твоей стороны, что ты пожалел простолюдинку и воровку. Конечно, Зонара взялась не за свое дело — ей бы любить мужчину да рожать детей. Но она понимала, на что идет, и была готова.

— Несмотря на это, ты сам жалеешь ее. Уж не влюблен ли ты? — улыбнулся герцог.



Конан помрачнел еще больше.

— Любовь могут позволить себе только те, у кого есть замок. Или хотя бы хижина. Она — мой товарищ, не более.

— Не сердись. Лучше выпьем. Гизмунд, сколько у нас еще вина?

— Целый бурдюк, — отозвался оруженосец, облизывая жирные пальцы. — Эх, жаль, с нами нет нашей собачки, нашего Хватая!

— На что он тебе? — Герцог насмешливо изобразил удивление.

— Дома я всегда вытираю об него руки после обеда, — важно отвечал Гизмунд.

— А? Каков! — усмехнулся Мироваль. — Хватит сидеть сиднем. Неси вино! О чем думаешь, господин вор? — спросил он у варвара.

— О том, куда мне теперь податься, — отвечал тот. — Не сидеть же в этом сарае всю жизнь.

— Наймись ко мне. Будешь начальником дружины.

— А с кем у тебя война?

— Ни с кем, — пожал плечами герцог. — И еще долго не будет никакой войны.

Конан широко зевнул, мотая головой.

— Такая жизнь не по мне, — сказал он. — Хорошая война меня бы здорово развлекла.

— Не понимаю, — сухо произнес герцог. — Война портит нравы, пожирает жизни, уничтожает плоды мирного труда. Чего же в ней такого хорошего?

— На свете войны шли, идут и будут идти, хочешь ты этого или нет. Не мне судить, хорошо



это или плохо. Я — воин, вором стал только со скуки и не занимаюсь этим постоянно. Умереть вором — малопочтенно. Хватит болтать, лучше выпьем.

Герцог пил вино из маленького медного чайничка с погнутым носиком. Гизмунд использовал в качестве чаши глубокую миску. В нее помещалось очень много вина, и скоро оруженосец отполз на четвереньках в угол, упал там и сначала шепотом, чтобы не потревожить спящую, пропел два куплета походной песни, а после и вовсе захрапел.

— Мы останемся тут еще дня на два, — сообщил Мироваль. — Ремина должна прийти в себя. А когда уедешь ты?

Конан сообразил, что герцог в тактичной, цивилизованной форме пытается отделаться от него. Что ж, деньги он заплатил сполна, и больше их ничего не связывает.

— Прямо сейчас, — сказал он, заметив с удивлением, что язык худо его слушается.

Тем более, нужно проветриться, решил Конан, поднялся на ноги, но вдруг пол уплыл у него из-под ног. Варвар рухнул всей тяжестью своего мощного тела.

Ремина проснулась и приподнялась на своем ложе. А из соседней комнаты, темной и захлавленной, вышел человек в сером форменном плаще и кожаной шапке с наушниками.

— А теперь, любезный пристав, объясни мне, в чем дело, — велел ему герцог. — А то я чувствую себя отравителем, что крайне неприятно.



— Конечно, я все объясню твоей светлости, — Гаттерн перешагнул через спящего варвара, потер руки над огнем очага и произнес: — Весть о том, что Зонара схвачена и завтрашним вечером будет казнена, донеслась бы до Конана в любой действующей таверне. Уж не знаю как, но подобные сведения распространяются молниеносно. Наш варвар — уж я-то его знаю — обязательно кинется ее спасать, и тогда я был бы обязан его арестовать. Я всегда держу слово. А теперь он проспит двое суток, не меньше. Сонное спадобье очень сильное. Когда он проснется, все будет позади.

— А что будет с этой несчастной? — взволнованно спросила Ремина. — Неужели она погибнет?

— Не волнуйся, девочка, — сказал Гаттерн. — Я попробую выручить ее. Мне известно, что она невиновна в убийствах, а взлом и проникновение в чужой дом лично я оправдываю смягчающими обстоятельствами.

— А как же ваш закон? Ведь ты — горожанин и подчиняешься закону! — поднял брови Мироваль.

— Не только подчиняюсь, но и стараюсь защищать его. Однако закон — не только строчка в пергаменте, — спокойно ответил честный стражник.

— Твой ответ мне понравился. Но разве ты справишься один?

— Одному будет тяжело, — признался Гаттерн.



Ремина снова заговорила, и голос ее звучал убежденно и страстно:

— Не унывай, стражник. Мой возлюбленный — благородный и храбрый человек. Он — настоящий рыцарь. Он обязательно поможет тебе. Не правда ли, мой господин?

Герцог усмехнулся.

— Похоже, что так, любовь моя. Похоже, что так...

* * *

Магистрат утвердил смертный приговор по делу Зонары, даже не рассматривая его. Все необходимые улики были налицо, хотя обвиняемая и не призналась во многих пунктах. Но Маркус этого показалось мало.

— Из улик явствует, что у преступницы был сообщник, — настаивал он. — Арестованная ничего не понимает в магии, на ее одежде не обнаружилось следов от алхимических препаратов. Кто же устроил взрыв?

— А что если алхимией занимались сами Дорсети? — предположил Шпигел.

Маркус яростно замотал головой.

— Ни одна алхимическая лавка в городе не поставляла им ни порошков, ни специальной посуды, — сказал он.

— Разрушенная печь в подвале, потеки золота на стенах... — с сомнением произнес маг-советник. — Очень похоже, что Дорсети были те еще господа. Они добывали золото путем трансфор-



мации... Ты же проверял их банковские счета! Раз в несколько лет они получали невесть откуда целые горы денег.

— Все равно, сообщник был. — Маркус победоносно улыбнулся. — Припомни, каким образом оказалась взломана балконная дверь. Там орудовали широким мечом. А у преступницы вообще не было оружия, не так ли? Идем-ка в «процедурную» комнату. Бедняжка уже приговорена, но я велел продолжить допрос. Мне нужен этот проклятый сообщник.

«Процедурная» комната, иначе говоря — пыточный застенок — располагалась в подвальном этаже тюрьмы, примыкавшей к башне ратуши. Невыспавшийся дознаватель клевал носом. С преступницей работал подмастерье палача — угрюмый, бледный юноша с морщинистым личиком. Мэтру предстояло потрудиться завтра вечером.

Главный обвинитель вошел первым, советник Шпигел нехотя — за ним. Ему было скучно.

Обнаженное вытянутое тело Зонары слегка раскачивалось, подвешенное на дыбе. Она была в сознании и время от времени вскрикивала. Вывернутые суставы рук не причиняли ей страданий, но пламя, которого она касалась босыми подошвами, заставляло пытаемую судорожно дергаться.

— Упорствуешь? — мягко спросил Маркус. — Зачем?

— Скажи палачу, что он болван, — прошептала Зонара. — Чересчур высоко поднял жаровню.



Пятки слишком быстро обуглятся и перестанут чувствовать боль.

Палач смутился и взялся опускать жаровню, обжегся, выругался шепотом и устало посмотрел на Маркуса.

— Не действует, господин обвинитель, — пожаловался он. — На ведьмином стуле она только смеялась. На острых козлах просидела больше часу. Может, подвесить ее за груди?

— Прекрати балаган! — рявкнул Маркус. — Дознаватель, ты разве не видишь, что она издевается над тобой?

Дознаватель выпучил глаза и потряс протокольным свитком.

— Безнадежно, — сказал он. — Зря только время тратим.

Палач опустил Зонару, освободил от веревки, и та со стоном облегчения растянулась на холодном полу.

Маркус прогнал палача и чиновника в выражениях довольно резких. Он был очень мягкосердечен и вид страдающего женского тела нагнал на него какой-то ужас. Шпигел заметил это и ухмыльнулся, подумав: «Ничего, привыкнешь».

— Послушай, — обратился обвинитель к воровке, — если ты назовешь сообщника, тебя только повесят. Я добьюсь этого, можешь мне верить. Это почти не больно, не успеешь сосчитать до двадцати — и будешь мертва. Но если ты продолжить выгораживать человека, который, кстати, бросил тебя на произвол судьбы, — будешь четвертована. Очень болезненная смерть. Тебя



выволокут на помост, разденут перед толпой, разорвут бедра и ягодицы раскаленными щипцами, отрежут груди, потом отсекут руки и ноги...

— Я знаю, как выглядит четвертование, — зевнув, сказала Зонара. — Разве это казнь? В Стигии воровку сажают на кол. В Зингаре — ставят клистир с кипящим уксусом. В Султанапуре отдают на случай со взбесившимся слоном. Вот это — казнь. А ты пугаешь меня детской забавой.

— Но ради кого ты идешь на это? Он — твой возлюбленный?

— Еще чего!

Маркус всплеснул руками.

— Как мало у меня опыта! — сокрушенно произнес он. — Многому придется учиться.

— Учись, учись, — проговорила Зонара, насмехаясь. — Нужно охранять таких, как Дорсети, от таких, как я.

— Дело не в Дорсети. Я охраняю не их, а священные принципы, которые делают нашу жизнь достойной. Перед ними все равны. Если бы я уличил Дорсети в преступлениях, судили бы их.

— Скорее всего, их бы оправдали.

— Это неизвестно. Пойми, покушаясь на Дорсети, ты покушаешься на закон. А Дорсети лично мне безразличен.

— Вы считаете вашу жизнь достойной? — презрительно улыбнулась узница.

— У нее много недостатков, но она гораздо лучше произвола спесивых аристократов, а тем более — безвластия. Свободный горожанин — почетное звание. Торговцы торгуют, мастера созда-



ют шедевры, солдаты стражи следят за порядком...

— Бедняки дохнут с голода, воры воруют, а палачи — казнят. Все идет своим чередом, — продолжила Зонара. — Знаешь что, убирайся-ка ты отсюда. Дай мне отдохнуть.

Маркус и Шпигел переглянулись и пошли к выходу из «процедурной». Когда они были уже у самой двери, Зонара окликнула Маркуса. Тот остановился, незаметно подмигнув советнику.

— Передумала? — спросил он Зонару.

— Нет. Хочу спросить, как, по-твоему, — я не простужусь, если буду лежать на полу?

Обвинитель вылетел из застенка, словно пробка из бочки.

— Ядовитая баба! — сказал ему Шпигел.

* * *

Герцог Мироваль горячил своего Снежка — ему не терпелось поскорее попасть в город. Начала кобылка пристава еще не успела оправиться после безумной скачки — Гаттерн гнал ее окружным путем, чтобы попасть в заброшенную таверну раньше Конана. Ему удалось опередить лошадь варвара, несшую двойной груз, всего на несколько минут. Теперь пристав то и дело отставал, и герцог вынужден был натягивать поводья, отчего его благородный скакун обиженно фыркал и приплясывал на месте, поднимая тучи грязных брызг.

— К чему такая спешка? — улыбнулся Гат-



терн. — Пусти своего жеребца шагом. Или тебе неприятно то, что простолюдин поедет с тобой стремя в стремя? Я обещаю выдерживать дистанцию.

— В случае военного положения некоторые условности этикета отменяются, — сдержанно ответил Мироваль. — Дело не во мне. Снежок почуял битву и рвется вперед.

— Он будет разочарован. Мы не станем осаждать тюрьму, — покачал головой стражник. — Это, во-первых, противозаконно, во-вторых — верный способ схлопотать стрелу. К тому же, твоя светлость без доспехов.

— Уж не заставишь ли ты меня взять лопату и рыть подкоп? — с наигранным подозрением осведомился Мироваль.

— Один скандально известный ювелир и механик, — вместо ответа поведал пристав, — был схвачен и уличен в убийстве своего заказчика. Тот тянул с гонораром, и золотых дел мастер сгоряча взялся за кинжал. Его посадили в тюрьму, где в виде особой милости позволили развлекаться в ожидании казни изобретательством всяких механических безделок. А ювелир, не будь дурак, изладил из реек, шпагата и кхитайской бумаги дракона и, перелетев на нем через тюремную стену, был таков. Морали в этой истории искать не надо, я рассказал ее только для развлечения твоей светлости.

Мироваль пожал плечами, коротко фыркнул и покачал головой.

Компаньоны добрались до городской заставы



глубоким вечером. Стражник, узнавший Гаттерна, пропустил их без всяких вопросов.

— Что теперь? — спросил Мироваль.

— Теперь твоя милость под чужим именем снимет комнату на ночь в какой-нибудь корчме, а я отправлюсь на разведку. Нужно узнать маршрут, по которому Зонару повезут на казнь. Где ты остановишься?

— Мне понравилось в «Ключе и мече».

— Но ведь там твоя милость уже известна под настоящим именем!

Герцог зевнул в манжету.

— Пара золотых иногда освежает память, а иногда — погружает ее во мрак, — сказал он.

Так и случилось. Трактирщик скрыл свое изумление и очень ловко избавился от остальных постояльцев, как и в прошлый раз. Этот опытный плут, похожий лицом на сдобный пирог с мясом, смекнул, конечно, что дело тут нечисто, но также понял, что он лично ничем не рискует. Он так хорошо сервировал ужин, подал к столу такое отменное вино и вообще хлопотал столь усердно, что Мироваль подарил ему третий золотой.

Ужиная в одиночестве, герцог про себя удивлялся. Совсем еще недавно его волновали только собственные чувства и любимая женщина. Все остальное либо досадливо мешало, либо представлялось отдаленным и не имеющим никакого значения. И вот теперь он, родовитый и титулованный, собирается спасти воровку, подругу варвара. Про себя герцог то и дело усмехался. Все это,



чума разбери, конечно, нелепо, в духе дурацких романов, но Мироваль доведет дело до конца, только потому, что Ремина посмотрела на него с любовью и надеждой. Женщине, даже очень умной, трудно расстаться со своими предубеждениями. Ей очень важно, чтобы ее возлюбленный был отважным, сильным и непременно кого-нибудь победил. «Быть посему!» — окончательно решил Мироваль и вонзил в кусок телятины двузубую вилку.

Пристав явился, когда герцог, не спеша, пил крепленое вино, глядя на угли в очаге.

— Я узнал все, что нам необходимо, — объявил он. — Завтра, как только прозвонят вечернюю стражу, преступницу повезут по городу на площадь Примирения. Возок, в том числе, проедет и по улице Зеленщиков, а это — мой участок. Я устрою так, что поперек улицы встанет длинная телега, груженная бочками. Она уже вторую неделю стоит на задах масляной лавки в Ворванном переулке, это рядом. Еще я устрою так, что патруль опоздает, когда выйдет потасовка. Охранять осужденную будут трое — ты справишься с тремя?

— Это же простая солдатня! Я справлюсь с десятком, — ответил герцог.

— Рад это слышать, поскольку помочь не смогу. Я не должен поднимать оружия на своих, — сказал Гаттерн.

— А тебя не печалит, что трое стражников погибнут?

— Если трое солдат будут побеждены одним



рыцарем, причем — бездоспешным, то туда им и дорога.

— А если они убьют меня? — спросил Мироваль, блаженно потягиваясь у огня.

— Пушу в ход другой план, — отвечал пристав как ни в чем не бывало.

— В чем он заключается, позволь полюбопытствовать?

— Какая разница? Ты ведь будешь уже мертв.

Услышав такой ответ, герцог не смог сдерживать улыбки.

— Просто, доходчиво и с достоинством, — сказал он. — Мне это нравится, клянусь своей шпорой! А потом?

— Если твоя светлость устранил охрану, я обеспечу безопасную улицу, по которой вы с Зонарой уйдете из города.

— Лучшего нельзя и желать, — произнес Мироваль. — А теперь я пойду спать.

Для него было в новинку нападать на вооруженных стражников в центре чужого города, но он совершенно не волновался и заснул спокойным сном человека, у которого прекрасный аппетит и чистая совесть.

* * *

Утром оруженосец Гизмунд, оставленный при Ремине, поднялся, вылил себе на голову ковш холодной воды, вытер лицо краем туники, молодецки крикнул и выскочил на двор.

Ему не раз приходилось ночевать в походных



условиях, иногда — совершенно неудобных, но утренний его моцион оставался неизменным.

Накормив и напоив своего холеного мула, Гизмунд обтер его бока особой фланелевой тряпочкой, проверил состояние подков, не удержался и поцеловал животное в теплый бархатистый нос. Потом он подбросил охапку сена лошади Конана, но приблизиться к ней побоялся — та косила глазом, мотала головой, словом, являла нрав тяжелый и подозрительный.

Ремина дремала вполглаза, а Конан, разметав руки и ноги, смачно храпел. Он занимал собой половину трактирной залы.

Гизмунд развел оживленную деятельность: принес Ремине воды для умывания, растопил очаг и даже подмел пол метлой, изготовленной тут же из веток ракиты, росшей неподалеку.

— Славненько, — молвил он. — Пора озаботиться завтраком. Припасы мы подъели... Придется мне сходить на хуток и купить у мужланов хлеба и молока.

Сам он тоже был природный мужлан, но так давно ходил в оруженосцах, что не удивился бы, если бы его произвели в рыцари.

— С тобой тут ничего не случится, пока меня нет? — спросил он у Ремины.

— Со мной останется варвар, — отвечала она. — Он такой большой, что даже спящий испугает кого угодно.

— А то — сходила бы со мной, — предложил оруженосец. — Это недалеко. Чего сидеть тут, с этой колодой? Эвон, храпит-то как. И это — лежа



на брюхе. А если б упал на спину, как бы храпел? Из чего, и главное — как делают таких людей?

— Так же, как и всех остальных, — сказала Ремина, слегка покраснев. — Пожалуй, ты прав. Пойду с тобой — слушать его храп я устала. К тому же я так давно не гуляла. У Дорсети меня все время держали взаперти. Только надо будет поскорее вернуться — нехорошо бросать его на долго.

Босая, в дорогом мужском платье, она представляла собой странное зрелище, но это нimalo ее не заботило. Она шла следом за Гизмундом по весенней грязи и вдыхала прохладный, сладковатый воздух, какой возможен только вне городских стен. Невдалеке, как и сказал Гизмунд, находился небольшой хуторок с крошечным виноградником, выпасом и огородами. В это время года лоза укрыта соломой — отдыхает, наливается соком в ожидании щедрого аквилонского солнца, а на огороде земля только-только распахана. Мужланы-собственники и наемные батраки, не спеша, готовятся ко дням, полным тепла и труда.

Во дворе беленого аккуратного домика, на лавочке грелся старичок. У ног его, обутых в деревянные башмаки, возились два чумазых ребятенка и с десятков таких же чумазых поросят. И те, и другие пихались и визжали. Старик, поглядывая на них, хихикал и слегка поддавал кому-нибудь из них башмаком под зад. Он был глуховат, и Гизмунду пришлось кричать ему прямо в мохнатое коричневое ухо.

На крик выскочила из дома хозяйская жена,



вытирая руки о полосатый фартук. Гизмунд торговал у нее большой кувшин молока, два каравая и крупный кусок сала.

— К вечеру колбасы будут, — сообщила она. — Муж делает.

— Колбаса — это хорошо! — обрадовался оруженосец. — А нельзя ли вечером прислать пару тройку колбас? Я заплачу теперь же.

— Куда послать? Я старшему велю, он принесет.

— Мы в трактире, что у дороги. Туда, стало быть, — ответил Гизмунд.

Хозяйка всплеснула руками и убежала в дом.

Оруженосец запрыгнул на крыльцо и два раза стукнул кулаком в дверь.

— Женщина, в чем дело? — прокричал он. — Я же сказал, что заплачу.

За дверью подумали немного и задвинули засов.

— Глупая тетка! Я же тебя не съем!

— Меня, может, и не съешь, а сыночка моего бедного сожрешь, упырь проклятый, — послышался голос мужланки.

— Какого сыночка?

— Который в трактир колбасу понесет. О-о! — заплакала она и тут же, храбрясь, завизжала: — Убирайтесь оба, а то у меня здесь омела, целый пучок. Вот я вас омелой!

— Какая омела? — Оруженосец растерялся. — Она не в себе, это точно.

— Ты ее испугал, — сказала Ремина. — Пойдем отсюда.



— Она подумала, что вы — упыри! — заорал глухой старик. — Почто вы в трактире-то встали? Нешто можно?

— Почему нельзя? — удивился Гизмунд еще больше. — Он же ничей!

— Не знаю никаких вещей, — старик затряс головой. — А только бывают в том трактире упыри. Раз Котта, сосед наш, видел в окошке — сидел упырь и грыз человеческую ногу. Нельзя там вставать на постой и все тут. Место проклятое. Раз купец, рассказывают, остановился — пропал. Может, купец, может — подрядчик, не помню...

— Тьфу, вздор какой! — не выдержал оруженосец, подхватил сумку с купленным и пошел со двора.

Ремина направилась следом.

— А вдруг это правда? — спросила она, когда они шли через поле к дороге. — Разве не бывает на свете всякой нечисти? Почему трактир бросили? Почему его никто не занял? Должна же быть причина!

Гизмунд пожал плечами.

— Дорога не слишком оживлена. Трактирщик мог разориться или перебраться в другое место, — сказал он. — Лично я провел в этой конуре целых две ночи и не заметил там ничего, что бы могло навести на мысль об упырях. Просто мужлань, сидя на печках долгими зимними ночами, развлекают друг друга баснями и страшными историями.

— А почему там не поселились какие-нибудь бродяги? — не унималась Ремина.



— А мы? Чем не бродяги! — рассмеялся Гизмунд.

Они вернулись в трактир, где по-прежнему неудержимо храпел варвар. Там позавтракали, Гизмунд взялся чистить запасное герцогское платье и сердито ворчал, обнаруживая свежие прорехи на старом дорожном плаще. Ремине стало скучно, поэтому она даже обрадовалась, когда на пороге возник высокий худощавый человек, одетый для долгого путешествия. Поклажи при нем был только маленький узелок. Меч без ножен он нес на плече, как заправский наемник. У него было улыбочное лицо и насмешливые морщинки возле глаз.

— Мир этой дырявой кровле! — возвестил он, кланяясь. — Но собирается дождь, и по мне — худая крыша лучше, чем ничего.

— Здесь занято! — буркнул оруженосец.

— Да я всего ненадолго! Пережду ливень и пойду себе дальше, — сказал человек и с нахальным изяществом прошел к самому огню.

Гизмунд готов был поклясться, что никакого ливня нет и в помине. Когда он выглядывал мельком в окно, небо оставалось ясным. Но только он об этом подумал, как дневной свет в окне померк, и хлынул дождь, такой сильный, что шум его заглушал голос пришельца.

— Я — Гранель, — представился тот. — Собиратель историй. Ими же и кормлюсь. Рассказываю их за деньги. Кусок хлеба с салом — тоже сойдет.

Оруженосец открыл рот, чтобы адресовать не-



званного гостя куда-нибудь с глаз долой, но Ремина остановила его.

— Истории — это очень интересно, — молвила она. — Присаживайтесь поближе к очагу, угощайтесь всем, что найдете.

Гранель благодарно улыбнулся, открыв желтоватые зубы, вонзил свой меч прямо в половицу, повесил на его перекрестье, как на вешалку, куций плащ и, показав на спящего варвара, спросил:

— Кто этот счастливец, что объят сном, словно безгрешное дитя?

— Это наш друг. Он очень устал и отдыхает, — отвечала Ремина.

— Должно быть, этот великан ворочал горами, — предположил собиратель историй. — Простая работа его бы не утомила. А мы не разбудим его случайно?

— Он спит крепко, — успокоила его женщина.

— Это хорошо. Говорить с набитым ртом неприлично, к тому же можно поперхнуться. Посему, я надеюсь, что господа подождут некоторое время.

Гизмунд крикнул, увидев, как Гранель отхватил ножом половину каравая, основательный кус бекона, сложил все это вместе, уселся на пол и начал есть. Челюсти его распахнулись широко, как у змеи, и хлеб с салом уместились во рту наемного рассказчика почти целиком.

Люди с похожими свойствами всегда вызывали у оруженосца неприятные подозрения. Но что-то еще в облике Гранеля настораживало, не-



приятно беспокоило, словно заноза в ноге. Словом — в нем или рядом с ним было нечто непонятное, почти пугающее. Что именно, Гизмунд пока не разобрал.

Сыто причмокивая, Гранель стряхнул крошки с узкого подбородка, вытер молочные «усы» из-под носа и спросил:

— Какого рода историю желает госпожа? Наверное, что-нибудь про любовь? Истории про любовь делятся на грустные и неприличные, — и он хихикнул, скорчив смешную гримасу.

— А разве не бывает других? — неприятно удивилась Ремина. Гранель перестал ее забавлять, она тоже почувствовала неладное, но стеснялась разглядывать его в упор.

— Специально для госпожи я только что отыскал в недрах своей памяти историю о любви, которую можно счесть и забавной, но без явного неприличия — так, пара пикантностей.

— После сала тебя, видимо, тянет на сальности, — заметил Гизмунд. — Воображаю, какого сорта диковины ты рассказываешь после соленых блюд.

Гранель с готовностью рассмеялся и даже хлопнул себя рукой по моластой ноге.

— Господин пошутил, — сказал он. — Что может быть лучше доброй шутки?

Гизмунд подумал, что его шутка доброй как раз и не была. Но он ничего не произнес вслух, потому что долговязый прислонился спиной к бревенчатой стене, откашлялся и, лукаво поглядывая то на Ремину, то на оруженосца, начал:



— Почти все истории начинаются одинаково: «Давным-давно, в далекой стране...» Я обошел весь свет, и зачастую в каждом его уголке мне рассказывали похожие друг на друга случаи, причем вступление было именно таким. Сложилось у меня впечатление, что все подобные истории случались в Атлантиде и уже оттуда разнеслись по населенной вселенной. А может быть, если вдруг Атлантида всплывет из пучин, населенная, как и прежде, там тоже станут предвирать рассказы вечной этой присказкой.

Однако моя повесть начнется иначе. Случилось это недавно, всего несколько дней тому, и вовсе недалеко. Жил да был один человек по имени Ренельт. Не бедный, не богатый, по привычкам своим был он благородный господин, однако домишко его стоял на краю деревеньки в двух милях отсюда, и с благородными господами — здешними помещиками — он не водился, а все больше с простым людом. Наилучший друг его был кузнец по прозвищу Черный Нос. Силища в этом кузнице пребывала необычайная, и походил он на вашего спящего товарища, да и во сне, говорят, храпел таким же манером. Из-за последней оказии он не был женат. А нос его и в самом деле всегда был черный и блестел, как сажа.

Был еще друг — ночной сторож, того кликали Филином. По ночам он совершенно не спал — ходил себе по огородам да распугивал ворюшек. Глаза у него были, как блюдца, и горели желтым огнем, а волосы на голове напоминали совиные перья.



Ренельт зарабатывал тем, что рисовал карты. Соберется какой купец поехать, скажем, в Ванахейм или, напротив, в Стигию, как Ренельт в два дня нарисует ему на длинном пергаменте весь путь, от самого порога. Знатно рисовал — со всеми подробностями. Указывал колодцы, места для привала безопасные и даже разбойничьи засады отмечал, и все приметное, что встретится в пути, — какое-нибудь дерево неожиданной формы или валун у дороги. Все сходилось в точности, путнику оставалось только пергамент разматывать.

Все очень удивлялись, поскольку никогда Ренельт надолго дома не покидал, а все жил себе в деревушке. Откуда он знал другие страны, как собственные сени?

Раз Черный Нос прямо спросил у него: «Уж не колдун ли ты, братец? И если колдун, отчего ты не богат, не возведешь себе большого замка или хоть дома получше твоего?»

«Клянусь кувшином молодого вина, я не колдун, — отвечал Ренельт. — А знаю все про другие страны и города, потому что бываю там каждую ночь. Едва лишь засыпаю, как моя душа оставляет тело и летает, все видит, все примечает. Да я не один таков — ты, к примеру, тоже. И все, кто спит. Не единожды встречалась моя душа с душами других спящих».

Кузнец поскреб кудрявый затылок.

«Если так, то почему же я ничего не знаю, кроме нашего села да двух соседних, да еще хутора, где прошлым годом на свадьбе жениху глаз подбили?»



«А это оттого, — сказал Ренельт, — что у твоей души короткая память».

Черному Носу сделалось обидно, и обида засела в его голове, как топор в колоде. Посидели они втроем — еще и Филин с ними был, — да дело к ночи. Ренельт спать лег, а Филин и кузнец брели по деревне.

«Не дает мне покоя эта штука, — пожаловался сторожу Черный Нос. — Раньше я знал, что есть у меня жизнь, о которой все известно. С утра — работа, так, чтобы руки гудели, потом — обед славный, потом — друзья да вино. Прочие живут так же, все идет своим чередом. Постарею, ослабну, помру — как все. Спокойно. А оказывается, совсем рядом жизнь удивительная, полная диковин, чудес, и эта жизнь — тоже моя, но я ничего о ней не ведаю».

«Подумаешь, — молвил Филин. — Я вот не сплю и существую половину жизни на границе между сном и явью и тоже повидал немало. Как-то прямо передо мной выскочил из-под земли огромный заяц в шапочке с пером и при шляпе и сказал мне человеческим голосом: «Дай-ка мне, дядя, адрес ближайшей сапожной лавки». Уж я и испугался! А другой раз прямо из облака посыпались на баштан к старой Марте крошечные мужички и стали дыни воровать — сорвут и ну катить в сторону. Я их пугнул уж сам — из облака вы или еще откуда, а воровать не смей!»

— Все это, братец, не то, — вздохнул кузнец, посмеявшись. — А я непременно хочу увидеть и запомнить другие края, и как подумаю, что



где-то далеко, быть может, ждет меня судьба, а я, будто дурак, торчу здесь...

— Брось! — отмахнулся Филин. — На весь свет только и есть, что наше село да два соседних, да хутор, где жених с битой рожей. Все остальное — выдумки Ренельта и басни мимохожих коробейников. Но если тебе и впрямь так неважно — собери котомку сухарей, возьми палку да сапоги покрепче — и иди себе, глазей по сторонам.

— Э! — возразил Черный Нос. — Душа — летает, а тело ходит пешком. Пешком я мало чего успею обойти. Вот если б у души моей проснулась память...

— Тьфу на тебя, совсем замаял! — в сердцах сказал сторож. — Сходи, что ли, к бабке Сычихе, старой повитухе. Она мне родня, и слышал я от дедушки, что умеет она разные штуки. Вот и хата ее — видишь, не спит Сычиха. В окне лучина так и пляшет.

Сказал так сторож Филин и ушел огород охранять. Черный Нос постоял у Сычихиной околицы, подумал да и зашел на двор. Во дворе на цепи держала повитуха огромную свинью — чуть кто зайдет без спросу, свинья визжит, из конуры выскакивает и все норовит за ногу ухватить. Злая была свинья.

Кузнец о нраве ее хорошо знал и держался осторожно, но на сей раз свинья не визжала и не бросалась кусаться — сидела в будке и тихонько хрюкала. Черному Носу даже померещилось, будто свинья плачет.

Постучал он в дверь, Сычиха ему отворила, в



дом пустила, усадила, поднесла медовухи, а сама ждет, что кузнец первым заговорит, и поглядывает на него вопросительно. Кузнец ей о своей тоске рассказал. Сычиха в ответ:

— И только-то! Вот тебе полотняный мешочек с сухою травой. Трава самая обычная — собачья петрушка, паслен, гусиный лук и чертополох. Ты положи мешочек под подушку да спи. Будет тебе сниться всякое, но ты ухвати то, что тебе понравится, руками и не отпускай. Проснешься, как обычно, увидишь, что из сна вытащил — тут все и вспомнишь.

Кузнец так и сделал. Приснилось ему, что он попал на царский двор, где-то — неизвестно где. Палаты вокруг величайшей красоты, в горшках растут невиданные деревья, сплошь усыпанные сладкими плодами. Ходят прямо по полу птицы с расписными хвостами, черные невольники их кормят. Пошел кузнец по коридору и вдруг оказался в купальне, где резвились в хрустальном бассейне две юных прелестницы, две сестры. Старшая очень глянулась Черному Носу, и он, помня завет Сычихи, прыгнул в воду и схватил ее в объятия...

Утром пришел заказчик, а кузня оказалась пуста. И дома не было Черного Носа. Вся его одежда оказалась налицо, а сам он пропал.

Филин-сторож про это узнал и пришел к Сычихе.

— Признавайся, что стало с Черным Носом? — потребовал он. — Это ведь ты спровадила его невесть куда.



Сычиха рассмеялась мерзким скрипучим смехом и ответила:

— Да будет тебе! Я травки ему дала в мешочке, чтобы он крепче спал да другим не мешал. А то, что это за обычай — по ночам шляться и в гости ходить? Да я и тебе дам, если хочешь, бессонная ты неясить.

Сторож ушел ни с чем, а ближе к ночи заглянул к Ренельту. Тот сидел за обеденным столом и тонкими костяными палочками чертил карту, обмакивая их в красную и черную кхитайскую тушь.

— Это все твои рассказы! — заявил Филин. — Кузнец-то наш или голым из дома ушел, или его демоны утащили. Что делать? Пропадет дружок.

Ренельт отмахнулся от него.

— Мне нынче недосуг, приходи завтра.

Филин рассердился и пошел село караулить. Лезли ему в голову всякие мысли, и не нашел он ничего умнее, как воровским способом проникнуть в дом кузнеца.

Пошарил он у него под подушкой и нашел полотняный мешочек. Развязал, понюхал — трава и трава. Положил, задумавшись, его в карман, из дома вышел и дальше идет. Вдруг видит — прямо посреди деревни раскинулись прекрасные чертоги, а в них Черный Нос сидит и пирует. Рядом с ним — две красавицы.

Кузнец сторожа признал и говорит:

— Как ты кстати! Вот — жена моя молодая, а вот — сестрица ее, незамужняя. Садись-ка ты с нами пировать.



Сел Филин рядом с сестрицей, беседует с ней, та из его кубка вино пьет, любезно с ним разговаривает.

Девница эта взволновала сердце старого холостяка, да и он ей, как видно, понравился. Посудите сами, если б он был ей противен — разве взяла бы она его за руку, разве привела бы в опочивальню, разве сняла бы с себя покров целомудрия? Филин голову потерял от счастья.

А в деревне хватились его с утра — нет сторожа. Исчез. Люди не знали, что и подумать. У дома дубильщика, на дороге, отыскался мешочек с травами. Кто его оборонил? Никому это не было известно, кроме Сычихи, а та, понятно, об этом молчала.

Ренельту совестно стало, что так и не выслушал он друга. Забеспокоился он, а где искать пропавших — не знает. Во сне он их не встречал. Два дня ломал себе голову Ренельт, а на третий, в ночь, подлетает к его душе душа красивой юной девы и шепчет:

— Я знаю, где искать твоих друзей. Они попали в ловушку к колдунье, та держит их в зачарованном замке, а замок этот прячется в ущелье, далеко в горах. В том же замке, как в золотой темнице, заточены мои сестры. Если хочешь друзей выручить, поклянись, что и их освободишь. Забери у дубильщика мешочек с травами и на ночь возьми его в изголовье.

— Клянусь, — отвечала душа Ренельта, — но скажи мне, откуда ты меня знаешь? Я прежде никогда тебя не видел.



— Видел, Ренельт, да только тебе бы и в голову не пришло, что я — это я. А ты мне уж давно люб. Живем мы с тобой в одном селении.

— Быть такого не может! — возразила душа Ренельта. — Я там всех знаю.

— Всех знаешь, да не всех примечаешь, — расплакалась душа красивой девы и отлетела прочь.

Кинулся Ренельт за нею в погоню, да и упал со своей кровати, конечно, проснувшись при этом.

«Что за притча! — подумал картограф. — Может, кто-то подшутил надо мною?»

Однако же выпросил он у дубильщика мешочек, который, по счастью, тот не выкинул, а повесил на крючок в чулане, где хранилось много разного хлама. Еле дождался Ренельт ночи, да еще и уснуть долго не мог — волновался. Но сон помалу сморил его, и едва глаза чудака-картографа сомкнулись, как очутился он в зачарованном дворце.

— Долго же ты нас искал! — сказали ему друзья. — Три года прошло.

— Ну уж не три года, а разве — три дня, — отвечал Ренельт в удивлении.

Усадили его за стол, попотчевали едой и питьем. Жены восхитительной красоты и пригожести и были, как он догадался, сестрами той, что подсказала ему дорогу. Услышав рассказ о вещем сновидении, обе расплакались.

— Несчастная сестрица, — сказали они. — Нас проклятая старуха лишь только взаперти держит, но мы живем в холе, тепле и богатстве. А ее,



бедняжку, колдунья истязает, держит в тесной, вонючей будке и кормит всякими отбросами, из-за того, что она осмелилась посмеяться над старой каргой.

— Неужели не можете вы уйти отсюда? — спросил Ренельт. — Дворец не заперт, дорога открыта...

Кузнец ответил мрачно:

— Дорога эта никуда не ведет. Петляет меж гор, как змея, свивается кольцами, а то и разбегается на четыре стороны. Пытались мы уйти, но ничего у нас не вышло. Всякий раз обратно возвращались.

Ренельт подумал, хлопнул в ладоши и говорит:

— Подайте-ка мне пергамент, две костяные палочки и кхитайскую тушь, черную да красную.

Жены-красавицы слугам велели, те и принесли все мигом. Ренельт приказал его не беспокоить, заперся в палатах и два дня, не разгибаясь, рисовал карту.

— Готово дело! — объявил он, когда карта была готова. — Собирайтесь в поход. Идти придется долго, но домой мы попадем. Душа знает дорогу в родные места!

Сказано — сделано. Собрали в дорогу всякой снеди, прихватили украшений самоцветных вместо приданого и вышли рано поутру. Ренельт первым идет и путь сверяет с картой. А ущелье между тем делается все глубже, и из-за скал солнца над головою не видно. Однако Ренельт спокоен, да и остальные тоже не боятся. Как



вдруг опускается в ущелье тьма — глухая, беспроглядная. Путникам друг друга не видать и дороги не видно. У них с собою, как нарочно, ни факела нет, ни свечки маленькой. Заплакали сестры: «Это происки ведьмы! Она темень напустила, чтобы мы с пути сбились и погибли!»

Филин-сторож усмехнулся и сказал:

— Меня темнота не пугает. Я и ночью, даже самой темной, что без звезд и луны, вижу лучше, чем днем. Перекликнитесь-ка вы, все ли тут, да беритесь друг за дружку. А тот, кто впереди, пусть положит руку мне на плечо. Я всех выведу.

И десяти шагов не прошли, как темнота вдруг собралась в одну тугую, как подушка, тучу, и туча эта унеслась с воем. Как видно, колдунья обнаружилась, что ее уловка не удалась.

Все обрадовались, кроме Ренельта. Он сказал:

— Так легко ведьма нас не выпустит — придумает другую пакость, вот увидите. Надо ухо держать остро.

Что ж, идут дальше, а в пути кузнец Черный Нос у своей жены спрашивает:

— Как вышло, что проклятая ведьма посадила вас под арест? Вы заключили с ней какой-нибудь постыдный договор? Или, может, вас обещали ей еще до вашего рождения в силу каких-то причин?

— О, нет, — отвечала ему молодая супруга. — Совсем не то ты говоришь. Случилось это давным-давно, в далекой стране. Наш отец был великим правителем этой страны. Народ его любил, а придворные боялись. Пошел на него вой-



ной ближайший сосед, но отец, ко всему, был и полководец мудрый. Удалось ему соседа замирить. А чтобы он и впредь с ним не воевал, сказал отец соседу, что возьмет в жены одну из двух его дочерей.

Тому ничего не оставалось. «Бери на выбор, — отвечал он. — Вот старшая, красавица и умница, обучалась колдовству, знает все звезды наперечет и умеет чары наводить. А вот младшая — не слишком красива, не слишком умна, зато ласковая и нежная. Которую хочешь?» Отец был умный человек. «Конечно, младшую!» — воскликнул он. То была наша матушка. Жили они вместе долго и в счастии, родила она ему трех дочерей и, казалось бы, ничто не должно омрачать счастья. Но старшая сестра затаила злобу на нашего отца — зачем он не ее предпочел? Ведь она младшую сестрицу не любила и презирала, всегда смеялась над ее кротостью и покорностью.

Стала старшая сестра строить всякие козни. Прежде всего соблазнить нашего отца пыталась, чтобы он с нею супружеское ложе осквернил. Для того прилетала она к нему по ночам в естественном виде, то есть без всякой одежды, и являла перед ним сладострастие. Отец озлился и велел стражникам схватить ее.

«Выдрать на площади эту кошку похотливую, и пусть она домой возвращается, как ей вздумается, — хоть пешком, хоть по воздуху!» — приказал он, что и было исполнено. Колдунья пришла в ярость и измыслила нас похитить и тем самым поразить отца и матушку.



Так она и сделала. Вышли мы погулять, смотрим: стоит у ворот возок расписной, усыпанный яхонтами, далами и крупными жемчугами. А вокруг — никого. Мы весьма удивились красоте возка и тут же сели в него. А он, не запряженный и даже без кучера, вдруг сам собою взлетел под небеса и помчался, так что только ветер засвистел. Уж мы и плакали и молили всех богов — ничто не спасло нас от горькой участи. Возок доставил нас в хоромы, которые вы видели собственными глазами. С тех пор прошло больше трех сотен лет, и ни с кем мы за это время не говорили, никого не видели, кроме немой прислуги.

«Ого! — подумал кузнец. — Я взял в жены древнюю старуху!». Это открытие сильно его смутило, но так как внешне прожитые годы никак на царевне не отразились, Черный Нос успокоился и забыл об этом думать.

Дорога привела их к выходу из ущелья. Только собрались путники обрадоваться, как вдруг выходит к ним из пещеры великан — в нем три человеческих роста, весь он покрыт бурою шерстью и запах от него, как от зверя.

— Возвращайтесь назад! — закричал он ужасным голосом. — А не то я мужчин сразу убью, а женщин перед тем утешу по-свойски!

Путники заробели — что же делать? Против такого великана воевать страшно. Но кузнец вышел вперед и сказал:

— Если ты с дороги не уберешься, то я тебя убегу.

Великан заревел, так что камни посыпались, и



бросился на кузнеца. Стали сражаться. Сначала великан одолевал, но Черный Нос собрался с духом — а силища у него была необычайная! — и, обхватив великана поперек туловища, оторвал от земли и на землю же бросил. Великан от того пополам переломился.

— Тьфу! — сказал Черный Нос. — Лопнул, как скверная наковальня!

Тут ущелье все затряслось, заходило ходуном. Путники еле успели из него выскочить, как горы сомкнулись, и ущелья не стало.

Много дней шли они, однако ничто не длится без конца. Дорога, отмеченная на карте, привела их прямо к селу.

Соседи их очень удивились и толпой вывалили встречать.

— Ишь, — говорили, — нет чтобы поближе по-свататься сторожу да кузнецу, привели они жен издалека.

А старуха Сычиха как их увидела, так затряслась вся, упала в корчах, изошла пеной и издохла. Все замолчали от страха и удивления и видят — с визгом бежит старухина свинья и бросается в ноги Ренельту. Стала она кататься по траве, а потом закричала женским голосом и обернулась... девицею! Притом — пригожей. Правда, была она нагой и довольно грязной, но Ренельт взял ее за руки, отвел в баню, там отмыл, нарядил ее с ног до головы — и вышла она первой красавицей по округе. Тем же вечером и свадьбу сыграли.

А мертвая Сычиха недолго на земле пролежала. Превратилась она в дохлую ворону. Как на-



стала ночь, выпрыгнул из-под земли огромный заяц в шапочке с пером и при шпаге, взял ворону за крыло, положил в переметную суму и ушел...

Вот и истории конец.

* * *

Закончив рассказ, Гранель бегло оглядел трактирную залу. Гизмунд спал, уткнувшись носом в колени и тихо посапывая. Ремина, охваченная дремой, клевала носом — голос собирателя историй убаюкал ее. Перед глазами вставали, как живые, все действующие лица этой повести, и каждая подробность, отмеченная Гранелем лишь мельком, сама собою расцветала, становилась объемной и яркой. Несколько мгновений Ремина молчала, и было ясно, что сейчас она уснет накрепко. Но неожиданно громкая раскатистая рулада, которую носом вывел спящий на полу варвар, разбудила ее.

— Удивительная история, — сказала она. — Ты — мастер своего дела.

Казалось, Гранель огорчился, но сразу изобразил на лице веселое оживление.

— Многолетняя практика, душечка моя, — проговорил он.

Этой этой «душечки» Ремине стало как-то не по себе. Она всмотрелась в собирателя историй и вдруг заметила то, чего никак не мог углядеть оруженосец.

Тень Гранеля вместо того, чтобы лечь на пол —



он сидел перед горящим огнем — занимала собою стену над очагом. Оказаться там она никак не могла. Ремина решила, что это мерещится ей. Она потихоньку ущипнула себя за ногу, но странное поведение тени не изменилось. Тень от меча, вонзенного в пол, была самой обычной и перечеркивала тень от молочного кувшина там, где и должно. Но тень его хозяина вызывала испуг, смешанный с неприятным удивлением.

Ремине не хотелось обнаруживать своего откровения. Глядя прямо в бегающие глаза Гранеля, она проговорила спокойным голосом:

— А известна ли тебе, любезный рассказчик, история этой заброшенной корчмы? Местные очень боятся каких-то упырей, якобы живущих в ней. Хотелось бы узнать, что послужило причиной для возникновения этого страха.

Гранель застыл на мгновение, и это мгновение лицо его ничего не выражало, словно на него нацепили алебастровую маску. Потом в глазах рассказчика заблестели лукавые огоньки, он склонил голову набок и сразу стал похож на ученого ворона.

— Конечно же, я знаю эту историю, — молвил он. — Это занятная и крайне поучительная история. Только рассказывать ее лучше тихим голосом, чтобы никого ненароком не разбудить. Поэтому я сяду поближе к тебе, моя маленькая курочка...

Ремину опять покорило, она хотела возразить против соблюдения этого условия, но Гранель уже опустил свой сухопарый зад на пол



вплотную рядом с ней, обхватив ее за талию ко-
стлявой, жилистой, очень сильной рукой, сжал
покрепче и выразительно улыбнулся. От неожиданности и ужаса Ремина чуть не потеряла сознание.

— Слушай же, крошка, — зашептал он ей в самое ухо. — Пятнадцать лет назад здесь остановились на постой два брата. Была буря, дождь лил, как сейчас... Корчма тогда была действующая, в этой самой зале сидели люди, пили пиво и вино, играли в кости или просто грелись у огня.

Братья не очень-то ладили между собой, и будь у них возможность, они уселись бы за разные столы, чтобы не видеть друг друга. Скажу больше, они так враждовали, что даже редко смотрелись в зеркало, поскольку были близнецами. Вот как иногда бывает.

Ехали оба из Галпарана в имение своего родителя, который несколько дней тому как помер. Братьям предстояло делить наследство.

Свободным оказались только один стол и только одна комната. Один сказал другому:

— Ну тебя в преисподнюю! Оставайся тут, а я поеду дальше.

А другой отвечал:

— Езжай. Авось твой конь оскользнется в грязи и ты свернешь себе шею, или еще лучше — промокнешь, простынешь и умрешь от чахотки. Это было бы славно!

Первый брат выругался и раздумал ехать, а вместо этого сел за стол и начал пить. Второй от него не отставал.



— Как жаль, что мы не встретились по дороге, — сказал первый. — Я изрубил бы тебя в куски своим мечом.

— Какое горе, что я не знал, где ты проедешь, — отвечал второй. — Я сел бы в засаду с арбалетом и вбил бы стрелу в твою поганую глотку!

— Если б я мог предвидеть, что ты всю жизнь будешь путаться у меня под ногами, я бы в детстве спихнул тебя в глубокую выгребную яму или накормил бы волчьим лыком, — произнес первый.

— Мне бы чуть-чуть мудрости, я бы в юности оделся бы в твой камзол и изнасиловал какую-нибудь женщину у всех на виду, чтобы тебя за это казнили, — молвил второй.

Таким образом они беседовали, выпивая, и так увлеклись, что не заметили, как наступила глубокая ночь. Все прочие постояльцы давно разбрелись по своим полатам, а братья все сидели, пили вперемишку пиво, вино и самогон, от чего делали все злее и злее. Хозяин махнул на них рукой, выкатил три объемных бочонка и ушел спать, а служанка давно уже млела в объятиях конюха.

Первый брат со зла и спьяну проговорился:

— Не хотел тебя огорчать раньше времени. Мне, видишь ли, мечталось посмотреть, какая у тебя будет рожа при оглашении завещания. Ну да ладно: и земля, и деньги, и дом — все мое. Старик меня любил, а тебя презирал и всегда называл тебя безмозглым олухом, сволочью и бестолочью.



— Врешь! — сказал второй, однако сразу поверил и даже протрезвел от злости. Он выждал момент и, когда первого брата сморил наконец сон и тот уткнулся носом в корявые доски стола, взял острый железный пробойник для откупоривания бочек и вонзил спящему в самое сердце. Потекла густая кровь, и убийца, рыча от ярости, приник к трубке пробойника губами. Он выпил всю кровь, всю без остатка. Мертвый стал блее полотно.

— Проклятье! — воскликнул второй брат. — Нужно что-то делать с этой тушей!

Пользуясь глубоким сном хозяина и постояльцев, он отнес тело на кухню, раздел и, орудуя мясницким ножом, разделал брата, словно свинью. Голову ему пришлось бросить в отхожее место, а самые, на его взгляд, аппетитные части он зажарил на огне и съел. Прочие останки положил в погреб, в ледник.

Переодевшись в дорожный костюм брата, убийца чуть свет поехал к отчому дому, где назвался его же именем. Слуги давно не видели обоих и не догадались, в чем дело. Душеприказчик прочел завещание... Увы! Убийца и был наследник, верный и единственный. Теперь же он ничего не мог получить.

— Почему? — удивилась Ремина. — Он же мог уехать, а после вернуться уже под своим именем.

Гранель рассмеялся:

— В том-то и дело, что не мог. У него на лбу был шрам приметной формы, в виде зубца молнии. Пришлось бы объяснять, почему у обоих



братьев одинаковые шрамы, его сразу бы заподозрили...

Ремина искоса взглянула на рассказчика и чуть не закричала — на лбу у Гранеля, при таком освещении почти незаметный, находился зигзагообразный рубец. Увидев ее расширенные глаза, Гранель потер свободной рукой обезображенный лоб, усмехнулся и стиснул Ремину так крепко, что у нее перехватило дух.

— После того, как ничего не подозревавший хозяин накормил клиентов человечины, в трактире стали происходить удивительные вещи. К примеру, ножи начинали вдруг сами по себе летать по залу и в конце концов втыкались кому-нибудь в бок. Некая дама, укрываясь тут со своим воздыхателем, кушала персик, поперхнулась косточкой, да так сильно закашлялась, что косточка вылетела изо рта и убила любовника наповал. Двоих нашли в комнатах задушенными... Словом, это не способствовало процветанию гостиницы, и ее пришлось закрыть. Редко кто заглядывает сюда теперь. Правда, братоубийца, повредившись в уме, иногда заманивает сюда кого-нибудь или неожиданно обнаруживает беззаботных путников, вроде вас. Тогда он усыпляет их и убивает спящих пробойником...

Ремина рванулась изо всех сил, и ей удалось избавиться от цепкой руки Гранеля. Тот поднялся не спеша и проговорил:

— А если кто не засыпает, тем он отрубает головы. Вот так.

Он взмахнул рукою, и вдруг плащ соскочил с



гарды меча, а меч задрожал с тихим визгом, вышел из доски и прыгнул Гранелю в руки. Плащ тем временем, стелясь по полу, подобрался к ногам Ремины, облепил их — он оказался противно-теплым на ощупь — и она, споткнувшись, упала на колени.

Гранель одним прыжком оказался у нее за спиной и взмахнул клинком.

* * *

Конану снилось, что он попал в ледяные чертоги Крома. Там шел нескончаемый пир, гремела воинственная музыка, девы с крепкими грудями разносили пирующим хмельной мед и пиво.

Завидев Конана, гости стали шептаться между собой. Огромный, могучий, страшный и прекрасный бог поднялся со своего трона, оглядел вошедшего и загремел голосом непереносимой силы:

— Что ты здесь делаешь, мальчишка? Тебе еще не время околачиваться среди взрослых! Убирайся обратно, щенок!

Конана охватил такой трепет, что сонное зелье испарилось из его крови. Он проснулся.

То, что открылось его взору, заставило варвара окончательно прийти в себя. Неизвестный совершенно явственно собирался ударить Ремину мечом, а та, парализованная страхом, даже не кричала.

Размышлять было некогда. Конан покатился по полу, вытаскивая при этом свой меч из но-



жен. Он успел как раз вовремя и рубанул незнакомца прямо по ногам. С воплем тот подломился и рухнул, Ремина наконец завизжала и побежала на четвереньках, пытаясь содрать плащ, спутавший ее ноги.

— Что же я буду делать без ног? Будь ты проклят! — скрежетал поверженный, извиваясь на полу.

Меч, который он выронил, поднялся и повис в воздухе без посторонней помощи, затем острием нацелился Конану в живот и полетел быстрее стрелы.

Но варвар парировал его на лету столь сильным ударом, что он вошел в пол под углом, погрузившись в дерево более чем на половину клинка. Немедленно колдовской меч стал дрожать — пытался вырваться, но безуспешно.

Плащ освободил ноги Ремины и, взмахнув лопатами, словно летучая мышь, метнулся, чтобы накрыть голову Конана. Варвар уклонился. Плащ ударился о стену, отскочил, вновь подпрыгнул и был рассечен надвое острым, как бритва, мечом Конана. Обе половины принялись скакать по полу, при этом из них брызгала кровь. Двумя отчаянными пинками варвар отправил их в пламя очага. Там они зашипели, и едкое зловоние распространилось по зале.

— Тебе конец! — вскричал Конан, и его клинок пригвоздил залитого кровью противника к полу. Гранель зашипел, скорчился, и на глазах у своего победителя превратился в скелет, покрытый кое-где ошметками стгнившей плоти.



— Интересные у тебя знакомые, — сострил Конан. — А почему карликовый оруженосец арыхнет, пока тебя пытаются убить?

Не дожидаясь ответа, он схватил спящего Гизмунда за ноги и рывком поднял над полом. Гизмунд пробудился и мгновенно заверещал.

— Отпусти! Что ты себе позволяешь? Я тебе все кости переломаяю! — вопил он, размахивая руками.

— Его околдовали, — сказала Ремина, придя в себя. — Как вовремя ты проснулся!

— Вовремя? — заорал оруженосец. — Он должен был храпеть до завтрашнего вечера!

— Почему? — осведомился Конан.

Гизмунд сразу замолчал.

— Где герцог? — продолжал спрашивать варвар, сердясь не на шутку. — Если ты не скажешь, я буду бить тебя головой об пол, и ты станешь от этого еще короче. Ну?

— Не надо! — вмешалась Ремина. — Тебя усыпили, чтобы спасти. Пристав из города был здесь. Он сказал, что твоя подруга схвачена, и сегодня, после вечерней стражи, ее четвертуют. Герцог из благодарности к тебе решил спасти ее, а тебя опоил зельем, чтоб ты не появлялся в Галпаране.

— Со стороны герцога это очень любезно, — молвил варвар, поставив Гизмунда на голову. — Но он не учел одного обстоятельства. Если меня куда-либо не пускают, я делаю все, чтобы туда попасть.

Оруженосец, кувыркнувшись, ловко встал на ноги.



— Что тут произошло? — спросил он, оглядев залу.

Меч Гранеля, торчащий в полу, дернулся еще пару раз и вдруг мгновенно растекся лужицей грязной воды.

Конан освободил свой клинок, без всякого почтения пнул оскаленный череп упыря-братоубийцы, поднял с пола свой плащ и набросил на плечи.

— Я знаю не больше твоего, — ответил он. — Пусть Ремина расскажет тебе. А мне пора.

— До вечерней стражи не так уж много времени, — заметила Ремина. — Ты не успеешь.

— Ха! — сказал варвар и вышел.

Скоро женщина и оруженосец слышали нервное ржание его лошади и удаляющийся стук копыт.

— Может быть, он и успеет, — хмыкнул Гизмунд. — Прости, что я настаиваю, но все таки что случилось, когда я уснул? Герцог снимет с меня голову, если узнает, что ты была в опасности, пока я спал.

— Герцог не узнает, — ответила Ремина. — Только нужно прибраться здесь немного...

* * *

После обеда время тянулось медленно. Герцог Мироваль пошел прогуляться. но улицы, запруженные людьми, раздражали его. Мастеровщина толпилась, купцы громко разговаривали противными голосами, будто у каждого в глотке застря-



ла жирная котлета. Покупатели, слонявшиеся из лавки в лавку, были не лучше — они то и дело останавливались посреди улицы и вдумчиво начинали созерцать вывеску или образец товара, выставленный на обозрение.

Горожане представлялись герцогу единым живым существом, бесформенным, безмозглым, но удивительно кипучим по натуре своей. Люди, живущие в городах, обладают потребностью чувствовать локоть соседа — поэтому они охотно образуют толпы, очереди и вечную, бессмысленную давку.

На площади Примирения артель городских дворников готовила дощатый помост для казни. Они скоблили потемневшее дерево, мыли его до блеска и украшали черными креповыми гирляндами. От их деловитости Мироваля затопнило, и он направился обратно в гостиницу.

Скоро туда же явился Гаттерн.

— Как настроение твоей светлости? — осведомился он.

— До чего противный ваш городишко, — скривился герцог. — Если бы весенняя, разжиженная земля вдруг поглотила бы его без остатка вместе со всеми торгашами, палачами и отвратительными нищими, сама природа вздохнула бы с облегчением.

Пристав обиделся.

— Это, знаешь ли, кому что нравится. Я бы не смог жить в какой-нибудь дыре, откуда нужно два года ехать за новыми башмаками и где самому приходится делать колбасу, сыр и вино. Гал-



паран — обычный город. Не лучше, но и не хуже многих других.

— Не обращай внимания, — сухо извинился Мироваля. — Мне не по себе. Города подавляют меня. Сегодня, слава богам, я покину Галпаран и долго еще буду объезжать городские стены стороной.

Со двора гостиницы слышался громкий шум. Голос хозяина, дребёжащий, но настойчивый, тонул в женском сердитом крике.

Мироваля насторожился.

— Знакомые интонации, — произнес он.

Пристав пошел посмотреть, в чем дело.

Четверо крепких носильщиков с городскими бляхами на груди стояли подле огромного, роскошно сработанного паланкина, украшенного графской короной и гербом. Полог со стороны, обращенной к трактирщику, был распахнут. В паланкине, обложенная парчовыми подушками, восседала дама лет тридцати. Лицо ее слишком было ухожено, чтобы оставаться красивым. А визгливый голос, от которого чесалось все внутри, никак не вязался с короной и гербом — он больше подошел бы испитой торговке селедками на задах большого рынка.

— Это невыносимо! — кричала женщина. — Я ничего не желаю слушать. Ты знаешь, к кому я приехала, голодранец? Я приехала навестить брата! Ему стоит щелкнуть пальцами, как твой хлев и ты вместе с ним исчезнете, даже пылинки не останется.

— Отчего бы тебе, уважаемая, сразу не по-



ехать к брату? — гнул свое хозяин. — Гостиница занята.

— Осел! Я должна привести себя в порядок или нет?

— Не могу это знать, не моего ума дело.

— Животное!

Мироваль выглянул из-за плеча пристава и присвистнул.

— Боги на нашей стороне, — шепнул он. — Знаете, кто это? Графиня Этер, урожденная Дорсети. Соучастница злодеяний, лавочница, купившая титул, жена моего бедного кузена. У меня есть одно желание, и я его исполню...

— Кажется, я все понял, — ответил Гаттерн. — Хорошо. Ваш ход.

— Эй, милейший! — крикнул герцог. — Впусти эту почтенную и знатную особу.

— Дорогой родственник! — воскликнула особа. — Какое счастье, что ты здесь!

Она выскользнула из паланкина и приблизилась. Ее фигура правильной полноты и очертаний все же не была привлекательной. Она казалась заемной, чужой, будто ее купили у какой-нибудь бедной красавицы. Двигалась графиня Этер очень неестественно, потому что тщательно изображала женственность.

— Вообрази, в городе новые порядки! — жаловалась она. — Меня заставили отпустить своих носильщиков и нанять этих, из здешнего цеха. А они такие нерасторопные! У брата в доме, говорят, был пожар. Я не могу его нигде отыскать. И племянник тоже пропал. Со мною приехала боль-



шая бочка с особым травяным маслом, он им приторговывает — а девать ее некуда. Я и оставила прямо у городских ворот. Ах, что я тебе говорю! Тебя, герцог, не волнует какое-то масло!

— Почему же, это интересно, — тихо произнес Мироваль.

Пристав заметил, что герцог бледен от бешенства.

— Я тебе подыграю, — шепнул Гаттерн и обратился к «графине»: — Входи и располагайся, уважаемая. Я — пристав городской стражи и беру тебя под охрану. Твой брат и его сын зверски убиты. Та же участь постигнет и тебя, если ты не будешь осторожна.

Женщина вдруг покачнулась и в обмороке упала на руки стражника. Ее втащили наверх, в свободную комнату, и уложили на кровать.

Спустившись в залу, герцог и пристав нервно вздохнули почти одновременно.

— Ближится время второго обеда, — сказал Гаттерн. — Сейчас главный обвинитель и его советник Шпигел сидят за столом в особнячке на улице Роз и ждут жаркого.

— Ну и что? — спросил Мироваль, недоумевая.

— Они не должны присутствовать на казни, — ухмыльнулся стражник. — Иначе все сорвется.

— Неужто мы подумали об одном и том же? — поразился герцог.

— Так бывает среди преступников. Хорошие сообщники действуют, не сговариваясь. Почему бы не перенять их приемы?



— И ты согласен пойти на это?

— Графиня, насколько я понял, — соучастница чудовищного зверства. По отношению к ней это будет только справедливо, — молвил Гаттерн, улыбаясь одними глазами. — Действуй, твоя светлость.

* * *

Конан оказался у стен Галпарана точно к вечерней страже. По пути он придумал, как попасть в город, минуя ворота. Попадаться стражникам варвару вовсе не хотелось.

Под городом протекала небольшая подземная речка. Когда-то она была многоводной, и русло ее представляло собой порядочный тоннель. Однако речка захирела, и жалкий ручеек теперь еле сочился по дну этого тоннеля.

Тоннель имел несколько выходов на поверхность, один из которых был в самом центре города. Туда сваливали всякие отбросы. Оставив взмыленную лошадь на попечение кладбищенского сторожа, варвар обошел большую мусорную свалку, спустился в овраг и вошел в подземелье.

Когда-то в этой клоаке обитало целое племя отчаявшихся подонков. Отбросы человечества жили среди бытовых отбросов. Тут были свой король, свои законы, своя мораль... Они редко бывали на поверхности, но одним своим существованием очень мешали жившим наверху. Обитатели подземелья пытались стрепить силами город-



ской стражи, но ничего путного из этого не вышло. Тогда бургомистр заключил договор с неким колдуном, который приманил в подземелье миллионную армию крыс. Крысы съели всех дочиста, а потом пожрали сами себя. С тех пор тоннель был необитаем.

Конану случалось тут бывать, и он ориентировался в подземелье так же свободно, как и на поверхности. Довольно скоро он был у нужного выхода. Сверху доносился шум голосов и шарканье тысяч ног, что говорило о близости площади Примирения. Заметив решетку, запертую висячим замком, варвар выругался. Но отступать было нельзя. Внимательно оглядев решетку, Конан заметил, что она просто врыта в землю. Ухватившись за осклизлые прутья, варвар рванул их сильнее, и спустя мгновение выход был открыт.

— Как хорошо, что все подрядчики — жулики, — пробормотал Конан себе под нос. — Честный подрядчик укрепил бы решетку камнями и возиться пришлось бы долго.

Толпа у помоста собралась значительная. Конан распихивал ее локтями и подбирался поближе к месту казни. Четкого плана у него не было. Если герцог не смог освободить Зонару, то ему придется в одиночку нападать на целый отряд стражи, а потом еще и спастись. Толпа тогда послужит хорошим прикрытием — в ней можно легко затеряться. Но сейчас она очень мешала.

Впрочем, Конан протискивался сквозь нее столь бесцеремонно и яростно, что ему скоро стало уступать дорогу. К тому же после пребывания



в городской клоаке одежда варвара источала тяжелые запахи, и горожане стремились отойти от него подальше.

Выбрав место, откуда удобнее будет броситься в атаку, Конан стал ждать. За его спиной оказался громоздкий паланкин, весь увешанный разноцветными гербами.

На помосте тем временем палач в блестящем черном фартуке и маске демонстрировал публике свои зловещие приспособления — клещи, уже раскалившиеся на углях, нож с волнистым лезвием и тяжелый, остро отточенный топор.

Распорядитель казни с озабоченным видом бежал через оцепленный, свободный от толпы участок между помостом и трибуной городского магистрата. Во-первых, почему-то задерживалась повозка с приговоренной, во-вторых — опаздывали главный обвинитель и его советник.

Послышался нарастающий гул толпы, и распорядитель вздохнул с облегчением — везли преступницу.

Очевидно, страх приближающей смерти заставил ее сопротивляться — она была связана по рукам и ногам. На голове у нее был плотный серый мешок. На помост осужденную буквально внесли на руках.

Бургомистр махнул распорядителю рукой — пора начинать. А главный обвинитель завтра получит строгий выговор. Распорядитель торжественно вскрыл свиток с приговором и, надсаживаясь, стал читать:

— «С поличным пойманная воровка Зонара



признана виновной в убийстве Дорсети, отца и сына, а также солдат охраны, числом семнадцать, и предается казни!»

Осужденная завизжала очень громко и забилась в руках палача, который собирался снять с нее веревки.

— Я не Зонара! — кричала она. — Я никого не убивала! Отпустите меня!

Конан остолбенел: даже когда Зонара очень сердилась, ее голос был не так противен.

Палач выдал ей затрепину, и она перестала кричать и дергаться, только глухо скулила. Развязанные руки бессильно повисли вдоль тела. Заплечных дел мастер сдернул мешок с головы жертвы, показалось ее лицо, опухшее, заплаканное, расплывшееся.

— Я — сестра Дорсети, — сказала она плачущим шепотом.

— Конечно, золотко мое! — ответил палач и сорвал с нее рубашку.

— Кром! — не удержался Конан. — Это не она!

— Ну конечно, котенок, — послышался из паланкина знакомый голос. — Полезай ко мне, я соскучилась. И лучше бы тебе не высываться наружу.

Варвару пришлось сложиться втрое, чтобы поместиться в недрах паланкина, не придавив своей сообщницы.

— Герцог — ловкий малый, — сообщила Зонара с восхищением в голосе. — Он блестяще все обстрипал! Когда меня повезли какими-то переулками, возок попал в затор. В мешке-то была



дырка, и я все видела. Валялись какие-то бочки, ящики, кругом стояли телеги, кареты — все кричали, словом, столпотворение! Герцог с видом чрезвычайно важным высунулся из паланкина и наорал на солдат — те бросились растаскивать бочки... А сам он мигом отвязал меня, велел прыгнуть в паланкин, а оттуда выволок эту гадину, сестрицу Дорсети, уже связанную и в такой же рубаше, как и я, и усадил ее вместо меня. Никто ничего не заметил, даже носильщики, потому что паланкин встал к возу впиртык. Теперь он ожидает меня у северных ворот, и нам, кажется, пора.

— Эй, слуги! К воротам! — прикрикнула Зонара.

Носилки оторвались от земли и поплыли, раздвигая плотную толпу.

Тем временем последние приготовления к казни были завершены. Поставленная на колени, привязанная к толстым деревянным опорам, урожденная Дорсети расширенными глазами смотрела на палача, повернув голову, — тот зашел ей за спину, вынул из жаровни добела раскаленные щипцы, клацнул ими в воздухе.

Аже-Зонара зажмурилась и набрала в грудь побольше воздуха. Через миг отчаянный вопль пронесся над толпой. Паланкин, покачиваясь, удалялся с площади.

* * *

— Любопытно, — произнес Гаттерн, — почему четверо дюжих молодцов еле-еле тащат палан-



кин, в котором сидит одна далеко не толстая женщина?

Это было перед самыми северными воротами. Герцог держал Снежка в поводу и поглаживал его по морде. Он догадался, в чем дело, и ему было смешно.

Пристав подошел к паланкину и рывком распахнул занавес. Увидев варвара, он отступил на шаг, ощерился и сердито зарычал:

— Конан, ты же знаешь, что я всегда держу слово!

— Господин стражник, простите вы его пожалуйста! — затараторила воровка. — А я тебя благодарю...

— Сам сдашься, или позвать солдат? — продолжал Гаттерн. — Думай быстрее!

— Мне не хочется убивать тебя, но я это сделаю, — в ответ оскалился Конан. — Я не давал тебе слова больше не приезжать, Кром свидетель.

— Прекратите, господа! — поморщился герцог. — Это все бессмысленно. Пристав, ты не можешь арестовать варвара, пока он сидит в паланкине.

— Это почему?

— Видишь, на нем герб графа Этер, моего кузена.

— Ну и что?

— Паланкин — его собственность, кусочек его суверенной территории, — пояснил Мироваль. — Территория эта неподвластна городу Галпаран.

Гаттерн, красный и взмокший, выдохнул через силу.



— Будем прощаться, — продолжал герцог. — И не сердись. Уж я-то еще долго не попадусь тебе на глаза.

Покачив головой, пристав махнул рукой караульному. Ворота раскрылись. Носильщики оставили паланкин за воротами и вернулись в город.

Конан выбрался из паланкина и протянул руку, чтобы помочь Зонаре.

— Знаешь, Гаттерн, когда-нибудь я буду королем всех этих мест, — произнес он. — И жизнь здорово изменится. Многие потеряют свои должности. Но не ты.

— Чего только не услышишь в час ночной стражи, — ухмыльнулся пристав и направился к себе в караульное помещение.

— Прощай, господин вор! — Герцог вскочил в седло, и Снежок унес его на встречу с любимой женщиной.

— Моя лошадь у кладбищенского сторожа, — сказал варвар, обращаясь к Зонаре. — Пойдем. Деньгами поделюсь, как и обещал. Попробуем раздобыть тебе одежду и обувь, а то в тюремной рубашке ты будешь привлекать внимание.

Ночь стояла свежая, но Зонаре было жарко от пережитых волнений. Она прижалась щекой к плечу варвара, и ей казалось, что после долгих лет пути она наконец дома. Зонара знала, что чувство это скоро пройдет, но горечи не было.

— Знаешь, — произнесла она, — я брошу ремесло воровки. Иначе когда-нибудь мне не повезет с сообщником.

Конан одобительно заворчал.



— Открою школу для детей, как дядя Гинко. Буду растить гимнастов, танцоров... А ты куда пойдешь? — спросила Зонара, останавливаясь.

— Не знаю пока, — отвечал он. — Ближайшую ночь или две проведу с тобой, ну а там видно будет...

— Идет! — Зонара хлопнула его по плечу.

* * *

В это самое время городской обвинитель Маркус и маг-советник Шпигел сидели в обеденном зале в полной темноте, связанные спина к спине. Шпигел жалобно вздыхал и сопел, а Маркус отчаянно пытался почесать нос собственным коленом.

— Кто же это был? — спросил он.

— Грабитель, я думаю, — Шпигел снова вздохнул.

— А почему он ничего не взял? Это странно, очень странно...

— Экий у тебя беспокойный нрав, — пробормотал Шпигел.

— А ты не вздыхай так сильно — мне веревка в живот врезается! Почему бы тебе не избавиться нас от пут магическим способом?

— Каким? — Шпигел подумал с минуту. — Может, огненным шаром? Веревку он испепелит мигом, но и нас поджарит изрядно.

— Тогда не надо. — Маркус снова попытался почесаться. — Все не так плохо, коллега, — прошептал он внезапно. — Мы не пошли на эту ужас-



ную казнь. По уважительной причине! А утром горничная нас освободит.

— Жаркое до этого времени совсем зачоченет, — мрачно произнес маг-советник.

— Зато с холодной телятиной ничего не делается! — убежденно проговорил городской обвинитель Маркус и принялся весело насвистывать «Балладу о стройной деве». Слуха у него не было совершенно.



Запах мертвых



Есть в Бритунии маленькие городишки, неказистые и не очень богатые, но такие уютные и славные — кажется, век бы там провел, если бы не тяга к путешествиям! Создается впечатление, будто жители таких городков никогда не видели нищих; если и посещают их беды, то очень быстро забываются, затягиваются каминной золой.

По праздникам там пекут белый хлеб и пироги; вечерами люди собираются в таверне — выпить вина или доброго эля и поболтать о разных приятных мелочах. Правитель такого городка представляется человеком крайне симпатичным, и обитает он не в грозном замке на горе, что главенствует над местностью, словно орел, облетающий свои владения, а в большом и красивом дворце, что выстроен прямо на главной городской площади.



Вот таким чудесным, спокойным уголком был некогда городок под названием Кой.

Где те времена!.. Одиноким путник, медленно объезжающий улицы Коя на большом вороном коне, не без удивления оглядывался по сторонам. То, что представляло его взору, не имело, как он думал, человеческого объяснения. Здесь поработала черная магия, не иначе. Чем же объяснить вид этих домов, покосившихся, облупленных, кривобоких? И добро бы такое было только на городских окраинах, в местных трущобах, где обитает нищий, беспутный люд! Нет, в полном запустении пребывали некогда крепкие, добротно выстроенные дома. Кое-где еще сохранились украшения. Путник не смог удержать горькой усмешки, когда увидел на одном фасаде облезлую русалку, вырезанную из камня и в свое время раскрашенную. Красный рот русалки расплылся и измазал подбородок, как будто чей-то кулак разбил красавице губы, синяя краска с глаз, в свою очередь, пустила потеки на щеку, словно там наставили синяков. В другом месте лепнина в виде цветов имела ошипанный вид — не иначе кто-то гадал, обрывая лепестки, «любит — не любит». А рядом — ставни, висящие на одном гвозде, отвалившиеся куски штукатурки, протекающие крыши.

Но ужаснее всего были в этом городе люди. Нигде в мире, кажется, путешественник не встречал столько горбатых, хромых, кривых, кашляющих кровью. Каждый попадавшийся ему на улице человек страдал каким-нибудь тяжким неду-



гом. Горожане торопливо шаркали по грязной, разбитой мостовой, норовя поскорее юркнуть в какую-нибудь дыру. Можно подумать, они чего-то боятся.

Из-за окон, затянутых бычьим пузырем вместо стекла, то и дело кто-то выглядывал. Это были испуганные, болезненные взгляды. Всадник хмурил черные брови на загорелом лице. Ему здесь очень не нравилось. Он спешил поскорее миновать проклятое место. Он не собирается здесь останавливаться — благодарю покорно! — и пища здешней вкушать тоже не будет.

Самый воздух здесь, мнится, отравлен. К сожалению, не дышать человек не может...

Рослый, красивый молодой мужчина сердито щурил глаза — ярко-синие, холодные, словно снег на вершине гор. Ему вдруг показалось, что он участвует в чем-то недостойном.

Впечатление это усилилось, когда он проезжал мимо таверны (здесь была даже таверна! при одной мысли о том, какие блюда могут подавать в подобном месте, всадника мороз пробрал). Какой-то человек, оборванный и тощий, выскочил оттуда, как ошпаренный, и, размахивая тонкими костлявыми руками, бросился прямо под копыта лошади.

Всадник натянул поводья, но недостаточно быстро. Раздался слабый, жалобный крик — замурышка попал под копыта.

— Кром! Проклятье! — сквозь зубы выругался молодой человек. — Только этого не хватало!

Если ему приходилось убивать противника в



бою, совесть его оставалась совершенно спокойной. Он мог, наверное, даже зарезать спящего, если был уверен в том, что этот спящий — законченный негодяй. Впрочем, последнее спорно, поскольку подобного опыта у юноши пока что не было. Но сбить с ног заморыша, который и без того одной ногой стоит в могиле...

Проклиная все на свете, всадник спешил. Пострадавший лежал на растоптанном грязном снегу. Вокруг его головы расплывалась угрожающая красная лужа.

— Надеюсь, ты жив, — проворчал пришелец. — А если помер, туда тебе и дорога.

Но бедняга еще дышал. Его широко раскрытые глаза, в которых явственно читался ужас, глядели прямо на незнакомца.

— Прости... — пролепетал он.

— Да уж, — фыркнул пришелец. — Клянусь Кромом, ты выскочил так неожиданно!

— Прости... — повторил бедняга и потерял сознание.

Молодой человек подхватил его на руки и ногой открыл дверь таверны.

Зрелище, представшее его взору, напоминало кошмарный сон. В темном, закопченном помещении, под низким потолком, собралось около двадцати посетителей. Кругом горели факелы, но они так чадили, что, казалось, не прибавляли света, а лишь сгущали тьму. В очаге шевелились языки темного пламени. Они лениво обхватывали днище огромного котла, где исходило паром неаппетитное варево.



На стенах висели «украшения»: грязные тележные колеса, запыленные рыбацкие сети, несколько гарпунов с обломанными зубцами и безнадежно тупой меч с рукоятью в виде оскаленной пасти дракона. Нужно ли говорить о том, что бывшее великолепие этой рукояти облупилось, облезло и приобрело жалкий вид.

Скамьи, выставленные вдоль стен, равно как и столы, массивные и прочные, еще держались, но и они уже покосились, а некоторые сгорбились.

Но ужаснее всего были здесь сами люди. Они теснились друг к другу — увечные, безглазые, с язвами на щеках, с текущим из ушей гноем... Никто не брезговал — все были одинаково отвратительны. Пришелец даже не мог решить, кто из них страдает больше.

Он остановился на пороге, держа пострадавшего, точно ребенка. Ноги-палочки и истощенные руки раненого болтались, как плети.

— Привет, — хмуро проговорил чужак. — Меня зовут Конан. Я из Киммерии. Этот человек неожиданно выскочил прямо перед моим конем. Заберите его.

В полном безмолвии он прошел через таверну и уложил бедного уродца прямо на столы, опрокинув при этом несколько шербатых глиняных кружек и разлив жидкое пойло, которое хлебали посетители таверны.

Темная кровь все еще вытекала из раны. На голове была рассечена кожа, но казалось, будто череп проломлен — рана имела устрашающий



вид. Волосы, серенькие и реденькие, слиплись, лицо, и без того несчастное, превратилось в сущую маску страдания. Казалось, бедняга вот-вот испустит дух.

— Делайте с ним, что хотите, — проворчал Конан. — Вы здесь все на людей-то не похожи... Я не знаю, может, то, что помогло бы мне, этого бедолагу просто убьет.

— Ты так думаешь? — нарушил молчание один из сидевших за столом. Он говорил тихо и спокойно, как будто вид людей с проломленным черепом и рослых незнакомцев для него самое привычное дело.

— Ну, не знаю, — немного смутился киммериец. — А ты что посоветуешь?

— Надо перевязать ему голову. Промыть рану. Посмотрим, может, нет опасности для жизни... Хотя тут все опасно для жизни. Наверное, ты это уже понял, Конан из Киммерии.

— Понял, — хмуро сказал Конан.

— За работу! — слабым голосом распорядился говорящий. Это был горбун с очень длинными руками и печальным, красивым лицом, наполовину скрытым под космами нечесаных волос, похожих на войлок.

Кругом зашевелились, закопошились. Принесли лампу, которая добавила к чаду вонь прогорклого масла. Вытащили корзину с мятыми влажными тряпками. «Все, что осталось от старины Моки», — пояснил невнятно горбун. Конан не стал уточнять, что именно имелось в виду.

Рана действительно была совсем не такой



страшной, как казалась на первый взгляд. Конан умело промыл ее, выказывая сноровку; присутствующим заправским костоправам и опытным воинам. Повязка быстро пропиталась кровью.

— До свадьбы заживет, — мрачно пошутил варвар.

Никто даже не улыбнулся. Кругом вздыхали и сопели, обмениваясь жалобными взглядами. Один из местных жителей вынул из уха кусок тряпки, пропитанной гноем, и, пользуясь тем, что вытащили корзину «старины Моки», добыл себе свежий лоскут.

— Ладно, — сказал наконец Конан. — Вижу, что все у вас в порядке. Знаете, друзья мои, я бы хотел поскорее уехать.

«Друзья» печально, с пониманием закивали. По стенам таверны заплясали лохматые, жуткие тени, и Конан мог поклясться, что слышит, как ухнула и тяжело переступила сова — обительница чердака.

— Это твое право, чужеземец, — заговорил уродец с вытянутой головой и бледным, отечным лицом. — На твоём месте любой бежал бы очертя голову из этой слезной обители.

Подобные слова Конан воспринял как вызов. Любой другой, может быть, и бежал бы от неведомой опасности, но киммериец — никогда.

— Скажи, любезный, — произнес Конан немного изменившимся тоном: теперь он говорил вкрадчиво и даже как будто ласково, — что в этих слезных краях такого, что может заставить меня бежать отсюда, да еще очертя голову? Я ду-



мал, здесь просто... э... плохая погода или что-то в этом роде. Может быть, повальная болезнь.

Все дружно закачали головами. Все, кроме одного, — кособокого старичка с бородой, которая росла у него тоже на сторону. Этот закивал, медленно и торжественно.

— Что-то не так? — Конан показал на старичка. — Он считает, что я прав?

— Нет, просто у него шея почти не поворачивается, — объяснил длиннорукий горбун. — На самом деле он тоже с нами согласен.

Конан пристально посмотрел на старичка. Тот зажмурился и молча продолжал кивать.

— Ответь! — обратился к нему киммериец.

— Он немой, — сказал горбун.

Конан провел пятерней по непокорной гриве смоляно-черных волос.

— Клянусь яйцами Крома, здесь у вас творится какая-то чертовщина! Сдается мне, не обошлось без этих вонючих колдунов.

— Тише! — закричали сразу несколько человек. — Не говори так!

Один даже повалился на колени и заплакал.

— Здесь же все свои, — успокоительно молвил варвар и уселся за стол с видом решительным и мрачным. — Ладно, поговорим начистоту. Если в этой таверне сидит какой-нибудь приспешник мерзкого колдуна — тем лучше. Пусть все слышит. Пусть сообщит своему хозяину, что явился Конан-киммериец, который ненавидит — слышите, вы? — ненавидит проклятых чародеев и уничтожает их везде, где только встречается. Ну а если



такового здесь нет — тоже неплохо. Поговорим без посторонних. Я слушаю.

И он расставил локти на столе пошире, всем своим видом показывая, что обосновался всерьез и надолго.

Уродливые человечки пошутукались и, как по команде, сдвинулись поближе к Конану. Заговорил горбун — видимо, он был у них заправилкой — а остальные то и дело кивали или вставляли слово-другое.

* * *

Несколько десятков лет тому назад город Кой действительно был очень хорош. Тихий, мирный городок, где каждый занимается своим ремеслом. Славился Кой прежде всего ткаными гобеленами; но были здесь и искусные строители, и плотники, и даже один переписчик книг, который умел рисовать замечательные узоры в виде фантастических зверей, заплутавших в зарослях несуществующих растений.

Правителем городка был человек по имени Созо. Его дворец, чуть больше домов, принадлежавших состоятельным горожанам, был самым красивым зданием в городе. Фасад его украшали забавные лепные ящерки, резвящиеся над входной дверью, а на крыше имелся позолоченный флюгер в виде дракона с причудливо завернутым хвостом.

Чем занимался Созо в своем чудесном дворце — никто толком не знал. Под его управлением го-



родок процветал. Каждый из его жителей был погружен в собственные дела и заботы и мало интересовался тайнами сильных мира сего. А Созо был сильный — в этом ни у кого сомнений не возникало. Чем иначе объяснить то обстоятельство, что королевские сборщики налогов никогда не заглядывали в Кой и нашествия иноземцев обходили его стороной, так что о бедствии узнавали только потом, когда заезжал в Кой какой-нибудь торговец редкостями и сообщал новость. Тогда горожане собирались в таверне «Колесо и сеть», принадлежавшей старику Моке, качали головами и дружно пили за здоровье своего правителя, который так ладно умеет устраивать дела.

Примечательным было еще вот что. Никто и никогда не переступал порог дворца Созо. Правитель обходился без прислуги. Он сам запрягал белую лошадку в карету, сам седлал гнедого, если хотел проехаться верхом, сам готовил себе еду, даже на рынок ходил сам. И всегда он был весел и приветлив со встречными людьми, всегда в хорошем настроении. Никто и не припомнит, чтобы Созо хмурился или не ответил тому, кто с ним заговорит.

Бедствие случилось одним ненастным вечером, когда в таверне заночевал одинокий всадник по имени Чорсен. Так он себя называл. Говорил, будто сбился с пути. А едет, мол, в Нумалию — у него там невеста. Как же! С самого начала стоило понять, что этот Чорсен врет. Нумалия — совершенно в другой стороне. На восток отсюда. А он двигался в западном направлении. Но жители



Коя настолько привыкли к благоденствию, что даже не задумались над этим несоответствием.

Чорсен был высок ростом и крепок, хотя до Конана ему, конечно, далеко. Наутро он проснулся еще до света и отправился — ни много, ни мало — во дворец к Созо.

Правитель не запирает дверей. Он знал, что никто из горожан не посмеет потревожить его покой. Но приходец — другое дело. Для таких нет ничего святого, и даже порог чужого дома им не преграда. Чорсен, не задумываясь, вломился в жилище правителя и принялся бродить там и осматриваться по сторонам, приглядывая, чтобы такого поценнее украсть.

Да, этот рослый, красивый, располагающий к себе молодой господин был обыкновенным вором!

Правитель Созо как раз спускался по лестнице с чашкой горячего молока в руке. Он собирался завтракать перед началом долгого дня, который он, несомненно, намеревался посвятить добрым делам.

И застал Чорсена врасплох. Тот как раз складывал в мешок статуэтки из чистого золота, что украшали каминную полку Созо.

— Что ты здесь делаешь, юноша? — заговорил Созо.

(«Кстати, откуда известны все эти подробности? — не удержался Конан. — Кто-нибудь при этом присутствовал?» Однако рассказчики принялись дружно уверять киммерийца, что в рассказе горбуна все доподлинно верно, потому что



кое о чем поведал горожанам мальчишка по имени Чача — сорванец подсматривал, взобравшись на дерево, за Чорсеном.)

Чорсен не стал тратить времени на оправдания. Молча он выхватил из-за спины длинный двуручный меч и набросился на хозяина дворца. Созо легко уклонился и брызнул горячим молоком в глаза своего противника. Грабитель взвыл. Пенка залепила ему ресницы, веки нестерпимо жгло. Тем временем все вокруг переменялось.

Когда Чорсен с трудом раскрыл глаза и поднял меч, чтобы нанести следующий удар, он в ужасе закричал: со всех сторон его окружали совершенно одинаковые Созо. Их было не меньше одиннадцати. Тогда-то и стала понятна тайна правителя: он обходился без слуг, потому что мог воспроизводить самого себя в любых количествах, ему потребных. Именно поэтому, кстати, правитель ухитрялся быть вездесущим, ведь нередко так случалось, что в одном конце города он улаживал ссору между двумя почтенными горожанами, в другом — уговаривал молодую девушку не бежать из дома вслед за любовью, которая предстала ей в лице бродячего торговца цветными лентами, но повременить и избрать себе более достойного жениха.

Все эти одиннадцать Созо с одинаковой улыбкой на губах наступали на незадачливого грабителя. Он заорал и нанес удар первому попавшемуся — тому, что оказался ближе. Раздался грохот, как будто разбилось зеркало, и один из Созо исчез бесследно. А прочие даже не дрогнули.



Еще один удар — еще одно исчезновение. Улыбка стала шире.

Обезумев от ужаса, грабитель бил и бил мечом, не разбирая, кого он разит — человека, призрака или хрупкие предметы обстановки. Пол усеивали черепки дорогих ваз, обломки тонконогих столиков, порванные гобелены.

Наконец Чорсен опустил меч и, тяжело дыша, огляделся. Еще несколько Созо смотрели на него пристально, и грабитель почувствовал, что под этим взглядом он сходит с ума.

— Будь ты проклят, колдун! — взревел он, снова поднимая свой меч.

— Ты вор? — осведомился Созо.

Чорсен резко повернулся в сторону голоса.

— Да! — с вызовом ответил он.

— Если ты нуждаешься в средствах, в одежде или пище, ты мог бы просто попросить. Я никому не отказываю, — молвил Созо.

— Если ты колдун, то твоя цена окажется куда выше... одежды или пищи... — с трудом переводя дух, откликнулся грабитель. — Нет уж! Лучше я сам возьму все, что мне нужно.

— Посмотрим, что ты нашел, — хмыкнул другой Созо, в то время как третий принялся рыться в мешке, который бросил вор. — О, это то, что нужно такому человеку, как ты! — воскликнул он, вытаскивая золотые статуэтки.

Четвертый Созо сделал несколько движений руками, а пятый — он только что спустился по лестнице и с любопытством наблюдал за происходящим — пропел несколько стихов на неиз-



вестном языке. Статуэтки внезапно ожили. Золото стекло с них, как вода с просаленного бурдюка. Крошечные лошадки, миниатюрные пастушки и совсем маленькие овечки и собаки разбежались во все стороны.

— Хорош бы ты был, если б унес их отсюда! — укоризненно произнес первый Созо. — Ведь они живые! И у тебя поднялась бы рука разлучить девочку с ее овечками, а собаку — с ее приятелем-пастухом? Какой ты злой, жестокий человек, Чорсен!

— Откуда ты знаешь мое имя? — прохрипел вор.

Все Созо разом рассмеялись. Чорсен отчетливо слышал, как еще несколько голосов переговариваются у него над головой, на верхнем этаже, и ничуть не сомневался в том, что там находятся еще Созо.

Мир закружился вокруг грабителя. Ему вдруг показалось, что во всей вселенной не осталось никого, кроме него самого и бесконечных Созо. Нет ни мужчин, ни женщин, ни детей — только одно это бесконечно ненавистное лицо с такими добрыми глазами, такой мягкой улыбкой и гладкой кожей.

— Нет! — вскрикнул Чорсен.

Внезапно он заметил, что один Созо все-таки отличается от остальных. То ли шире улыбается, то ли глаза чуть больше прищурены. И с воплем неистовой ярости грабитель метнулся к нему, целя прямо в грудь правителя.

Он не ошибся. Тотчас все прочие Созо исчез-



ли, бесследно растаяв в воздухе. Остался этот один. Теперь его улыбка больше не была доброй. Это был застывший зверский оскал.

— Давай, бей! — тихо, властно выговорили резко очерченные губы, не переставая улыбаться.

И грабитель, не в силах удержать разящего меча, вонзил клинок в грудь правителя.

Пальцы Чорсена судорожно сжимали рукоять. Он попытался выпустить меч, но неведомая сила не позволяла ему это сделать. Какая-то магия приковала человека к его мечу.

И началось ужасное.

Жизненные силы начали стремительно покидать Чорсена. Он слабел. Меч в его руке становился все жарче и наконец раскалился докрасна. Созо глядел прямо в глаза своему незадачливому убийце, и в глубине глаз мага начинал загораться огонек, в то время как взор Чорсена заволакивало туманом.

Теперь он почти ничего не различал перед собой. Только в голове еще гудели невнятные голоса, как будто переговаривались. Один раз он услышал звонкий женский голос, произносящий имя... кажется, то было имя женщины, которую он когда-то любил... Она жила в Нумалии... Она давно умерла... умерла...

Тело Чорсена обвисло на клинке. Маг медленно поднял обе руки и обхватил меч. Острое лезвие впилося ему в ладони, но крови не выступило. Резким движением маг выдернул меч из своей груди и оттолкнул прочь Чорсена. Грабитель упал бездыханным. Он так и не выпустил руко-



яти. Губы его еще раз шевельнулись, и сердце остановилось.

— Ступай на Серые Равнины! — с отвращением прошипел Созо. Теперь, когда он, чтобы не погибнуть, вынужден был завладеть жизненными силами чужого ему существа, голос его переменялся. Больше не стало звучного, приветливого голоса, так хорошо известного всему Кою. Маг шипел и хрипел. Голосовые связки отказывались повиноваться чужому дыханию. Сердце то стучало как бешеное, то почти замирало. Теперь он видел мир глазами Чорсена. То, что прежде имело ценность как произведение искусства или как нечто магическое, теперь — с изумлением отметил Созо — рассматривалось им также с точки зрения рыночной стоимости.

Он громко застонал, удивляясь тому звуку, что исторгают его уста. В свое время Созо, подобно другим своим собратьям по магическим искусствам, интересовался некоторыми теоретическими вопросами. В частности, он пытался исследовать проблему взаимоотношений тела и души. Большинство магов считали тело и душу двумя практически самостоятельными субстанциями человеческой личности. Они смело изымали душу и использовали тело, вселяя в него демонов, вызванных из иного мира. Иные ставили опыты над душой.

Но Созо, умирающий от клинка грабителя, поневоле сделал еще одно открытие. Если вселить в собственное тело чужую жизненную энергию, то часть физических и нравственных харак-



теристик будут присвоены оживленным таким образом телом. Он подумал: «Неплохо бы это сформулировать и изложить в трактате», но затем его захлестнули мысли Чорсена.

Он вспомнил все. Вспомнил, как юная девушка из Нумалии любила его. Любила таким, каков есть. Она происходила из хорошей семьи. Естественно, ее родичи были против подобного брака. Какой-то бродяга, грубиян, с отвратительными манерами, с запахом изо рта! И тогда она решилась бежать с возлюбленным — с Чорсеном. Он должен был ждать ее в условленном месте, а он... Стыдно сказать, он пил в таверне и забыл. Просто забыл.

Когда он вспомнил и прибежал туда, где у него была встреча с красавицей, то никого там не увидел. «Передумала, — подумал он. — Обыкновенная ветреная шлюшка. Не больно-то я был ей нужен. Если бы любила — дождалась бы!».

А она была в это время уже мертва... Веревка, на которой девушка спускалась из окна своей спальни, оборвалась. Эту веревку принес ей Чорсен. Принес первую попавшуюся, не проверенную.

Узнав обо всем, он тотчас покинул Нумалию. Он скитался по свету, пытаясь убежать от собственных воспоминаний, от чувства вины, которое непрерывно глодало его. Он совершал различные преступления, в основном мелкие, но иногда и убивал. Он жил кражами, грабежами, изредка присоединялся к шайкам разбойников и нападал с ними на караваны.



Но непрерывно болела в его душе страшная рана — вина перед любящей женщиной. И теперь, погибая от магии Созо, Чорсен передал эту боль своему убийце.

Часть низкой души Чорсена оказалась достаточно большой, чтобы исказить внутреннюю сущность Созо.

Правитель Коя вовсе не был злым. Он обладал своеобразным чувством юмора, старался помогать людям — ему нравилось жить в комфортном, чистеньком городке и пользоваться уважением его добропорядочных обитателей. Теперь все переменялось.

Но перемены затронули нечто большее, нежели одну только личность Созо. Как заразная болезнь, они расползлись из его дворца по всему городу.

Стала портиться погода. Мелочь? О, нет! Климат сделался гнилым. Возможно, в здешних краях он всегда был таковым. Возможно. Недаром прежде здесь никто не селился. Да и сам город не зря стоит вдали от торговых дорог. Пока не появился в этом уголке Бритунии маг Созо, нога человека не ступала по землям, что чуть позже замостили брусчаткой и застроили домами.

Теперь магию, улучшающую климат, Созо больше не поддерживал. Он только тем и занимался, что разбирал в своем особняке «старый хлам» и подсчитывал богатства. Он размышлял также о том, нельзя ли вызвать из Серых Равнин душу погибшей девушки, оживить ее магическим образом и наконец заключить с нею брач-



ный союз, которого она так жаждала и ради которого отдала свою юную жизнь.

Туманы затягивали город, дожди непрерывно мочили его, а когда не было дождей, начинался снег. Лед сковывал мостовые и дома, а потом разламывал их. От сырости гнили древесина и ткани. Люди начали хворать. Дети рождались больными, многие кашляли и погибали на второй, третий день жизни.

Участились несчастные случаи. Скоро костоправ не знал отбоя от пациентов. Но почему-то кости срастались неправильно, и увечные оставались калеками на всю жизнь. У некоторых раны на теле не затягивались и гнили. Началось повальное выпадение зубов. Кое-кто неудержимо толстел, другие худели и превращались в ходячие скелеты...

* * *

— Но почему же жители не оставили Кой? — поразился Конан. — Если здесь творится неладное, стоит все бросить и бежать куда глаза глядят! Разве мало в Бритунии мест, где нужны мастера? Если вы все действительно такие хорошие мастеровые, то любой из вас найдет и место где жить и работу себе по душе!

— Так-то оно, конечно, так, — покачал головой горбун. — Но сам посуди. Бежать! А как бросишь дом, имущество? А если жена больная или не хочет уходить? Родители старые — их как оставить?



— А телеги на что? — настаивал Конан. — Станные вы люди! Барахло, нажитое за несколько поколений, дороже вам собственной жизни. Помрете — и на что вам тогда будет все это барахло?

— Ты умен, юноша, — вздохнул горбун. — Ты силен. А мы слабы и немощны. Мы страшимся дороги. Ведь никто из нас никогда не покидал Коя. Мы даже не знаем, в какую сторону идти, чтобы выбраться на большую дорогу.

— Да в любую! — взорвался Конан. — Никогда не видел столько нытиков! На вас глядеть противно! Ладно, рассказывайте дальше.

Но оказалось, что ему уже почти все рассказали. С каждым годом характер Созо становился все хуже. Он все больше забывал себя прежнего и погружался в неисследованные дебри ненависти к человеческому роду. Теперь он уже и сам не знал, для чего нужно ему вызвать на землю невесту Чорсена, — ради былой любви или из желания еще больше помучить ее.

Он оставил город и поселился далеко в лесу, в густой чаще, куда нет дороги. Но месья его непрерывна: дожди не прекращаются, сырость и туман разъедает легкие людей и построенные ими дома, а время от времени из лесов наползает ядовитые испарения, которые приносят с собою поварные болезни.

— Я так понял, что Созо следует убить, — сказал Конан задумчиво. — Другого выхода у нас нет. Изгнать из него душу Чорсена — все равно что прикончить мага, не так ли?



— Все возможно, — осторожно согласился горбун. — Мы ведь тут не знатоки магии...

Конан поднял черную бровь.

— Да? А вас послушать, как вы тут излагаете про жизненные энергии и Серые Равнины, — так очень даже знатоки... Ладно, я ведь тоже не знаток. По мне так, пусть магов вовсе не будет. Кто-нибудь знает, где находится логово Созо?

Повисло молчание. Слышно было, как ветер завывает за ставнями.

Тут в задымленное помещение, сгибаясь в три погибели, вошло диковинное существо со странно вывернутыми руками. Приглядевшись, Конан понял, что это все-таки человек. Искалеченный почти до неузнаваемости, однако человек.

— Это здешний конюх, — пояснил горбун. — Некогда попал под телегу. Его долго вытаскивали, потом лечили, но все его кости срослись неправильно и в иных местах торчат, грозя проткнуть кожу.

— Господин! — тонким плачущим голосом вскричал конюх. Подпрыгивающими шагами он с трудом добрался до середины зала и там остановился. Конан вдруг понял, что конюх обращается к нему. — Я хотел поймать твою лошадь! Привязать, накормить... но она сбежала. Животное сильнее меня, господин. О, что мне делать?

Он зарыдал, глядя в пол и трясясь. Конан с ужасом смотрел, как на сторбленной спине подпрыгивают лохмотья.

— Теперь уж ничего не поделаешь, — угрюмо отозвался киммериец. — Бессловесная скотина —



и та умнее вас. Поняла, что отсюда нужно уносить ноги, и чем скорее, тем лучше. А вы сидите и ждете, пока сгниете заживо.

— Мы бессильны, — повторил горбун. — В определенной степени мы всегда были творениями Созо. Нам трудно разорвать эту связь. Да и имущество — дом, хозяйство, старые родители...

— Это я уже слышал, — проворчал варвар. — Обывательские разговоры. Ладно, подумаю. Вы проводите меня в логово колдуна?

Все опять замолчали.

— Мне нужен проводник! — повысив голос, произнес киммериец. — Иначе я отказываюсь помогать вам.

После долгой паузы в темном углу что-то закопошилось, и на свет выбрался человек, который еще ни разу не вступал в беседу. Это был коренастый, скособоченный, но крепкий мужчина лет пятидесяти с виду.

— Меня звать Дирон, — представился он. — Тележник.

Конан важно кивнул ему.

— Ты знаешь дорогу к новому дому колдуна?

— Подозреваю, — сказал Дирон. — Это в лесу. Я ходил за деревьями и кое-что видал.

— Хорошо. — Конан поднялся. — Выходим немедленно и покончим с этим.

— А сборы? — засуетился горбун. — Какой-нибудь еды на дорогу? А оборудование?

Конан презрительно плюнул.

— Сборы — встать да пойти, понял? Оторвать задницу — вот и все сборы. Припасов ваших мне



и даром не надо. Конан из Киммерии тухлятиной не питается. Поймаем в лесу какого-нибудь зайца. А оборудование... — Он похлопал ладонью по ножнам с мечом. — Вот мое оборудование! Все, хватит болтать. В путь!

Он подтолкнул тележника в шею, как будто погонял его на каторжные работы, и оба покинули таверну.

* * *

Лес начинался сразу за городом. Дышать здесь было немного легче, хотя туманный холодный воздух обжигал легкие и казался густым. Но, по крайней мере, не было удушающего дыма.

Да и человеческое жильё, запущенное и разваливающееся, действовало на Конана дурно. Как будто находишься в одной комнате с умирающим.

Тележник Дирон топал, высоко поднимая ноги в сапогах. Он почти ничего не говорил, только время от времени останавливался и вертел головой, как будто прислушивался или принимался к чему-то.

— Что ты высматриваешь? — спросил Конан, тоже останавливаясь.

— Сам не знаю, — признался Дирон.

— Ты мне лучше скажи, — посоветовал варвар. — Будем высматривать вместе.

Дирон, подняв голову, глянул на своего рослого спутника. Конан выглядел достаточно диким, чтобы учуять врага прежде, чем тот даст о



себе знать неосторожным движением или звуком. Тележник вздохнул.

— От жилья Созо дух особый... Иногда мне чудится, будто ветер его приносит. Такой странный дух... Не знаю, с чем сравнить. Иногда в тележной мастерской так пахнет, когда делаешь дорогой возок и покрываешь лаком...

Конан честно попытался представить себе, как пахнет в тележной мастерской, но увы — эти усилия не увенчались успехом.

— Ладно, ведем, — проворчал он. — Долго идти-то?

— Откуда мне знать! Я ведь никогда там не был. Просто предчувствие.

— Ну хотя бы приблизительно?

— Приблизительно... Может быть, до вечера доберемся. А может, и к утру следующего дня. А если заплутаем, то через пару дней. Я ведь не знаю, Конан, где это находится. У меня просто...

Он запнулся.

— Предчувствие, — заключил за Дирона киммериец и похлопал тележника по плечу, твердо, как булыжник. — Я понял.

* * *

Опыты Созо близились к завершению. В глубине пещеры горел огонь, озаряя красноватым светом жилище мага: смятые и изрядно подгнившие звериные шкуры, служившие ему постелью, несколько вырытых в земле и обмазанных глиной ям, в которых находились различные суб-



станции, десяток грубо вылепленных глиняных горшков, мешок, набитый различными травами и кореньями. Созо, оборванный, отошавший, с безумно горящими глазами расхаживал взад-вперед по пещере с книгой в руках. То и дело он заглядывал туда и повторял одну и ту же фразу на древнем лемурийском языке. И каждый раз, когда слова давно отзвучавшей речи вновь сотрясали воздух, языки пламени взвивались почти под самый потолок пещеры.

Созо чувствовал лихорадочное возбуждение. Осталось совсем немного. Он уже ощущал ветер, доносящийся с Серых Равнин, и чей-то невнятный зов. Многие он позабыл за эти годы. Но только не лицо девушки. Оно так и стояло перед внутренним взором — мага и Чорсена, теперь уже обе эти личности были слиты воедино.

Он пытался вспомнить ее имя. Это давалось ему труднее всего. Чорсен и сам забыл, как ее звали. Только лицо и зовущий голос. Ему виделось во сне, как она падает. Веревка обрывается, и девушка летит вниз, на мостовую. В темном воздухе развеваются ее светлые волосы, ее длинное белое платье. И было-то невысоко, но она неудачно упала, прямо на спину, и сломала себе шею. В раскрытых глазах — кроткий упрек. Эти глаза преследовали Чорсена даже после того, как он пробуждался от собственного крика.

Но как же ее звали? Созо решил отправиться на Серые Равнины, отыскать там бритунийку и спросить ее об имени. Может быть, она ему напомнит. Он представится другом Чорсена.



Только одно тревожило Созо. Вдруг там, на Серых Равнинах, он будет выглядеть как Чорсен? Тогда она не ответит ему на вопрос об имени. Тогда она плюнет ему в лицо.

Но попробовать стоило. Созо выкрикнул последние несколько заклинаний, и из пламени вдруг поднялся могучий вихрь. Все тело мага охватило жаром, а затем вокруг встала стена огня. Он несколько раз жадно вдохнул воздух и... перестал дышать.

Постепенно огонь рассеивался, как рассеивается туман. Стало очень тихо. Созо обнаружил, что находится в совершенно незнакомом месте. Мир сделался плоским и утратил цвет. Все предметы обладали различными оттенками серого. Ни белизны, ни черноты. От тишины закладывало уши.

Потом где-то вдалеке начал звучать голос. Созо напряг слух и в конце концов различил чье-то пение, тонкое, на высокой пронзительной ноте. Оно звучало то тише, то громче, но всегда на одной и той же ноте, словно балансируя на тонком канате.

От этого звука по коже пробежали мурашки. Созо понял, что ему холодно, поежился, но одежда больше не согревала его.

Он не мог разобрать, в чьем облики оказался здесь, на Серых Равнинах. Где-то поблизости бродили демоны. Маг ощущал их присутствие, но разглядеть пока не мог. У него было очень мало времени. Следовало поторопиться и найти девушку как можно скорее.



Он шагнул вперед. Пейзаж изменился. Только что здесь не было ничего, и вдруг показались кусты. Тонкие голые ветви яростно сплетались между собой, как будто пытались одолеть, переломить друг друга. Следующий шаг. Книжные полки, вершина которых теряется под небесами. Созо протянул руку, чтобы взять хотя бы один том, но почувствовал под пальцами пустоту.

— Иллюзии! — прошептал он.

— Иллюзии! — шепнул в ответ леденящий душу голос, и перед Созо показалась отвратительная морда демона. Оскалив острые клыки, демон захохотал.

— Кто ты? — спросил Созо.

— Ха-ха! — отвечал демон. — Дурак! Глупый колдун!

— Заклинаю тебя богами Лемурии! — крикнул Созо.

Демон замер, озадаченный. Не давая ему опомниться, маг метнулся в сторону, и густая серая пелена скрыла от него демона. Созо не знал, как долго он продержится.

Бормоча заклинания, он побежал, не разбирая дороги. Иллюзии возникали и рушились, но Созо больше не обращал на них внимания. Он бежал на голос.

Теперь он был уверен в том, что голос принадлежит девушке. Той, которую он ищет. Созо никак не мог объяснить свою уверенность. Это знание пришло само собой, как будто со стороны.

Вскоре мгла расступилась, и он увидел женскую фигуру. Лицо ее было закрыто плотной ву-



алю. Женщина пела, то пронзительно, то тихо. Затем она замолчала. Абсолютная тишина окружила двоих на Серых Равнинах. Мир как будто скрылся. Созо не мог бы сказать, что находится на расстоянии вытянутой руки от него. Эта зыбкость, неопределенность мира, окружающего его, страшила, делала мага неуверенным в себе и своих действиях.

Тем не менее он сделал еще один шаг вперед.

— Чорсен, — выговорила девушка и вдруг отбросила с лица вуаль. Созо увидел ее лицо, очень бледное, покрытое мертвенной серостью, но все же прекрасное и невинное. Ни упрека, ни страха не было на этом лице. Одна только чистая радость встречи с возлюбленным. — Ты пришел... — произнесла она тихо.

— Я пришел, как и обещал, — подтвердил Созо. Красота невесты Чорсена заворожала его. На своем веку маг повидал немало привлекательных женщин, но ни одна из них не обладала этой юной, нетронутой чистотой, которая была чем-то большим, нежели обычная телесная девственность — это было целомудрие любящей души.

«Нельзя оставлять ее здесь, — подумал Созо. — Это было бы преступлением.»

Он решительно протянул руку и взял ее за холодные влажные пальцы.

— Идем.

Она пошла за ним так доверчиво, что Созо хотелось плакать. А ведь он до сих пор так и не узнал ее имени.

— Назови свое имя, — приказал Созо и почув-



ствовал, как рука девушки дрогнула в его ладони. — В чем дело? — спросил маг чуть более резко, чем намеревался.

Она высвободилась и остановилась. Созо тоже остановился. И хотя оба они не двигались, фигура девушки начала стремительно удаляться от него, а пространство между ними тотчас заполнил клубящийся туман.

— Ты забыл мое имя? — крикнул издали отчаянный голос. — Ты забыл мое имя?

— Это правило! — прокричал Созо. — Каждый называет свое имя сам! Таково правило! Умоляю тебя, назови свое имя!

Он затаил дыхание, ожидая: поверит ли погибшая этому обману.

Она поверила.

Почти мгновенно она вновь оказалась рядом с ним. Глаза ее сияли.

— Прости, что усомнилась в тебе, — прошептала она, а затем чуть вытянула шею и прокричала, обращаясь к пустому пространству: — Поликсена! Поликсена! Поликсена!

— Поликсена, — повторил Созо, обнимая ее с облегчением. В этот миг он знал, что облегчение испытывают сразу двое: маг-Созо и грабитель Чорсен.

* * *

— А там что? — спросил Конан, когда после долгого дня пути они с тележником добрались до расчищенной площадки посреди леса. — Не похо-



же на обычную поляну. Смотри, тут какие-то камни.

— Скоро начнется цепь холмов, — объяснил Дирон. — Там есть пещеры. Думается мне, в одной из таких пещер и обитает теперь наш Созо. Туда мы и направляемся. Запах становится сильнее. Чувствуешь?

Конан принялся, но ничего не уловил.

Затем киммериец наклонился и принялся рассматривать камни, разбросанные по всей поляне. И чем больше он смотрел, тем больше хмурился.

— Погляди-ка, — обратился он к тележному мастеру. — Ты ничего странного в них не замечаешь?

Тележник опустился на колени, разгреб руками снег и жидкую грязь, ощупал один камень, потом второй. Когда он с трудом поднял голову, лицо его было бледным.

— Это старые надгробия, — прошептал Дирон.

— Разве ты не знал о том, что у вас в лесу какое-то заброшенное кладбище? — удивился Конан.

— Нет... Никто не знал. Это какие-то непонятные письмена... Смотри, какие буквы. Ни одной не разберу, а ведь я умею читать.

— Значит, не на всех языках.

— Такого языка не существует! — убежденно произнес Дирон. — Может быть, это лемурийский язык. Странно, что раньше никто не находил этого кладбища.

— Кто знает, возможно, оно вышло на поверхность, повинувшись приказам Созо, — предположил



Конан. — Маги подчас делают очень и очень странные вещи.

— В таком случае это означает, что Созо использует мертвецов, — прошептал Дирон. — Мне страшно даже подумать об этом.

— А мне нет, — объявил Конан. — Лично я устал и собираюсь провести ночь где-нибудь поблизости.

— Не надо! — силно вскрикнул Дирон.

— Боишься мертвецов? — осведомился киммериец.

— Да, боюсь! Здесь замешана какая-то страшная магия, Конан! Мертвецы обладают таинственной силой, и некоторые маги умеют пользоваться ею.

— Да, и они называются некромантами. Встречал я таких. И убивал везде, где только видел.

— Но мертвых убить нельзя! — причитал тележник.

— Ты предпочитаешь, чтобы они разгуливали под луной по этому кладбищу, а потом, одной чудесной ночью, нанесли визит в ваш очаровательный городок? — осведомился Конан. — Ты только скажи — и я оставлю мертвецов в покое. Пусть себе гуляют.

— Что ты предлагаешь? — сдался Дирон.

— Спрячемся и посмотрим, что тут творится, — предложил Конан. Он ободряюще улыбнулся своему спутнику. — Не бойся. Ты ведь разбираешься в запахах. Если почуешь мертвецов, будешь знать, чего нам ожидать.

Дирон бледно улыбнулся в ответ.



* * *

Ждать пришлось недолго. Едва только над верхушками деревьев показалась луна, окруженная бледно-желтым сиянием, как на поляне началось движение. Поначалу, как почудилось Конану, зашевелился воздух над разломанными могильными камнями. Затем сдвинулись камни и на поверхности земли показали отвратительные руки-плети, покрытые остатками гниющей плоти.

Конану действительно уже доводилось иметь дело с оживающими мертвецами, и он не испытывал суеверного ужаса перед ними. Киммериец был человеком простым и мыслил он тоже просто: мертвые должны лежать в могилах, живые — ходить по земле, пить вино, есть мясо, заниматься любовью, а колдунам в подлунном мире вообще делать нечего.

Сейчас ему предстояло сразиться с мертвецами и отправить их обратно под землю. Он обнажил меч и приготовился.

Мертвецы собирались в круг. Смерд стоял невыносимый. Медленно начали они кружение по поляне.

Мимо Конана и Дирона, притаившихся среди кустов, проплывали костлявые ноги, распластаные, как у лягушек, ступни. Мертвецы что-то пели тихими, приглушенными голосами. Затем их движения ускорились. Теперь они подпрыгивали при каждом шаге и вопили, словно земля, покрытая подтаявшим снегом, холодной грязью и



мерзлой, пожухлой травой кусала их за пятки и обжигала.

Затем круг танцующих рассыпался, и из земли, высунувшись до середины туловища, поднялся еще один мертвец. Безошибочно повернув голову в ту сторону, где скрывались Конан и его спутник, мертвец заговорил.

— Чужак!

Голос его, казалось, звучал из самой преисподней, таким холодным, равнодушным и серым он был. «Как будто жуешь сырую вату», — подумал Конан с отвращением.

— Уходи, чужак! — повторил голос. Теперь Конан не сомневался, что доносится звук издалика. У этого истлевшего трупа давно уже нет голосовых связок, и воздух не наполняет распавшиеся легкие. Нет, с Конаном разговаривает кто-то иной, кто находится совершенно в другом месте.

— Для чего тебе труп? — спросил Конан, чуть высунувшись из кустов и повышая голос. — Выходи, поговорим один на один!

— Я отвечаю тебе через своих слуг, — с трудом двигая челюстью, ответил скелет. — Убирайся отсюда. Я не стану с тобой разговаривать. Я занят. Уходи. Ты чужой. Ты ничего не знаешь о происходящем. Если тебе дорога твоя жизнь, убираться из моих владений, ты, мясистая туша варвара!

— За «тушу» ответишь, гнилой кусок свинины! — зарычал Конан.

Он выхватил меч и бросился на мертвецов. Испуская ликующие вопли и удирая в притвор-



ном ужасе, они принялись носиться по поляне, а Конан, с развевающимися черными волосами и сверкающими синими глазами, сам в лунном свете похожий на привидение, гонялся за ними с поднятым мечом. Прежде чем скелеты успели провалиться сквозь землю, киммериец разрубил несколько из них, и те рассыпались прахом.

— Тьфу! — плюнул киммериец, тщательно вытирая меч краем плаща. — Какая пакость!

— Не нужно было этого делать, — бормотал тележный мастер, весь дрожа. — Ох, будет большая беда, ох, не стоило нападать на них... Они ведь не люди.

— Ну да, — кивнул варвар, все еще свирепо шерясь. — Они давно покойники.

— Это лемурийцы.

— Ну и что? — Конан пожал плечами. — Какая разница! Главное, что их здесь больше нет.

— Созо сильнее, чем мы с тобой предполагали, — прошептал Дирон. — Боюсь, что тебе с ним не совладать, варвар. Беги, спасай свою жизнь. Мы обречены, но ты будешь жить и радоваться солнечному свету.

— Ты тоже, — хмуро обещал варвар. — Клянусь Кромом, теперь это моя война, и я этого так не оставляю.

* * *

В глубине пещеры Созо плюнул на магическое зеркало, с помощью которого управлял оживающими мертвецами. Теперь он знал, что варвар не



остановится. Рано или поздно этот громила-киммериец вломился в пещеру и попытается остановить его, великого мага Созо. Времени осталось совсем немного. Ведомые запахом мертвых, путники будут здесь через несколько часов.

Нужно торопиться.

Созо обернулся к ложу, на котором лежала Поликсена. Девушка казалась спящей. Здесь, в мире живых, она выглядела еще более красивой и хрупкой, чем на Серых Равнинах, хотя зло, обитающее по ту сторону бытия, не могло причинить ей ни малейшего вреда.

Длинные светлые волосы разметались по шкурам. Синеватые веки были неподвижны, ресницы, темно-каштановые, густые, веером лежали на бескровных щеках.

Созо метался по пещере, хватаясь то за одно, то за другое. Высушенные травы взлетали в воздух, наполняя пещеру сладковатыми ароматами. В огонь то и дело падали благовонные смолы, от чего пламя меняло свой цвет, становясь то синим, то фиолетовым, то багрово-красным. Тень мага, как безумная, носилась по стенам пещеры, и если бы здесь находился посторонний наблюдатель, он решил бы, что тень не поспевает за своим хозяином.

Сквозь зубы Созо непрерывно напевал заклинания. Он понимал, что оживленная Поликсена не будет уже той прежней девушкой из Нумалии, которая, полная радостных надежд и ожиданий, готовилась сделаться женой авантюриста и вора. Это будет зомби, ходячий мертвец, полно-



стью покорный воле того, кто вызвал его из небытия. И все же частичка прежней Поликсены, любящей и доверчивой, должна была сохраниться даже в зомби. Во всяком случае, Созо-Чорсен надеялся на это.

Лишь бы не помешал проклятый варвар...

А Конан был уже совсем близко. Он почти добрался до пещеры мага, когда — не человеческим разумом, но полузвериным инстинктом дикаря — вдруг почувствовал: рядом творится что-то неладное.

Внешне ничего не изменилось: все тот же безлюдный и безрадостный пейзаж. Теперь впереди можно было уже разглядеть холмы. В одном из них — пещера, прибежище мага. Отыскать ее — дело времени, причем совсем недолгого. Рядом с киммерийцем по-прежнему тащился тележный мастер. Конан несколько раз пристально всматривался в своего спутника. Варвар и сам не мог бы объяснить, откуда взялось это ощущение, однако ошибочным оно не было: своеобразный запах опасности исходил теперь от Дирона.

Разум Конана отказывался поверить в это. Дирон не мог завести его в ловушку. У покалеченного тележника не было ни единого шанса справиться с могучим киммерийцем, если дело дойдет до схватки — а Конан не станет колебаться, если заподозрит, что против него плетется какой-то заговор.

Но инстинкты дикаря вопили совсем о другом. «Опасность! Внимание! Опасность!» — кричало что-то в душе Конана, от чего волосы на его



загравке сами собою становились дыбом, как у волка.

Наконец киммериец понял, что смущает его. Запах. Теперь запах мертвечины явственно исходил от Дирона.

Конан остановился, едва эта мысль проникла в его сознание. Остановился и тележник.

— Что такое?.. — неуверенно улыбаясь, спросил Дирон.

Конан молча обнажил меч.

Тележных дел мастер отступил на несколько шагов.

— Что случилось? — пролепетал он.

— Нет, это ты мне скажи — что случилось? — потребовал Конан, направляя острое клинка к горлу своего спутника. — С тобой ничего странного не случилось, пока мы шли, а?

— Нет...

— Ничего такого, о чем мне следовало бы знать? — настаивал Конан.

Дирон залился горячими слезами и повалился на колени.

— Оно... оно меня укусило! — признался он. — Я боялся говорить тебе.

— А зря, — проворчал Конан. — Сказал бы сразу, отсекали бы тебе руку или ногу — был бы сейчас жив. Ты превращаешься...

— Я чувствую... — всхлипнул Дирон. — О, Конан, что со мной происходит?

— Ты разлагаешься, — спокойно ответил киммериец. — Ты полностью находишься теперь во власти мага. Я не могу рисковать, Дирон.



— Понимаю... — прошептал тележник и устремил на Конана умоляющий взгляд. Неожиданно в глубине его глаз зажегся яростный огонь, гримаса злобы исказила лицо тележника, и тот, испустив хриплый вопль, кинулся на Конана, норовя вцепиться когтями ему в горло.

Варвар отреагировал мгновенно. Отскочив на шаг, он взмахнул мечом и, не прерывая кругового движения, снес голову с плеч Дирона. Голова покатилась по снегу, яростно лязгая зубами. Конан увернулся от челюстей и вторым ударом рассек голову пополам. Брызнула отвратительная желтоватая жидкость. Челюсти еще раз шевельнулись и остановились. Безголовое тело несколько раз поскребло пальцами землю и тоже затихло.

Конан вытер меч и уставился на останки того, кто только что был его товарищем.

— Боги, что тут происходит! — проговорил киммериец, покачивая головой. — Неужели такое возможно, чтобы безумие одного мага заразило всю местность и всех людей, что живут поблизости!

Запах тления становился все сильнее. Еще мгновение — и он сделался невыносимым. Конан закашлялся, у него заслезились глаза. И тут он заметил нечто такое, от чего кровь застыла у него в жилах. Под стремительно истлевающей плотью открывался скелет.

Но это был не человеческий скелет. По большому счету, это и скелетом-то не являлось, — всего лишь каркас, выполненный из белого материала, похожего на кхитайский фарфор.



— Магия! — сказал Конан, произнося это слово как самое грязное ругательство из всех, что могли прийти ему на ум.

Он повернулся к останкам Дирона спиной и почти бегом направился к холмам.

* * *

Ресницы Поликсены затрепетали, губы слегка шевельнулись. Созо в нетерпении потер руки.

— Поликсена, Поликсена, — настойчиво звал ее маг, и девушка, отзываясь на этот голос, стонала и выгибалась всем телом. Еще одно усилие, последнее, — и она оживет. Сердце Чорсена все сильнее билось в груди мага. Созо чувствовал, как его захлестывают эмоции, прежде неизвестные магу, который всегда отличался холодным, рассудочным отношением к жизни и даже добро творил из соображений целесообразности. Ему хотелось петь, кричать, тормошить Поликсену — зачем она медлит, зачем не торопится воскреснуть и одарить его всеми радостями любви!

Он схватил горсть волшебных трав и изо всех сил размахнувшись швырнул их в огонь очага. Пламя взревело, в оранжевых языках зазмеились темно-лиловые полосы, замелькали золотые искры. Где-то далеко, на Серых Равнинах, отозвался ревом разъяренный демон, и этот звук заставил Созо торжествующе расхохотаться.

— Рев! — вскричал он. — Я вырвал у тебя твою добычу!

И тут странный сквозняк пронзил пещеру.



— Что?! — Созо резко обернулся.

Четко вырисовываясь на фоне более светлого прямоугольника входа, отпвырнув в сторону воловью шкуру, служившую занавесом, на пороге стоял человек. Его рослая, мощная фигура внушала страх. Тряхнув непокорной гривой смоляных волос, он сделал шаг вперед. Шкура упала за его спиной, и снова сгустилась темнота. Но теперь эта темнота — Созо знал — таила в себе опасность. И эта опасность, этот живой сгусток мрака, носил имя: Конан-киммериец.

— Что тебе нужно? — зашипел Созо. — Уходи! Убирайся, куда цел!

Конан, молча и совершенно беззвучно, передвинулся вперед. Созо ощущал его дыхание в пещере так, словно это был леденящий ветер.

— Уходи! — зашептал он в бессильной ярости. Он не мог отойти от Поликсены, не смел прервать заклинание. Малейшая неточность — и прекрасная гостья с Серых Равнин превратится в чудовище, смертельно опасное и отвратительное. При одной мысли о такой возможности у Созо сжималось горло, ему хотелось рыдать и стучать кулаками о землю. Почему все всегда происходит так невовремя!

Боги Бритунии! Прекрасные боги со звериными лицами! Богиня-лисица, сладострастная и нежная, с рыжим хвостом и лукавыми глазами, почему ты оставила меня? Он в безмолвии взывал ко всем божествам, какие только ему вспоминались. Все началось с того несчастного дня, когда Чорсен — проклятый дурак! — забрался к



нему в дом и вздумал угрожать мечом. Кому? Повелителю... тс-с! Даже в мыслях не следует называть всего того, что было сделано магом Созо. Это тайна, в которую никто не должен проникнуть.

А потом жизненная энергия Чорсена проникла в душу Созо и загрязнила ее — именно загрязнила, запачкала сильными чувствами, преступлениями, злыми выходками, жестокими словами, коварными поступками... Боги, всего не перечести! Но это был единственный способ остаться на земле и не исчезнуть навсегда в бесцветном мире, где стонут демоны и режут страшные чудовища.

Поликсена. Якорь спасения, чудо красоты и чистоты. Может быть, она спасет обоих, и Созо, и Чорсена. Может быть...

И вот теперь, когда до претворения в жизнь самого прекрасного из всех замыслов Созо-Чорсена оставался один шаг, в пещеру вломился этот верзила киммериец, этот безмозглый дикарь, которому неведомы ни страх, ни уважение.

Созо протянул руку по направлению к киммерийцу. С пальцев мага сорвалось пламя, однако в мелькнувшей вспышке, что на миг разорвала тьму, Созо заметил, что Конан легко уклонился от огненной молнии.

Поликсена снова застонала, и Созо быстро повернулся обратно к ней. Он снова забормotal заклинания, частью проговаривая, частью выпевая слова забытого языка. Сбиваться недопустимо. Созо соединил пальцы рук — это помогало ему



сосредотачиваться. Кончики пальцев все еще были горячими после заклинания летучего огня.

Конан сделал еще несколько шагов.

— Что ты делаешь с этой девушкой? — прогремел в пещере голос киммерийца.

Не обращая на него внимания, Созо продолжал петь. Поликсена начала корчиться. Ее веки дрожали, стремясь отлепиться от щек, но смертная тяжесть не позволяла им открыть глаза для земного света — пусть даже это будет тусклый свет от очага, горящего в пещере.

— Кажется, я задал тебе вопрос, колдун! — повторил Конан. — Что ты делаешь с этой девушкой?

— Пытаюсь ее оживить, — прошипел маг, опять прерывая пение. Поликсена зарыдала, не раскрывая губ. Тело ее сотрясали судороги, пальцы начали сгибаться и выгибаться. Аунки ногтей все еще оставались синими.

— Так же, как оживил этих бедняг-лемурийцев? — осведомился варвар, не выказывая ни малейшего почтения великому магу. — Или так, как оживил несчастного тележного мастера? Как его звали — Дирон, кажется, а? Чем ты здесь занимаешься?

Он потянулся за своим мечом.

— Не суди о тех вещах, которые недоступны твоему ограниченному рассудку, — заговорил Созо торопливо. — Если хочешь, можешь остаться и посмотреть. Пока я ничего больше сделать для тебя не могу. Я в состоянии испепелить тебя, дурак, но сейчас мне нельзя отвлекаться. Не бо-



ишься? Тогда оставайся и жди. Я освобожусь и займусь тобою. Если ты до тех пор не сбежишь.

Конан уселся на пол рядом с девушкой, скрестив ноги и положив поверх колен обнаженный меч.

— Я готов, колдун, — заявил варвар. — Продолжай свое колдовство.

Созо проговорил почти искренне:

— Я хочу, чтобы эти прекрасные глаза снова увидели дневной свет. Клянусь, не я стал причиной ее смерти. Я лишь пытаюсь исправить то, что было сделано давным-давно... совсем другим человеком.

— Работай, — фыркнул Конан. — Я хочу видеть, как ты трудишься.

Созо снова принялся петь заклинания. Пот градом катился по его лицу. Голос мага звучал то громче, то тише; мелодия то исчезала, словно речка в болоте, сменяясь монотонным бормотанием, то возобновлялась, еще более причудливой, чем прежде. Тени плясали на стенах пещеры, послушные голосу мага. Они то вздымались под самый потолок, то стелились по полу. Завороженный этим зрелищем, Конан вертел головой. Особенно нравились ему разноцветные искры, плясавшие в очаге. Однако варвар ни на мгновение не забывал о том, что имеет дело с могущественным колдуном.

Но... встречались ему и такие маги, что действительно заботились о людях. Преимущественно они занимались целительством. И — что немало важно — ни один из таковых не обладал сколь-



ко-нибудь существенным могуществом. Поэтому киммериец держался настороже.

А Созо, погрузившись в заклинания, совершенно забыл о варваре, который сидит рядом и наблюдает, не упуская ни одной мелочи. Душа его грозила разделиться, разорваться на части, и одна из этих частей — та, что некогда принадлежала Чорсену, — готовилась уйти в Серые Равнины, а вторая отправилась за подмогой в город Кой.

Последним усилием воли маг собрал обе половины души воедино. Он чувствовал, что изнемогает.

А теперь ему предстояло сделать один очень трудный для него выбор. А времени на то, чтобы все обдумать, оставалось крайне мало. Если говорить честно, то времени не было вовсе. Ему предстояло сейчас собственными душевными усилиями разрушить то, на создание чего он потратил многие годы.

Но выбора не оставалось.

Или Поликсена — или город Кой и его обитатели.

В конце концов, разве он, великий маг Созо, не властен над обитателями этого городка? Разве не его волей...

Размышлять некогда! Он призвал душу Чорсена и, воссоединив ее со своим телом, направил в другую сторону — к людям, в Кой. Сперва маг ничего не почувствовал. Он произнес несколько слов, немо шевеля губами. Затем громко вскрикнул и зашел. Теперь песнь изменилась — она зву-



чала грубо, дерзко, и Конан почувствовал, как мороз пробегает у него по коже.

Что-то страшное творилось у него на глазах. Варвар чувствовал это. Пещеру наполнил запах мертвечины. На краткое мгновение Конану показалось, что смердит тело девушки, что ее упругие щеки становятся дряблыми, как у трупа, пролежавшего несколько дней, а глаза вваливаются в орбиты, и зубы начинают выступать из беззубого рта.

Но это длилось всего лишь мгновение.

Затем трупная вонь сменилась ароматом цветов. На лице Поликсены выступил слабый румянец, ресницы ее вспохнули, и на киммерийца устремился тревожный взгляд зеленых глаз бритунийки. Конан был так потрясен случившимся, что не нашел ничего умнее, чем показать девушке подбородком на Созо.

Маг трясся с головы до ног, как в припадке падучей. Его волосы, мокрые от пота, свалились, одежда потемнела, пот бежал по вискам, заливал глаза. Зубы выбивали дробь, руки корчились и пальцы тискали в воздухе что-то невидимое. Затем он глубоко выдохнул, и внезапно дрожь прекратилась.

Поликсена подняла руку, посмотрела на нее — это была совершенная женская ручка, нежная, мягкая, с розовыми ноготками. Ручка юной девушки, никогда не знавшей, что такое домашнее хозяйство. Баловницы, любимицы семьи.

А затем эта рука обвилась вокруг шеи мага.

— Чорсен, — прошептали губы бритунийской



красавицы. — Все-таки ты пришел за мной. Ты пришел, как и клялся.

— Я клялся... — с трудом вымолвил Созо. Язык едва повиновался ему.

— Ты поклялся, что пойдешь за мной даже на Серые Равнины. О Чорсен, я счастлива!

И она заплакала. Заплакал и Созо, обнимая красавицу и прижимая ее к себе.

Конан поглядел на эту идиллию, а потом встал и вышел вон.

Он передумал убивать мага.

* * *

Дорога обратно показалась ему куда короче. Во-первых, Конан не плутал, как это делали они с беднягой Дироном, когда по запаху и смутным, неоформленным ощущениям искали холм, ставший убежищем для мага. Во-вторых, киммериец был один. Теперь ему не приходилось подстраивать шаг под коротенькие шажки своего низкорослого спутника, поэтому рослый варвар шел очень быстро.

Вот и поляна, где упокоились с миром лемурийцы. Горстку праха давно развеял ветер, а странный скелет Дирона занесло снегом, так что Конан даже не нашел его. Впрочем, надо отдать киммерийцу должное, он и не искал его. Незачем. Мертвое должно оставаться мертвым, повторил он еще раз, покидая кладбище.

Лес остался позади. Вот и Кой — точнее, место, где он находился... Но что это? Городок ис-



чез, как сквозь землю провалился. Ничего не осталось — ни домов, ни людей. Только расчищенное пространство, да еще брусчатка видна под снегом.

Бранясь, больше от растерянности, чем от гнева, киммериец принялся бродить по пустому месту, где теперь только ветер свистел, да летел в лицо мокрый снег с дождем.

Что это? Как это могло выйти? Вот здесь лошадь Конана сбила с ног какого-то замухрышку, а напротив была таверна...

Стоп. Конан вдруг остановился и присел на корточки. То, что открылось его взору, превосходило всякие ожидания. Конан мог еще предположить, что Созо убьет всех жителей подвластного ему города, высосав их их душ жизненную энергию — или как там они это называют. Но ЭТО...

Городок был здесь, он никуда не пропал, только сильно уменьшился в размерах. Теперь весь он умещался на пяточке размером с плащ Конана. Все дома были здесь, только крошечные. Вот и таверна «Колесо и сеть», а вон там — дом с облезлой русалкой... И флюгер на месте, миниатюрный, как и все прочее.

— Игрушка! — прошептал киммериец, пораженный.

Ему доводилось видеть, как для забавы очень богатых людей — чаще взрослых, чем детей, — создавались игрушечные домики и даже города. Все там было как настоящее, хотя маленькое: комнатки с мебелью, платица в шкафу, фигурки людей и животных.



— А где люди? — спросил Конан сам себя. — Не могли же они тоже оказаться игрушечными?

Увы, это предположение тотчас нашло подтверждение. Все фигурки были на месте. Неподвижные, раскрашенные, местами уже облупленные, они находились внутри домов. Когда Конан протянул руку и взял двумя пальцами за талию какую-то женщину, у которой одно плечо было выше другого, а длинный нос странно свесился набок, он почувствовал набитое тряпками туловище. Лицо было из кхитайского белого фарфора, волосы — из ниток. Конан так же осторожно водрузил куклолку на место.

— Над этим стоит подумать, — сказал варвар сам себе. — Получается...

Получается, что некогда Созо создал этого городок и его обитателей. А потом, когда случилась беда, начал с досады ломать собственные игрушки. Вот почему все жители Коя вдруг сделались больными, увечными и не могли поправиться. Более того — ни один из них не в состоянии был покинуть Кой. Конечно! Ведь ни одна игрушка не может сбежать из ящика, где хранит ее хозяин.

А потом, когда все жизненные силы, расточенные магом на его собственные творения, понадобились ему ради воскрешения погибшей девушки, он попросту забрал у своих игрушек то, что некогда, по щедрости, им подарил. Он забрал у них душу и вложил ее в Поликсену.

Теперь у него одна-единственная игрушка. Живая и настоящая. Умеющая любить.



Теперь ему больше не нужны жители Коя. И они превратились в ломаные, увечные игрушки, брошенные посреди леса.

Конан вздохнул и сгреб все, что попало ему под руку, в свой плащ. Завязав узлом, закинул за спину.

— Забавные кукляшки, — проговорил он. — Продам их в каком-нибудь городке. Бритунийцы любят диковины. Скажу, что привез их из Кхитая. «Город забавных карликов» или еще что-нибудь в таком роде.

Он зашагал прочь и вскоре вышел на большую дорогу.





Остров Забвения



Всю ночь бушевала буря, и стихла только к утру. Солнце едва показалось ослепительным краем над кромкой моря, и косматые черные тучи, словно испугавшись его, унеслись. Ветер помчался бедокурить в другие края. Отлив обнажил отмель, на которой лежали теперь клубки спутанных водорослей и всякие другие вещи, принесенные штормом.

Рыбачка Катэ славилась тем, что всегда успевала раньше своих подруг обойти пляж после бури, и самые ценные вещи доставались ее семье. В прошлый раз ее трофеи были особенно хороши — две превосходные бочки, изящный стул без одной ножки, роскошный кувшин, запечатанный воском, и большой сундук. В кувшине оказался клочок пергамента, исписанный кругом. Его бросили в огонь — вдруг на нем написано какое-ни-



будь заклинание? А кувшин дядя Эг приспособил под пальмовое вино.

В сундуке лежала книга с картинками, моток хорошей веревки, две свечи из сала неизвестного животного, полотняные штаны, подошедшие Симу, брату Катэ, нитки, несколько железных иголок для шитья (более прочные, чем иголки из рыбных костей, но не такие острые), связка бус из ярких, вкусных на вид камушков, огромные, как рыбаки лодки, башмаки с пряжками из тусклого желтого металла, темно-синий камзол из толстого сукна, маленькая белая перчатка на левую руку, ножницы, зеркальце и необычайно острый кинжал в лакированных ножнах. Все, кроме книги и башмаков, было важным и нужным. Башмаки обменяли: правый — на мешок пряных кореньев, а левый — на два крючка среднего размера.

Книга была очень красивая, картинки ее изображали диковинных животных, большие корабли, сражения, деревья, людей, одетых так, как одеваются на материке, и еще много чего. Книгу тоже хотели обменять, но дядя Эг сказал, что это просто глупо.

— Это удивительная книга! — объявил он. — Я буду рассказывать по ней всякие истории, пока мужчины отдыхают после ловли рыбы, а женщины чистят улов или чинят сети.

Так оно и было. Глядя на картинки, дядя Эг на ходу придумывал, что именно на них нарисовано, и каждый раз выходило по-другому. Семья слушала, затаив дыхание. Не прошло еще «Время



ветра-с-моря», как книга сделалась семейной реликвией. Избранные члены дружеских семей допускались к прослушиванию историй только по особым, праздничным случаям.

Интересно, что подарит море на этот раз? Катэ немного волновалась.

Сначала ей попалась тяжелая, толстая доска, украшенная двумя видами резьбы. Над ней потрудился человек, а после — червь-точильщик. Работа последнего была более искусной. Катэ оттащила доску к песчаному холму, на котором обычно сушились сети ее семьи. Потом долго ничего не находилось, но уже возле самых красных скал Катэ увидела утопленника. Это была скверная примета. Бедняга погиб этой ночью — он еще не распух. Странно было, что волны не превратили тело в лохмотья о береговые острые камни. Утопленник оказался очень крупным мужчиной. Одежды на нем почти не было — только короткие штаны из кожи тюленя. Он лежал на животе, уткнув голову в песок, разметав длинные, спутанные черные волосы. На спине у него лежал меч в ножных, привязанных к телу ремешками.

Мертвецу оружие ни к чему, а вот в хозяйстве такая штука просто незаменима. Можно, например, привязать его к длинной палке — и выйдет замечательный гарпун. Катэ обошла утопленника, склонилась над ним и, ухватившись за рукоять, потянула меч из ножен. Она немного боялась мертвого — и недаром: когда клинок высвободился наполовину, покойник неожиданно поднял голову и укусил Катэ за лодыжку.



Катэ завизжала и отпрыгнула на значительное расстояние. Впрочем, она была храбрая и убежать совсем не спешила. А утопленник, заворчав, совсем как тюлень, сел на корточки и принялся вытряхивать песок из ушей и волос. Ясно, что он был живой. Поглядев на девушку, он усмехнулся, и та окончательно расхрабрилась, подошла к нему и спросила:

— Ты потерпел крушение?

Оживший утопленник вслушался в ее слова, развел руками и замотал головой. Катэ повторила свой вопрос, медленно и раздельно выговаривая слова. Лицо незнакомца от напряженного внимания потеряло всякое выражение.

Девушка, чтобы помочь ему понять, указала пальцем в море. Черноволосый ухмыльнулся, два раза кивнул и тоже вытянул руку в сторону воды. Глаза у него были синие-синие, и это почему-то взволновало Катэ.

Голосом тягучим и густым он проговорил что-то непонятное и показал жестом, как будто пьет из большой раковины.

— Тебя мучает жажда, — догадалась рыбачка. — Пойдем, отведу тебя в деревню.

— Деревню? — повторил незнакомец, разводя руками.

— Да, в деревню. Ну, ты идешь?

Она ухватила его за руку и повлекла за собой. Он немного упирался и все время смотрел по сторонам, не переставая бормотать. Потом замолчал. Катэ обернулась и увидела, что он разглядывает ее ноги.



— Ты чего? — спросила она.

Незнакомец оглядел ее всю, улыбнулся широко, провел ладонями перед собой, словно оглаживая на себе женскую грудь, и жестом выразил восхищение. Катэ тоже захотелось улыбнуться, неизвестно из-за чего.

— Смешной, — сказала она.

— Смешной? — незнакомец ткнул себя в солнечное сплетение и прознес: — Конан!

— Ясно, — кивнула девушка. — Мое имя — Катэ.

— Ка-тэ! — странно улыбаясь, черноволосый коснулся пальцем ее левого соска. Палец был толстый, на вид — огрубелый, но прикосновение вышло нежным, и от него у Катэ зачесалось под кожей.

— Смешной, — повторила она и потащила его дальше через дюны. Ей было слышно, как черноволосый несколько раз, меняя интонацию, произнес слово «смешной».

Сразу за дюнами им навстречу попались Икэ, Вэр и Тиссэ — подружки Катэ. Увидев обоих, они громко засмеялись.

— Ай да Катэ! — кричали они. — Сначала нашла на берегу приданое, а теперь еще и мужчину! Ну да ничего! Он случайно не тритон? Намучаешься, когда будешь метать икру!

Катэ демонстративно отвернулась от них и зашагала дальше.

— Они — глупые, — сказала она Конану, который проводил подруг взглядом.

— Глупые, — повторил тот. — Смешные.



— Ну вот, ты все, оказывается, понимаешь. Идем, уже недалеко.

Дядя Эг оглядел приведенного, покнул языком и произнес:

— Это человек с материка. Я видел там таких, только на них было больше одежды и обувь, что, по-моему, очень глупо. Зачем им обувь? У них в городах на земле лежат округлые камни или гладкие плиты, а они ходят в башмаках. Посмотрел бы я на них на наших прибрежных камнях!

Катэ прервала его рассуждения.

— Он хочет пить и, наверное, голоден. Ты же знаешь язык людей с материка — вот и поговори с ним. Он уже немного понимает по-нашему, но ты больше о нем узнаешь.

— «Поговори»... Хм. Легко сказать. Давно я не был на материке, — пробормотал старик и поскреб пальцем блестящую коричневую лысину. — Ладно, я попробую, а ты принеси плодов хлебного дерева, пальмового вина и кусок вяленого тунца.

Сев перед Конаном на корточки, дядя Эг заглянул ему в лицо и спросил:

— Хочешь купить красивую раковину?

— Мне не нужна раковина, — ответил пришелец. — К тому же у меня нет денег.

— Что он сказал? — любопытствовал Сим, выглядывая из хижины.

— Благодарит нас за гостеприимство, — отвечал дядя Эг не моргнув глазом.

Огромный орех, доверху наполненный вином, Конан опустошил в три глотка и тут же вонзил



зубы в рыбу. Глядя на пустой орех, дядя Эг опечалился. А смуглая сухонькая Марга, мать Сима и Катэ, наоборот, обрадовалась и старалась угождать гостю. Жестами она объяснила, что вяленого тунца нужно сначала макать в пряный соус, а уж потом жевать. Конан с понимающим видом кивал.

— Он останется с нами? — с восторгом спросил Сим. — Вот здорово!

— Не спеши! — оборвал его дядя Эг. — Вдруг он захочет вернуться домой?

— А как он попадет на материк? Разве только на большом корабле из Бритунии, а когда он еще придет!

— Бритуния? — выговорил Конан с набитым ртом и сказал на бритунском наречии: — Здесь колония бритунцев?

Дядя Эг напряг все свои лингвистические способности. Бритунский диалект был знаком ему лучше остальных материковых языков, поэтому фраза вышла вполне осмысленная.

— Приходят морем, покупают рыбу, жемчуг, привозят ткани и вещи из металла, — произнес старик и, подумав, добавил: — Капитан Нэш, бритунец. Хороший человек.

Лицо Конана просветлело.

— Когда? — спросил он, но дядя Эг не смог бы ответить на этот вопрос, даже если бы владел бритунским диалектом в совершенстве.

— Да он, должно быть, ужасно сильный, — предположил Сим и потрогал бицепс на руке Конана. — Ого! Твердый, как камень. Он один смо-



жет вытащить полную сеть! Я тоже не слабак. Вот, смотри! — Подросток согнул правую руку перед лицом пришельца и продемонстрировал свои упругие, крепкие мышцы.

— Отвяжись от него! — воскликнула Катэ. — И вообще, дайте человеку спокойно поесть!

— А-а! Ты думаешь, что нашла себе новую игрушку! — фыркнул Сим, после чего немедленно получил от сестры затрецину.

Насытившись, Конан поклонился в знак благодарности, улегся тут же на циновку, подложив под голову кулак, и мгновенно заснул.

Несколько месяцев назад он сел на боевую каравеллу «Морской Змей», чтобы принять участие в охоте на огромного кита-убийцу, утопившего за год больше дюжины бритунских и аквилонских кораблей. Кит оказался хитер — он выманил каравеллу далеко в океан, дождался бури и, когда команда сражалась со стихией, пробил днище корабля в двух местах. Большая каравелла затонула в несколько мгновений. Конану повезло — он успел вцепиться в какой-то обломок и бешено колотя ногами и руками выплыл из водоворота. Всю ночь буря швыряла его по волнам, от воя ветра болели уши, море ревело... Скоро меч на спине, такой привычный, сделался очень тяжелым и тянул ко дну, но Конан не расстался с ним...

Неимоверным напряжением воли и физических сил он спас свою жизнь и теперь имел полное право расслабиться и передохнуть. Не страшные челюсти кита раскрывались перед ним во



сне, не видения ужасной бури — Конану снились смуглые красивые девушки, переступавшие бо-
сыми ногами по песку и подставлявшие солнцу и морскому свежему ветру обнаженную грудь. Видеть такие сны необычайно приятно, и Конан сладко улыбался, иногда причмокивая губами. А тем временем почти вся деревня успела побывать во дворе семьи Катэ и посмотреть на спящего пришельца.

— А уж какой он вежливый, и какой почти-
тельный! — расписывала его поведение старая Мар-
га. — Глядя на меня, он все время опускал глаза. Зато на мою Катэ смотрел, не отрываясь. Она красавица и сразу ему понравилась.

Рыбак Зуп захотел исследовать меч чужака и даже поддержать его в руках, но Сим этому решительно воспротивился. Сам-то он уже успел потихоньку вытащить его из ножен и для пробы даже разрубил им кокос на две равные полови-
ны, хоть клинок и был для него тяжеловат.

Взрослые островитяне оказались любопытны, как дети. Чего же было ожидать от детей? На следующее утро Сим проснулся королем всего юного населения. По своей популярности он далеко превзошел даже самого Длинного Кира, который прыгнул в море с высокой красной скалы и не убили.

— Ну что, как он? — спрашивали мальчишки, толпясь за хижиной.

— Ничего. Спал, теперь завтракает, — важно отвечал Сим. — Потом пойдет со мной ловить мурен.



На самом деле Конан собирался всего лишь искупаться. Подумав, он решил оставить меч дома — случай, для него небывалый. Но песок под ногами был таким шелковистым, небо над головой — таким ослепительно-синим, что мысль об опасности просто не приходила в голову.

Он шел следом за подростком, а тот тараторил без умолку, размахивал руками и приплясывал на ходу. На плечах Сим держал острогу, наконечник которой заканчивался страшной на вид зазубриной, чтобы загарпуненная рыба не могла сорваться. Сзади, на почтительном расстоянии, крались друзья Сима — им хотелось увидеть, как чужеземец ловит мурен.

Мурены водились в крохотном заливчике, на-
поминавшим очертаниями пятнистого ската. С двух сторон берег был пологим, а с третьей — обрывался круто и был похож на отвесную стену. В стене этой, под водой, были дырки — норы раз-
ной величины. В одну с трудом помещался кулак ребенка, в другую запросто вошел бы человек, почти не пригибаясь. В норах и жили эти дико-
винные рыбы, проводя в них почти все время и выплывая только на охоту.

Сим и Конан вошли в воду и сначала попле-
скались, чтобы остыть после полуденного припе-
ка. Потом Конан совершил стремительный за-
плыв из залива в море и обратно. Течение было опасным и могло отнести в океан, но Конан без труда преодолел его напор. Могучее, рельефное тело рассекало воду с такой легкостью, словно Конан и в самом деле был тритоном.



— Смотри! — крикнул Сим. — Сейчас я поймаю мурену!

Паренек нырнул у отвесного берега, подплыл к норе шириной в полторы ладони и отважно засунул в нее руку. Пошарив внутри, он отплыл чуть в сторону и приготовил острогу для удара. Почти сразу за этим из дырки показалась оскаленная пасть. Мурена смотрела горящими злыми глазами и щелкала зубами — она решила, что другая рыба покушается на ее жилье. Сим нанес точный удар и пробил череп мурены. Легкое черное облачко крови поднялась вверх.

Вытащив рыбину на поверхность, подросток издал ликующий крик. Скоро мурена уже лежала на песке в тени пальмовых листьев.

— А? Здорово, правда? — спросил Сим. Конан понял, что он имеет в виду, и одобрительно кивнул. В мурене было больше трех локтей длины.

Мальчишки, следившие за охотой, стонали от разочарования. К ловкости Сима они уже привыкли, да и сами умели не хуже. От огромного чужака они ожидали большего, а он попросту вытянулся на солнышке и прикрыл глаза.

Сим тоже немного смутился. Однако он был хорошо воспитан и не имел привычки надоедать старшим, посему он оставил Конана в покое и продолжил ловлю мурен.

Скоро была убита и вторая, чуть короче первой, зато более толстая, с массивным жировым бугром на лбу и с зелеными пятнами на боках. Такие считаются самыми вкусными.

От избытка чувств и сил юноша прошелся по



песку на руках, кувыркнулся несколько раз, громко распевая, подхватил гарпун и снова прыгнул в воду. Когда среди мерного плеска воды раздался его испуганный крик, Конан подумал, что мальчишка совсем расшалился. Но крик повторился, и в нем явственно слышались страх и отчаяние.

Приподнявшись, Конан увидел, что Сим, выбиваясь из сил, старается побыстрее доплыть до берега, а за ним, всего в пяти саженях, вода идет подозрительной рябью. Под этой рябью угадывалось темное, крупное тело. Потом из зеленоватых волн показалась голова мурены... Но что это была за мурена!

Яростные выпученные глаза диаметром с тележное колесо, пасть, которая легко перекусила бы лошадь! О величине тела можно было только гадать. Во всяком случае, волнистая рябь тянулась за головой на расстояние в пятнадцать больших шагов.

Рыба скользнула на глубину. Конан решил, что сейчас она схватит юношу снизу, и варвар кинулся в волны, хотя доплыть все равно бы не успел. Однако мурена поступила по-другому: она отрезала Сима от берега. И снова ее голова поднялась над поверхностью. Сим вскрикнул, но остановиться не смог — волна несла его прямо в пасть хищной твари.

Вода едва доходила до груди Конана, но он поплыл, потому что это было быстрее. Неожиданно его руки натолкнулись на тело рыбины, ослизлое, мягкое, как у моллюска. Мурена обернулась.



Перед ней оказалась добыча покрупнее, и огромные глаза подернулись пленкой алчности. Рыба скрылась под водой, но по движению ряби на поверхности Конан догадался, что она окружила его кольцом своего тела.

Юноша взял левее и выскочил на берег, упав без сил. От ужаса он весь сделался белым и не мог справиться с дрожью.

Мальчишки с громкими криками подбежали к нему. Они ждали зрелища, но огромная тварь и на них нагнала страху.

Их голоса доносились до ушей Конана, словно с того света. Он сосредоточился на своих ощущениях, чтобы предугадать — откуда начнется атака. Мурена вилась вокруг него, постепенно сужая кольцо. Нужно помешать ей приготовиться к броску, решил Конан.

Он стоял, упираясь в песчаное дно ногами. Накатившая волна мягко толкнула его в грудь. Внезапно Конан нырнул и, проплыв под водой несколько саженей, ударил мурену головой в бок. Рыба неуловимым глазу движением промелькнула перед ним — для таких чудовищных размеров ее скорость была просто неправдоподобна.

Конан спиной почувствовал опасность, развернулся, и его кулак, преодолев сопротивление воды, ударил рыбу по носу. Хищница мотнула головой над поверхностью. Она была озадачена, слегка оглушена и очень зла. Пользуясь свободной секундой, Конан отплыл в сторону и опять встал на дно. В спину его что-то кольнуло. Обер-



нувшись, он увидел древко остроги, торчавшее из воды.

Для такой большой рыбы это оружие не слишком годилось, но другого все равно не было. Освободив наконечник, засевший в песке, Конан поднял острогу высоко над водой и приготовился. Мурена вновь атаковала.

В ее арсенале имелась еще одна уловка. Она решила обмануть не в меру строптивую добычу. Неожиданно изменив курс, она рыскнула зигзагом и кинулась с другой стороны. Конан в последнее мгновение успел разгадать эту хитрость. Инстинкт воина оказался надежнее инстинкта хищницы. Наконечник остроги вонзился прямо между горящих глаз.

Конан не ограничился этим. Навалившись, он вонзал острогу в голову мурены все глубже и глубже. Вода вокруг них вскипела и почернела от крови. Конвульсивным движением рыба почти завязалась узлом, огромный хвост ударил Конана по голове и тот, зарывав, выпустил острогу из рук.

Стоя торчком, древко стремительно поплыло к отвесному берегу, оставляя за собой черный, пенящийся след. Потом оно скрылось, но через некоторое время опять вынырнуло, как поплавок, и завалилось горизонтально. Мертвая мурена лежала на волнах, вытянувшись во всю длину, словно перед смертью хотела покрасоваться своей огромностью.

Конан вышел на берег.

— Что стоите! — рывкнул он, обращаясь к мальчишкам. — Тащите ее на берег!



Удивительно, но они поняли его и бросились исполнять, с молчаливой опаской и восхищением поглядывая на героя-великана.

Сим остался на песке. Он все еще дрожал.

— Видел, как я ее? Правда, здоровая? — ухмыльнулся варвар и потрепал его по мокрому волосам.

* * *

Вечером этого дня в деревне был праздник. Старейшина сказал, что более достойного повода, чем спасение юноши, и не отыскать. Многие были с ним согласны, потому что праздник — это здорово. Восемь рослых рыбаков с трудом перенесли мурену на западный пляж, старейшина сам разделал ее, а многочисленные жены старейшины принялись заворачивать белое мягкое мясо в листья съедобного растения чепчо. Разожгли огромный костер, а вокруг — шесть поменьше. На пляж приволокли также уйму каких-то предметов, напоминающих деревянные горшки. Конан, увидев их, решил, что это емкости для хранения пальмового вина, но он ошибся. Предметы оказались барабанами. Впрочем, и в вине недостатка не было.

Старейшина оказался единственным островитянином, кто не пришел поглазеть на спящего Конана, — это было ниже его достоинства. Но любопытство терзало его, и он с нетерпением ждал, когда увидит богоподобного чужеземца.

Совет деревни уже решил, что коль скоро Ка-



тэ обнаружила его на берегу, то и она должна считаться виновницей торжества. В том, что Конан скоро станет зятем старой Марги, никто не сомневался, и многие семьи ей завидовали. Кто-то даже сказал, что необходимо бросить жребий: у многих, дескать, есть дочери на выданье.

Старейшина — его звали Гип — не поддержал этой идеи. Он был мудрый человек.

— Какая разница, в чьей хижине будет жить пришелец? Без сомнения, он примет участие в общинной добыче рыбы, а значит — вся деревня выиграет. Великое море решило подарить этого мужчину Катэ — пусть так и будет. Если кто-то хочет внука от Конана, то ему следует договориться с Катэ, чтобы не было недоразумений.

Когда ярко-синие сумерки опустились на остров, в небе зажглись большие звезды и лунная дорожка добежала до песчаного пляжа, во двор Марги, где отдыхал Конан, пришли четыре девушки. Они принесли с собой гирлянды пахучих цветов, ароматное масло и пару новеньких ципонгов — набедренных повязок из разноцветной набивной ткани. Марга и дядя Эг торжественно покинули хижину. Сим попытался подсмотреть и был увиден за ухо.

Постелив на земле свежие пальмовые листья, девушки ловко раздели варвара и Катэ и уложили обоих рядышком прямо на это зеленое, упругое покрывало.

Началась подготовка к празднеству.

Девушки принялись умащать маслом тела лежавших, и от прикосновения их рук Конан едва



не потерял сознание. Его мускулы расслаблялись и одновременно наполнялись здоровой, спокойной силой. Катэ, повернув к нему голову, нащупала пальцами его пальцы и блаженно улыбнулась.

— Смешная... — простонал варвар, объятый негой. — Глупая...

— Моя, — подсказала Катэ.

— Моя! — послушно повторил Конан.

Катэ, желавшая услышать это слово, произнесенное его голосом, не выдержала — вскрикнула и затрепетала.

— Полегче, красавица! — шутя, прикрикнула одна из девушек и не больно шлепнула ее пониже спины. — Успеешь еще!

Потом обоих нарядили в ца-понги и украсили гирляндами, после чего, напевая песню о великой победе человека-тритона, уже сочиненную дядей Эгом (чем он впоследствии очень гордился), проводили их на пляж. Две девушки шли впереди, две замыкали шествие.

Большой костер догорел, и только угли рдели. Их цвет был созвучен цвету закатного неба над морем. А море переливалось зеленоватым мерцанием — мириады крошечных его обитателей поднимались, чтобы посмотреть на праздник.

Конана с большим почетом усадили на гладкий камень, обтесанный с боков в виде неправильного четырехугольника. Сверху на камне лежала циновка, украшенная вплетенными в нее лентами. Катэ указали место у его подножия, а в песок перед ней вкопали большие белые цветы —



знак признательности всей общины. Марга, увидев эти цветы, немного всплакнула. Когда-то ей оказали те же почести в память о Варе, ее муже, — он погиб, защищая дочь вождя от исполинской длинношеей черепахи. Катэ тогда еще не исполнилось и пяти чайчих свадеб. И вот она сидит у ног сильного, красивого мужчины, совсем как взрослая. Мужчина этот спас Сима — он великий рыбак, совсем как Вар.

За спиной Конана на песчаном холме щерилась отрубленная голова мурены. Острога по-прежнему торчала у нее из лба. Голова источала сильный запах моря и смотрела с ненавистью в мускулистую спину варвара. Он чувствовал этот взгляд и ухмылялся.

Сам Конан не придавал большого значения своей победе. Подумаешь, мурена! Совсем недавно он намеревался сражаться с гораздо более сильным чудовищем. Но глядя в открытые, улыбкивые лица островитян, которые собирались чествовать его, он понимал, что, отказавшись от славы, оскорбил бы этих людей.

Старейшина Гип открыл праздник. Он подошел к сидящим, остановился, придал своему лицу серьезное выражение, и тотчас юноша, его сопровождавший, затрубил в большую витую раковину. Глубокий протяжный звук разнесся над побережьем и растревожил сонного дюгона, дремавшего на волне. Подождав, пока голос раковины умолкнет, старейшина огладил бороду и произнес речь.

— Когда-то наши славные предки вышли из



вод, как и ты, чужеземец. Их тела давно стали морем, но голоса их по-прежнему слышны в шуме прибоя, и добрые духи, которых они принесли с собой, охраняют наш остров и всех его жителей. Это они, великие духи океана, послали нам тебя. С этого дня ты — наш брат, наш товарищ. А злые духи послали свое отродье — коварную рыбу, чтобы она поела наших детей, лишила нас надежды на будущее. Твоими могучими руками добрые духи одолели злых, ибо так суждено из начала к концу времен. Посмотри — все вокруг создано для счастья. Будь же счастлив. Пусть рыба всегда идет в твою сеть!

Конан не понял ни единого слова, но догадался, что перед ним — глава островитян. Он величаво поклонился в ответ.

— Ты не уразуметь, то я потом перевести, — добавил старейшина на бритунском. — А сейчас ты видать танец «Удачная ловля»: Очень хорошо!

Варвар собрался уже раскрыть рот, чтобы выразить свою благодарность по-бритунски, но барабаны, разбуженные крепкими ладонями музыкантов, заворчали, загудели, заговорили на разные голоса. Местом для танцев была круглая площадка, ярко освещенная двумя кострами и выложенная по кругу малиново-белыми раковинами. Песок на площадке заранее вычистили пальмовыми граблями и разровняли. До начала танцев только старейшина мог пройти по ней и то не больше одного раза.

Одиннадцать танцовщиц, друг за дружкой, выбежали и остановились, слегка покачивая бед-



рами и шевеля пальцами рук, прижатых к бокам. Конан понял, что они подражают стайке рыб. Задержавшись на одном месте несколько тактов, девушки-рыбки принялись кружиться по площадке цепочкой, одновременно поворачиваясь, перестраиваясь на ходу и внезапно меняя направление. Скоро появились и ловцы, молодые рыбаки. Их неводы были сплетены из цветочных гирлянд.

Яркие ца-понги, смуглые тела, цветы и алые искры костра — все это мелькало непрерывно. Барабаны ускоряли ритмы и море, казалось, подрагивало, точно приплясывало вместе с людьми. В глубине пальмовых зарослей цикады пели так громко, что любой впередсмотрящий далеко в океане мог бы найти остров на слух даже в темноте и вывести к нему свой корабль.

Каждая пойманная «рыбка» приветствовалась веселыми выкриками, и скоро осталась одна-единственная. Рыболовы пытались окружить ее, но она всякий раз ускользала, пока наконец — Конан ясно заметил это — нарочно не поддалась одному из юношей. Тот набросил на нее цветочную сеть и увлек с площадки. Вдвоем они почти сразу куда-то исчезли.

Бесхитростная простота танца и естественная грация танцующих очень тронули варвара — он с неподдельным восхищением следил за «Удачной ловлей». Однако теперь его душа требовала воинственной пляски. Он встал со своего трона и, поигрывая мышцами, как голодный лев, вышел на середину площадки, точно на границе



двух световых пятен от костров. Все вокруг затихли, не понимая, чего хочет этот таинственный пришелец. Воздев руки к звездному небу, Конан испустил протяжный боевой клич, в котором высокие переливчатые звуки постепенно перешли в низкий тяжкий бас, похожий по силе на громовой раскат. Когда он стих в отдалении, варвар притопнул ногой, потом еще раз, потом — третий, и музыканты, будто зачарованные, стали отбивать ритм вместе с ним. Каждый мускул варвара, каждая пядь его тела отдалась пляске воина. Он гордо попирает землю и вместе с тем как бы рос из нее, питаясь ее силой при помощи невидимых корней. А в прыжке тяжелая мощь превращалась в невесомую легкость, и казалось, этот великан может при желании снять с неба звезду.

— Воистину, у моря — щедрая душа, — сказал шепотом дядя Эг рыбаку Брозу. — Иначе оно не рассталось бы с таким дивом!

— Великие рыбаки съедают в три раза больше обыкновенных, — заметил Броз. — Но у моря — воистину щедрая душа! С таким парнем я не боюсь пойти и на кита.

Все женщины, даже старые, глядели на Конана с изумленным восхищением, а некоторые даже подмигивали ему с известным значением. Но Катэ еще и гордилась им, как дети гордятся своей тайной. Устав от пляски, варвар вернулся на почетное место, и девушка, откинув голову, прижалась к его коленям.

— Моя! — сказал Конан и погладил ее горячее плечо. Она отвернулась и, улыбаясь, коснулась



пальцем мочки своего правого уха в знак согласия.

Несколько огулашенные, жители деревни затянули долгую хвалебную песню, и пока она звучала, по очереди подносили победителю мурены свои дары. Их принимала Марга и передавала дяде Эгу, а тот складывал добро живописной грудой. Когда утром семья Катэ произвела подробный осмотр этой груды, в ней оказались: тридцать четыре блюда из раковин двустворчатого моллюска, сорок ложек для рыбацкой похлебки, выточенные из оникса и две металлические ложки поменьше; девятнадцать крупных жемчужин и семь ниток бус из мелких, белого и черного вперемешку; три золотые монеты с дырками для ношения на теле; пять катушек ниток; две штуки полотка по сорок локтей; штука яркого ситца в двадцать один локоть; шесть шелковых платков; матросская шапочка, расшитая бисером; пара чулок — один желтый, другой темно-зеленый; очень большой гамак (сделанный из сети для крупной рыбы); кувшин масла для светильен; одиннадцать лент красного цвета и восемь — белого; деревянный резной подлокотник от кресла и лиловая бархатная подушечка; шкатулка, сделанная из сушеного краба; фляга из кокоса с плетеной лямкой для ношения через плечо; пила, молоток и семьдесят один кровельный гвоздь; четверть точильного круга; мешок сорго весом в половину морского лова; кованый наконечник для остроги; круглая рама для портрета; костяной веер.



* * *

Дядя Эг сказал, что он в жизни не видел таких роскошных подарков. Сам он подарил Конану стул без ножки, но нести его на пляж не имело смысла, раз пришелец все равно живет в их хижине.

После вручения даров жены старейшины стали разносить мясо мурены, запеченное в листьях и сдобренное большим количеством различных специй. Это было вкусно — Конан любил острые и пряные блюда. Они помогали ему ярче чувствовать полноту жизни.

Потом опять зазвучала музыка — к барабанам присоединились духовые инструменты из кокосов и раковин и несколько «печчуле» — арф, сделанных из черепаховых панцирей и ребер дюгоня. Струны были из тюленьих жил.

Снова начались танцы, на сей раз — просто, без особого значения. Юноши и девушки образовали хоровод, в центр которого время от времени выскакивала какая-нибудь пара и отплясывала там несколько тактов подряд.

Катэ незаметно для Конана вдруг оказалась посреди танцующих и поманила его за собой. Не раздумывая, варвар бросился к ней.

Перед тем, как пропустить его внутрь круга, юноши со смехом вручили ему цветочную сеть, от которой Катэ, гибкая и быстрая, стремительно уклонялась.

Неожиданно круг хоровода разорвался перед ней, танцующие расступились, и Катэ побежала



прочь, уносясь по пляжу все дальше и дальше в сторону красных скал. Конан немного растерялся, но старейшина Гип толкнул его в плечо и рывкнул:

— Настигать!

Тогда варвар помчался следом. Бежал он долго и быстро — звуки музыки стали еле слышны. Сначала он различал смуглую фигурку, мелькавшую на самой полосе прибоя, а потом она пропала. Не останавливаясь, Конан искал ее взглядом, но до самых дюн никого не было видно. Взбежав по осыпающемуся песку на один из холмов, варвар не удержался и поехал вниз.

Катэ, лежавшая за дюной на спине, обхватила его ноги своими, и Конан растянулся, зарывав от неожиданности. Обвив талию мужчины коленями, островитянка уселась на него, и только теперь Конан заметил, что потерял свой ца-понг на бегу.

Лицо Катэ склонилось над его лицом, и она потерлась своим носом о его нос. От нее пахло морем, цветами и еще чем-то таким, из-за чего желание Конана уже невозможно было скрыть. Ощувив кожей прикосновение ее груди, варвар опять зарывал, как рычит объятый страстью морской лев. Катэ откинулась назад, слегка приподнялась и, задрожав всем телом, прильнула к нему, тихо вскрикнув. Конан услышал, как бьется ее сердце. Звезды над ними еле заметно подмаргивали в густом темном небе — казалось, это они пели голосами цикад.



* * *

Через две недели Конан уже довольно свободно говорил на языке островитян, который, по его мнению, был перенасыщен всякими поэтическими преувеличениями. Но язык этих людей и не мог быть другим — он уподоблялся окружающему их миру. Некоторые слова были яркими и многоцветными, как рыбы в коралловых зарослях или птицы в лесу на склонах Озерной горы. А некоторые — однозначные, но все равно яркие и глубокие, такие, как небо или море.

Несмотря на спокойную, легкую жизнь, варвар не испытывал скуки. Он вообще не умел скучать, а здесь это было бы просто преступно. Впервые Конан ощутил себя ребенком и удивлялся окружающему. Рассудком, может быть не слишком изощренным, но крепким, он понимал, что не останется здесь навсегда. Рано или поздно в бухту Кальмара войдет бритунская каравелла, и варвар ощутит столь сильное желание продолжить свое бесконечное странствие, что будет готов наняться на корабль простым гребцом. Ну а пока он будет рыбачить, купаться до одури, валяться на песке, наслаждаться ласками Катэ и слушать рассказы дяди Эга.

В один прекрасный день, развлечения ради, Конан решил подняться на Озерную гору. Катэ взялась проводить его, а заодно собрать сладких плодов. Она шла впереди, напевая и улыбаясь своим мыслям, которые были легки и просты. Каждое дерево, каждый куст в лесу походил на



одушевленное, добродушное существо. Совсем не было колючек, стволы не щетинились шипами, ни один цветок не пах гнилью, как это бывает в джунглях. Кроме того, Конан ни разу не убил на себе кровососущее насекомое. В воздухе летали бабочки и двуххвостые рубиновые стрекозы.

Вершина горы представляла собой кратер потухшего вулкана, заполненный дождевой водой. Островитяне никогда не купались там — они привыкли к плотной морской воде, а пресную использовали только для питья и умывания. Вода стекала вниз двумя ручьями, питая людей и растения.

— Здесь глубоко? — спросил Конан.

Катэ сидела на берегу и весело болтала ногами в воде.

— Очень, — отвечала она. — Нету дна.

— Так не бывает, — улыбнулся варвар. — Дно есть у любого озера.

— Бывает! — с милым упрямством возразила Катэ.

— А кто-нибудь пытался проверить? — не унимался Конан.

— Зачем?

— Из любопытства.

Подруга варвара повела плечом.

— Рыба тут невкусная и ее очень мало, — сказала она. — Жемчуга нет. Красивых кораллов нет. Просто вода, упавшая с неба.

— Вот видишь, разве это не диво, что с неба падает вода? Есть такие земли, далеко на материке, где вообще нет никакой воды, ни пресной, ни



соленой. И с неба она не падает. Один песок кругом, но не такой, как здесь, а другой — колючий, горячий, черноватый. Злой.

— Ты там бывал?

— Бывал, — самодовольно ответил Конан. — А теперь хочу посмотреть, есть ли дно у этого озера. Жди меня тут.

Она не успела возразить, как варвар прыгнул с берега и сразу нырнул. Некоторое время она видела его расплывчатый силуэт в прозрачной красноватой воде, но ветер наморщил зеркальную поверхность озера, и рассмотреть ничего уже было нельзя.

Дна он действительно не смог найти. На глубине трех саженей вода как-то сразу сделалась холодной. В такой тяжело двигаться и опасно долго находиться. Еще на две сажени глубже у Конана заломило в висках и в ушах застучало. После пестрого, красочного подводного мира побережья здесь было довольно уныло. Расслабив тело, варвар стал медленно подниматься на поверхность, как вдруг нечто привлекло его внимание. В стене кратера были вырублены ступени, уходящие глубоко вниз, куда уже не проникал солнечный свет. Они были ровными и гладко поросли красноватой ковровой водорослью.

С наслаждением почувствовав верхний, теплый слой воды, Конан выплыл, отдышался и в два гребка достиг берега.

— Ты права, женщина, — сказал он. — Действительно, нету дна. Зато есть ступени. Дядя Эг знает про них?



— Вернемся — спросим, — ответила Катэ.

Дядя Эг сказал, что знает об этих ступенях все. Их построил человек-жаба, живший на дне озера.

— Там ведь нет дна! — хитро прищурился варвар.

Старик надулся.

— Если кто-то очень умен и имеет свое суждение на любой счет, зачем ему беспокоить дряхлого, глупого дядю Эга, выжившего из ума на старости лет?

Он продолжил рассказ только после того, как Конан в знак извинения выпил с ним два кокоса вина.

Человек-жаба жил на дне озера и по ночам выходил на берег, чтобы петь. Он надеялся привлечь себе подругу, но подруги ему не нашлось. Много лет он терпел, а такие вещи не проходят для мужчины даром, и у него помутилось в голове. Однажды он спустился в лес и затаился среди папоротников. А в ту пору одна рыбачка собирала там хворост. Человек-жаба напал на нее, но забыл, что делать с женщинами, и поэтому попросту съел эту рыбачку. Через несколько дней съел другую.

Женщины перестали ходить в лес, а мужчины очень рассердились, потому что без хвороста нельзя было приготовить рыбачью похлебку. Они решили проучить человека-жабу, но тот оказался ловок и хорошо прятался. Тогда прадед нынешнего старейшины придумал вот что. Он взял с собой в лес свою жену, привязал ее к дере-



ву, а сам схоронился в кустах с острой наготове. Пришел человек-жаба и очень обрадовался. Он сплясал перед привязанной мерзкий танец и уже изготовился ее сожрать, когда мужчина выскочил и поразил его насмерть. После чего он отвязал женщину и сказал ей:

— Неужели ты думала, что я отдам свою жену на съедение пупырчатому уроду?

А та ругалась, била мужа палкой и говорила:

— Тебе совсем меня не жаль. Взял бы для этой цели жену соседа!

Но прадед старейшины хорошо ответил:

— Человек-жаба был очень страшный. Если бы он хотел съесть жену соседа, я бы, пожалуй, убежал. А тебя я люблю, и это сильнее страха.

После таких слов женщина стала чтить мужа очень и уже никогда не била его палкой.

Конан с удовольствием выслушал эту басню, хоть и не очень ей поверил.

* * *

«Время ветра-с-берега» подходило к середине. Жизнь на острове текла своим чередом. Варвар трижды принял участие в «общинной ловле», хоть и не очень отличился. Островитяне действовали слаженно, понимали друг друга почти без слов, а Конан с непривычки больше мешал, чем помогал. Но на него никто не сердился: в таком деле нужна сноровка, а она приобретается не сразу.

Зато в охоте с острой и в ловле крупной ры-



бы на приманку ему не было равных, а еще он здорово орудовал веслом.

Сим не отставал от него ни на шаг и старался подражать варвару в походке, жестах и манере речи. Кроме того, он наотрез отказался подстригать волосы, и скоро шевелюра паренька стала почти такой же косматой и спутанной, как у его кумира.

Однажды они ныряли за морскими губками и, набрав полную корзину, устроились обсушиться на песке.

— Смотри! — вдруг воскликнул Сим. — Парус! Идет большой корабль.

И действительно, над самым горизонтом виднелись паруса. Разобрать, что за корабль, было еще невозможно, как Конан ни всматривался. От солнечных бликов на воде его глаза даже заслезались.

— Ну вот, ты от нас уплывешь, — расстроился Сим.

Варвар не ответил ему.

На следующий день судно приблизилось. Прямым курсом подойти к берегу оно не могло и шло широкими галсами, а после полудня паруса вообще убрали, и каравелла встала на весла. Конан понаблюдал за кораблем с вершины красной скалы и спустился мрачный. Он пошел к старейшине Гипу и сказал ему:

— Я знаю эту каравеллу. «Морская чума» — ее имя, а то, что на ней, страшнее всякой чумы.

— Что же это? — удивился старейшина.

— Люди. Океанские шакалы. Я знаю пиратов



— среди них есть хорошие ребята. Если бы сюда пришел Бесноватый Лоу, Шарль Укуси-Локоть или, к примеру, Большой Пузан — все бы обошлось мирно. Гости выпили бы с вами вина, поплясали бы у костров, нашли бы девочек, которые не прочь поразвлечься, и, отдохнув пару дней, отбыли бы по своим делам. Но только не эта команда! Ею верховодит Торвальд — Злой Нож, мясник, тупой и жестокий. Он промышляет работоторговлей. Набивает трюмы пленниками, а тех, кто не влез, — убивает.

— Велика ли его команда? — спросил Гип.

— Обычно — нет. Он набирает себе только тех подонков, от которых отказываются другие пираты. Человек двадцать-тридцать, я думаю.

Старейшина задумчиво почесал живот.

— У нас больше сотни рыбаков, способных драться, — сказал он. — Но почти все сейчас далеко в море и вернутся через три дня, не раньше. Если бы их поторопить...

— Позови Сима, — посоветовал Конан. — Вели ему сесть в легкую лодку. Я знаю, он никогда не ходил дальше Белого мыса в одиночку, но он справится. А мы пока займемся другим.

* * *

— Что ж, — сказала Марга, когда Сим пришел к ней за благословением. — Пора тебе становиться взрослым. Я знаю, что ты уже кувыркался на пляже с Рыжей Лалэ, но не это делает мужчину мужчиной.



Сим зарделся, потерял носом о материнское плечо, взял весло для быстрой гребли и ушел. Он был необыкновенно горд, когда узнал, что Конан выбрал именно его для исполнения этого поручения.

Женщины и старики наспех собирали свои пожитки.

— Бросьте все, кроме самого нужного! — говорил им старейшина, но от растерянности островитяне никак не могли решить, что же им на самом деле необходимо.

Они покинули деревню, когда первые шлюпки уже вонзались носами в береговой песок. Старейшина Гип повел людей на другую оконечность острова, за Озерную гору. Там был густой лес и можно было спрятаться. Конан остался возле поселения — из-за дюн он следил за пиратами, которые скоро оказались очень близко, так что он слышал их голоса.

— Куда подевались все черномазые? — удивлялся вслух пожилой зингарец с похотливыми липкими глазками. Такие на кораблях пристают к молодым матросам, дерутся подло и очень слабы по части вина.

— Наверное, передохли, — сказал толстый, в дорогом колете и рваных, грязных штанах.

— Да нет, зола еще теплая... Они узнали!

К ним подошли еще человек пять. Среди них был и Торвальд.

— Что встали, акулье дерьмо! — прикрикнул он. — Обыщите каждую хижину. Если кого найдете — развяжите ему язык.



Конан, давно не бравший в руки своего меча, теперь поглаживал его рукоять. Казалось, клинок сам просится из ножен.

— погоди, — шепнул ему варвар, — время скоро придет!

В его голове созрел отчаянный план. Нужно перебить по одиночке всех пиратов, и тогда корабль останется в его распоряжении. Разве это не славно?

Он нашел брошенным на песке рог из витой раковины, поднял его и усмехнулся. Замечательная штука, она ему пригодится. А пока нужно внимательно наблюдать за незваными гостями. Всего их высадилось восемнадцать. На «Морской чуме», стало быть, осталось двое или трое, и те скоро не выдержат — самовольно бросят вахту, чтобы принять участие в грабеже. Торвальд, несмотря на свою лютость, никогда не мог наладить дисциплину на корабле.

Похотливый зингарец и толстяк зашли в хижину семьи Броза, которая стояла на самом краю деревни. Пора начинать, решил Конан. Подкравшись незаметно, он встал у входа. Разбойники, уныло ругаясь, крушили посуду.

— Одни только тряпки, — презрительно сопел толстый.

— Это же черномазые! — вторил ему пират-зингарец, хотя был гораздо смуглее любого островитянина.

На глаза Конану попалась острога. Варвар схватил ее и оскалил зубы.

Когда пираты, один позади другого, выходили



из оскверненного жилища, Конан пронзил гарпунном обоих.

— Ты не черномазый! — прохрипел зингарец, который шел первым и схватился обеими руками за окровавленное древко. Но у толстяка уже подкашивались ноги, и оба упали.

Тонкая крепкая леса с каменным грузилом тоже послужила Конану оружием. Пират, беспечно пивший пальмовое вино из запасов дяди Эга, стал очередной жертвой. Раскрутив грузило над головой, варвар захлестнул его шею лесой и сильно рванул на себя, так что разбойнику перерезало горло.

Четвертый проглотил вместе с вином маленький, чудовищно острый крючок-тройник, заботливо брошенный во флагу Конаном. Совсем скоро он катался по земле и исходил кровавой пеной.

Пятому крупный кокос упал на голову, да так удачно, что размозжил череп.

Шестой пират, не найдя в хижине семьи Икэ ничего, на его взгляд, стоящего, достал огниво, трутницу, поджег ца-понг, смоченный горячим маслом, и бросил его на тростниковую стену. Когда он собрался выйти из обреченного дома, выяснилось, что дверь заперта снаружи. Хлипкое на вид сооружение оказалось прочным, и сломать двери не удалось. Когда другие пираты, услышав крики, прибежали на помощь и убрали китовое ребро, подпирающее дверь, было уже поздно.

Торвальд пришел в бешенство.

— Они где-то рядом, — сказал он. — Ищите!



Эти хитрые бестии поблизости. По одиночке не ходить.

Тут ему донесли, что погибло уже шестеро, и он передумал.

— Лучше встанем лагерем и укрепим позиции. Они захотят нас прогнать и рано или поздно нападут. Но у них нет ни луков, ни арбалетов. Из укрытия мы перестреляем их, точно глухих бакланов.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда у тебя из-под носа уйдет корабль, — хмыкнул варвар.

«Морская чума» встала на рейд в бухте Кальмара. Конан добрался до нее вплавь. Перелезть через борт не составило бы труда, но варвар с этим не спешил. Разлегшись на волнах, он вытряхнул из раковины воду, продул ее и отчаянно затрубил.

Над водой звуки разносятся особым образом. Протяжный рев, который издала раковина, отразившись от поверхности моря, перепугал вахтенных. Они забежали по палубе, гремя оружием и вглядываясь в волны вокруг судна. Конана им заметить не удалось, потому что он находился под самой кормой. Однако один клялся другому, что видел в воде чудовище с гривой, как у дракона. Пучок колышающихся водорослей ввел его в заблуждение.

— Может, отправимся на берег, предупредим капитана? — предложил другой сиплым голосом.

— Ага! Спускай ялик и плыви. Только без меня. И не зови на помощь, когда эта тварь вонзит в тебя свои зубы, — отвечал ему товарищ.



— Что-то мне неохота! — сказал сиплый.

Конан ухмыльнулся и снова поднес раковину к губам. Звук вышел еще громче. Варвар так увлекся, что не заметил, как волна отнесла его от кормы. Он поднял глаза и вдруг увидел белую, как мел, физиономию пирата, с выпученными глазами и открытым ртом.

— Разрази меня гром! Вот оно! Вот оно! — заорал пират, когда ему удалось набрать воздуха в грудь.

Второй высунулся рядом и тоже побледнел.

— Как есть дракон! — воскликнул он. — Может, стрельнем в него?

— Я тебе стрельну, дурья башка! Руби якорный канат, живо!

К такому повороту событий Конан был не готов. Страх двигал пиратами и придавал им скорость. Канат был перерублен, парус поднят в считанные мгновения, в то время как течение мешало Конану быстро подобраться к кораблю.

Увидев длинные космы варвара, извивающиеся в волнах, они и впрямь решили, что перед ними дракон.

Ветер с берега погнал каравеллу прочь от острова. Ругаясь, варвар кинулся в погоню, но меч, который он взял с собой на случай абордажного боя, здорово мешал плыть. Помянув трусливых пиратов последними словами, Конан повернул к берегу.

— Мальчишка! — бранил он себя. — Зачем было устраивать этот розыгрыш? Сам все испортил! Он утешился только когда услышал, как вое-



от бессильной злобы Торвальда Злой Нож, бегая по берегу.

* * *

Когда группа мерзавцев попадает в переделку, внутри нее сразу начинается поиск виноватого. Почему так — Конан не знал. Это занятие не имеет практического смысла и чревато последствиями.

Устав от ругани, пираты высосали все пальмовое вино, какое нашли. У дяди Эга был припрятан кувшинчик-другой на черный день, но они об этом не знали.

Торвальд, пьянее остальных, уснул в хижине старейшины. Его команда собралась кружочком и принялась обсуждать происшедшее.

Конан лежал за кустарником и из-за него не видел говоривших, зато прекрасно их слышал.

— Ясное дело, надо отплывать на шлюпках.

— До материка слишком далеко. Нам не хватит еды.

— А вода? Здесь вообще есть пресная вода?

— Вряд ли черномазые пьют соленую!

— Торвальд здорово оплошал.

— Что ты сказал о Торвальде?

— Заткнись, подхалим. Сказал то, что все и так думают.

— Верно! Это он нас так подвел!

— Зачем ему это? Что он, специально, что ли?

— А ты его защищаешь, да? Ты с ним в сговоре! Злой Нож решил обновить команду. Денежка-



ми делиться неохота, вот он и завез нас на съедение черномазым!

— Ты глуп, как безголовая макрель! Он же тут, с нами. Если бы он остался на корабле, тогда, конечно, — да.

— Он как-нибудь выкрутится, а мы сдохнем.

— Точно!

— А ты, подпевала, сейчас за все ответишь. А ну, вынимай нож!

Конан не утерпел и отполз вправо, чтобы видеть поединок. Но увиденное его разочаровало. Два жилистых скуластых человека, похожие друг на друга, словно родные братья, кружили и взмахивали ножами, целясь по глазам. Длилось это долго, противники сопели и сплевывали сквозь зубы. Наконец один ударил другого ногой в пах и, воспользовавшись его замешательством, прыгнул ножом в живот. Раненый завизжал, как свинья на бойне, и рухнул на колени. Победитель схватил его за волосы и собирался уже перерезать ему глотку, но взвизгнул сам и упал — нож торчал у него в боку.

Оба стали перекатываться по песку, и когда затихли навеки, один из зрителей философски заметил:

— Теперь все равно, кто из них был прав.

* * *

Утром Торвальд собственноручно убил еще одного.

— Ты отвечаешь за провиант! — напустился



он на своего помощника, выходца из Стигии, рябого и татуированного с головы до ног. — Где вода, скотина?

— Это на корабле я занимался провиантом, — дерзко ухмыльнулся стигиец ему в лицо. — А корабль — тю-тю!

Ни слова не говоря, Злой Нож поднял весло и ударил помощника в грудь. Тот упал, закашлялся и, выплюнув красный комок, умер.

— Если через час я не напьюсь пресной воды, подохнете все, — объявил Торвальд.

Пираты удержались от бунта. Они мучались от жажды с перепоею ничуть не меньше капитана. Посему двое, собрав пустые флаги, ушли в сторону леса.

Они не вернулись — ни через час, ни через два. Получилось так, что выйдя к ручью, пираты увидели Катэ, которая умывалась, погруженная в свои легкие простые мысли.

Дядя Эг продиал в лесу неподалеку, пытаясь вспомнить, в каком именно дупле у него хранится кокос с вином. Он услышал крики племянницы и успел вовремя — пираты только-только повалили ее на землю и пытались развести ей колени.

Острый кинжал, найденный в сундуке, сослужил хорошую службу.

— Провоняют теперь на весь лес, — ворчал он, осматривая трупы. У одного на ремне была красивая пряжка, но дядя Эг почему-то не захотел ее взять.

— Я боюсь за Конана, — сказала Катэ.

— Если я, старик, уложил двоих, то твой муж-



чина один перебьет их всех шутя, — уверенно произнес дядя Эг и добавил вполголоса: — Но где же это дупло, будь оно неладно?

* * *

Пляж весь был завален трупами. Четверо, оставшихся в живых, наседали на Торвальда. Из ран капитана кровь текла густая, синюшного оттенка. Он хохотал.

Его любимым оружием был топор, и Торвальд умел обращаться с ним. Матросы боялись подойти к нему близко и тыкали в него гарпунами с разных сторон, травили, как зверя. Один не удержался и метнул острогу, но Торвальд поймал ее в воздухе, развернул и послал обратно, пронзив взбунтовавшегося пирата насквозь.

— Креветки! — рычал он. — Отрыжка кашалота! Все сдохнете!

Конан даже не прятался, а преспокойно сидел на дюне и наблюдал.

— Все-таки я разделился здесь, — неспешно думал он. — Смотрю, как другие делают мою работу.

Лес ожил, заговорил голосами раковин, но дерущиеся не обратили внимания на это. В их иступленной злобе обнаружилось что-то странное, нечеловеческое. Они остановились только тогда, когда вышедшие из леса рыбаки окружили их с трех сторон — с четвертой пенилось море.

Сим добрался до соплеменников, и рыбаки сразу оставили промысел. Они высадились с другой стороны острова, чтобы появиться перед пи-



ратами неожиданно. Сим стоял в их числе и сжимал острогу так, что у него побелели пальцы.

Сражавшиеся обернулись к ним и замерли. Они смотрели на острия гарпунов, на лезвия ножей и силились понять, что, собственно, произошло — куда подевалась команда, где корабль, откуда взялись черномазые с копьями?

С хриплым ревом Торвальда, стоявший сзади своих противников, взмахнул топором дважды, и два пирата обагрили прибой своей кровью. Последний матрос успел вонзить свой гарпун прямо в раскрытый, изрыгающий брань рот капитана. Но топор, запущенный Торвальдом, все равно разрубил ему голову.

— Как все это странно, — заметил Конану старейшина. — Они могли угнать нас в рабство, но почему-то сошли с ума. Что так на них повлияло?

Варвар пожал плечами.

Вдруг Сим удивленно закричал, показывая пальцем на тело одного из разбойников. Рыбаки обступили труп, размахивая руками и возбужденно переговариваясь.

Было из-за чего удивиться. Из глаз, ушей и ртов погибших пиратов, омерзительно извиваясь, поползли плоские черные черви. Они стремились к воде. Их были тысячи, и береговая полоса сделалась черной от обилия корчащихся студенистых тел.

Морская вода убивала их сразу. Они мгновенно белели и скоро образовали грязную накипь, облепившую берег. Но морские птицы, которым они понравились на вкус, склевали их подчистую.



* * *

Капитан Нэш, бритунец и хороший человек, глянул на светящиеся морские волны и произнес:

— Не знаю, как это объяснить. В море обитают разные твари. Возможно, команда «Морской чумы» заразилась ими где-нибудь в неизученных водах. А может...

— Продолжай! — потребовал Конан. Они стояли на берегу. На рейде покачивалась бритунская каравелла.

— Всякий раз попадая сюда, я хочу оставить королевскую службу, — сказал Нэш. — Во мне просыпается поэт, мечтатель... Может, этот остров — волшебный? Он способствует выявлению скрытого в человеке одним своим воздухом или составом воды.

— Мудрено, — покачал головой варвар. — Выходит, эти черные, гнусные сволочата...

— ...и были тем, что пираты носили в себе. В своих мыслях, в своей душе, — заключил бритунец и вежливо улыбнулся.

— Все может быть, — сказал Конан и задумался. Катэ подошла к нему и села у его ног.

— Смешная, — тихо промолвил он и погладил ее по волосам. Капитан Нэш бесшумно удалился.

— Смешная, — повторил Конан. Катэ повернулась к нему, улыбаясь сквозь слезы.

А через день Конан отплыл в Бритунию.



Ледяное безмолвие



В этих краях полгода ночь и еще полгода — сероватые сумерки. В сумерках живут существа, человеку чужие, бледные, молчаливые. Большого вреда от них нет, но люди всегда чувствуют их присутствие. От этого людям не по себе — и только.

Другое дело — твари, оживающие ночью. Откуда берутся они, куда деваются, когда бесконечная ночь все-таки проходит? Наверняка этого никто не ведал. Ночные создания очень опасны, их манит живое тепло человеческого крови, потому что они никогда не могут согреться.

Кроме существ сумеречных и ночных обитают здесь шерстистые носороги, исполинские медведи, мастодоны и морские-люди-без-ушей, среди которых встречаются и хищные.

На другом, далеком берегу студеного моря, чьи волны дымного цвета, вообще никогда не



сходит снег. А на этом, под топким слоем земли, всегда лед. Унылое занятие — рыть здесь могилу. Прежде нужно три дня кряду жечь большой костер, а после разгрести землю и долбить подтаявшую корку.

Конан часто думал: почему бы попросту не сжечь покойника, раз уж костер все равно горит, пожирая драгоценное топливо? Почему бы не спустить его в круглую полынью, почему бы попросту не оставить где-нибудь подальше от лагеря, облив водою и обеспечив тем самым прочный ледяной саркофаг?

Вандер Глопп, философствующий бродяга, единственный в лагере обладатель косматых штанов из шкуры индрикотерия, пояснил ему:

— Людям нужны ритуалы, к которым они успели привыкнуть. Это как рюмка перед обедом и две — после ужина. Привязывает к земле. А еще нужно привязать землю — насажать в нее как можно больше якорей, вымпелов. Что лучше могил свидетельствует о том, что люди здесь все-таки жили?

Утром к берегу прибило обломки мачты, две пустых бочки и фрагмент носовой фигуры.

Фигура изображал женщину, огромноглазую, простоволосую, с открытой грудью и змеей вокруг горла. Она была страшна и походила на утопленницу.

Старатель Микель, обнаруживший фигуру в дымчатых волнах, узнал ее.

— Это Эгле, Королева Ужей, — сказал он в лагере. Все приуныли. «Королевой ужей» называ-



лась шхуна, которая должна была доставить морем съестные припасы — солонину, муку, сушеные фрукты и вяленый чеснок.

— Все это теперь на дне, — заметил Друкс, хозяин прииска. — Десять дней назад был шторм, возможно, он и утопил «Королеву».

— А может, это был гигантский нарвал? — спросил Мигель.

— Нарвал, орка, плавающая льдина — какая разница? — сказал Вандер Глопп. — У нас интересное будущее.

— По меньшей мере, — согласился Друкс и ушел в свою хибару.

— Голодная смерть нам не грозит, — пожал плечами Конан. — Кругом столько мяса! Будем охотиться.

Вандер Глопп с большим сомнением промычал что-то. В этот момент снизу, глубоко из шахты стали подниматься старатели, началась пере-сменка.

Прииск назывался «Ледяное безмолвие». Конан нанялся сюда на три должности разом: он отвечал за внешнюю безопасность лагеря и должен был возглавить отряд обороны в случае нападения племен зууми и лапфаров; следил за порядком в самом лагере, а также давал предварительную оценку найденным драгоценным камням. Там, глубоко в толще мерзлой земли, обнаруживались цельные рубиновые глыбы, иногда почти идеальной кристаллической формы. Каким образом они возникли там — никто толком не знал. Ученые маги из городов наверняка могли бы



объяснить эту загадку, но Друкса интересовала не наука, а нажива, посему магов на прииске не водилось.

К вечеру в лагере начались толки. Зепп Ворчун, негласный лидер второй бригады, мутил умы.

— Теперь самое время бросить все и идти берегом, а потом — тундрой, — разглагольствовал он. — Есть шанс, что доберемся до наступления холодов.

Его слушали молча — каждый про себя осмыслял тяжелую ситуацию. Молчаливые раздумья чаще всего приводят к возмущению. Конан решил вмешаться.

— Вам придется идти сорок дней, а холода начнутся уже через десять, — сказал он, выходя на площадку перед бараком. Ее освещали фонари, висящие на лыжах, установленных «шалашиком».

Человек тридцать старателей окружали Зеппа. Среди них был и Микель, первый вестник несчастья.

— Глупо бросать все и тащиться в неизвестность, — продолжал варвар. — В пути кто-нибудь обязательно заболеет, устанет и будет замедлять движение остальных. Либо вы оставите его на верную смерть. Этим «кем-то» может оказаться любой. Думайте.

— Нам полгода придется зависеть от удачи охотников, — повысил голос Зепп Ворчун. — Теперь представьте, что вы, выбиваясь из сил, мотаетесь в темноте и метели, ничего не добыли, а



в лагере вас ждут голодные товарищи, которые будут обвинять вас. Наверное, даже бить.

Конан подошел ближе к говорившему. Толпа расступилась перед ним. Варвар кожей почувствовал и натянутую осторожность и даже опаску, с которой о нем теперь думали эти люди. Он представляет интересы Друкса, следовательно, он — не свой.

— Бредни пьяного мастодонта, — произнес Конан, оскалившись. — Голодать мы не будем. Набьем побольше мяса и сделаем запас — спрячем его в выработанной штольне. Там оно не испортится.

— А топливо? — спросил нервный Микель. Он справедливо догадался, что главным смутьяном Конан считает его, и теперь очень переживал.

— Неподалеку отсюда — сухой торфяник. За десять дней можно натаскать тьму горючего.

— Мы заболеем зубной гнилью, — тут же высунулся унылый хрящеватый парень по прозвищу Штырь.

— Я часто находил в тундре черепа с прекрасными здоровыми зубами, — ухмыльнулся на это варвар. — Жаль только, что жевать они никогда уже не будут.

Незатейливая шутка разрядила обстановку. Старатели посмеялись и стали расходиться. Зепп сел на бочку из-под ворвани и глянул на Конана с мрачным презрением.

— Когда многие из нас передохнут, Друкс сэкономит кучу денег, — изрек он. — Не забудь попросить у него прибавки. Ты ее выслужил.



Конан приблизился к Ворчуну вплотную и процедил:

— Послушай, мне плевать, что ты думаешь. Я говорю дело. Бунт погубит всех. Я не позволю.

— Смотри, не упали в шахту ненароком, — Зепп отстранил варвара и, насвистывая, ушел в барак.

«Должно быть, его следовало сразу убить», — сказал себе Конан.

Спустя некоторое время он восседал перед небольшой печкою в лачуге, которую делил с Вандер Глоппом. Сосед полулежал на нарах и попивал моховую настойку. За тусклым окошком шевелились тусклые сумерки.

— Третью ночь возле лагеря Завертянка поет, — молвил Вандер Глопп между прочим.

— Поет? Скорее, воет, — отозвался Конан, погруженный в раздумья.

— Согласен, дело вкуса. — Вандер Глопп почесал подбородок. — Для моего уха ваши варварские песни тоже...

— Может быть, отпустить с прииска всех желающих? — перебил его варвар. — Пусть убираются. Будет спокойнее.

— Допустим, ты убедишь Друкса, что в случае бунта он потеряет больше, чем прибыль, — рассудительно проговорил сосед. — Но когда беглецы погибнут в тундре — в чем лично я не сомневаюсь, — обвинять все равно будут тебя. Люди так устроены.

— Если бы только знал, до чего я не люблю брать на себя ответственность за других, — про-



ворчал варвар, и в синих глазах его мрачно и тревожно отразились языки пламени.

— А я думал, ты подрядился сюда добровольно, — удивился Вандер Глопп.

— В том-то и дело. Мне нужно учиться. Может, пригодится.

— Ты учишься управлять людьми?

— И этому тоже. Когда-нибудь у меня будет свое королевство.

Сосед Конана присвистнул, покачал головой, но ничего не сказал.

На следующий день работы в шахте были приостановлены. Три бригады старателей тащили на волокушах нарезанные куски торфа и раскладывали их для окончательной просушки. Конан во главе четвертой старательской группы отправился на охоту.

Небольшое стадо мастодонтов обнаружилось в четверти дневного перехода.

— Ты когда-нибудь охотился на таких гигантов? — осторожно спросил Микель, цепляясь за копьё, как за костыль.

Мимбо, черный великан с вывернутыми губами, загоготал басом.

— На моя родина водятся такие, только больше, много-много больше. А-ха! Я убивать их и не хватать даже перед женщиной!

— Вон тот, видите, — чуть в стороне от остальных, — Конан указал острием своего копья на выбранную добычу.

— Может, лучше убьем детеныша или старого? — предложил Микель. — Этот больно силен.



— Детеныша будет защищать мать, и нам плохо придется. А у старого мясо жесткое и вонючее. Цельте копьями в брюшину и задние ноги — тогда он не сможет быстро двигаться и истечет кровью.

Борьба мастодонта за жизнь и его агония были величественны и даже прекрасны. Правда, только Конан и Мимбо сумели увидеть это величие и прониклись к умирающему зверю большим почтением. Прочие суетились, отпрыгивали и с безопасного расстояния кололи пиками живую плоть в унылом остервенении мясников. Когда последний хрип наконец вырвался из исполинской груди, все становилось, переводя дух. Один только Микель, как заколдованный, с визгом продолжал бить копьём убитого зверя в бедро. Мимбо вырвал у него копьё и закатил ему оплеуху. Конан одобритительно кивнул.

Другие мастодонты отошли подальше и только изредка обеспокоенно трубили, взмахивая хоботами.

Тушу долго разделявали, сразу отвозя отделенные куски. За волокушами оставались следы в виде кровавых полосок. Сумерки слегка сгустились, что обозначало темное время суток. Скрестив руки, Конан стоял спиной к горе мяса и смотрел на горизонт. В какой-то момент он опустил глаза и увидел совсем рядом Завертянку. В ней было что-то от женщины и одновременно — от прозрачного зеленоватого насекомого, из тех, что живут не больше одного вечера. Завертянка посмотрела на него своими удивительными гла-



зами, вполне человеческими, если не считать их фасеточного строения. Одною рукой она придерживала на груди серую бесформенную накидку, колыхавшуюся от ветра, другая висела вдоль тела. В ее волосах шуршали чешуйки сухого мха.

Если старатель больше полугода не видел настоящей женщины, при виде Завертянки у него слабеют колени. А когда губы на лице ее варут вытягиваются в хоботок и она начинает петь голосом, от которого все чешется внутри, человеку уже не кажется странным ее вид...

Иные утоляли с нею мужской голод, после чего постепенно утрачивали человеческую речь. Они уходили в тундру, и никто не пытался их остановить. Гибли эти несчастные или перерождались окончательно — кто знает?

У других хватало душевных сил удержаться. Но эти еще долгое время видели во сне Завертянку и слышали ее песнь, скрипели зубами и стонали в горячке.

Одного такого Конан встретил в Йерне. Звали его Йофф. Он заработал на приисках прорву денег, вернулся домой, удачно женился и собирался предаться честно заслуженной праздности. Однако зыбкий голос Завертянки настиг его. Началась тоска. Избитое, промерзшее, натруженное тело стало ныть. Глаз упирался в городские постройки, нелепо приклеенные друг к другу. Йофф метался по своему дворцу, рычал на прислугу, бил жену и шаялся по притонам, нарываясь на потасовки.

Однажды, когда Конан случайно толкнул его



плечом в трактире, Йофф выхватил клинок. Варвару пришлось убить его. Умирая, бывший старатель рассказал своему убийце о Завертянке, о сумерках, о дымчатых волнах — под глухой вой перепуганной шляхи и ругань трактирщика. Стража в этом квартале не слишком спешила на «присшествия», и Конан дослушал Йоффа до конца.

Теперь он видел Завертянку перед собою. Та не начинала петь, только смотрела на варвара. Даже отвернувшись, Конан чувствовал ее взгляд. В этот вечер Завертянка не пела у лагеря — занималась чем-то другим: перелетала с одного валуна на другой, хватала пальцами ног вертких маленьких порлингов или паялась в мерцающие волны студеного моря.

* * *

Потянулась череда дней. Худо-бедно старатели приготовились к зимовке и вернулись к обычному своему труду. Скоро пошел снег, и небо сделалось темным — опустилось совсем низко. Началась ночь. Снег шел без конца, со стороны моря задул хриплый ветер и принес настоящую стужу, от которой плевков на лету превращался в ледяной шарик.

В шахте было теплее, но все работа пошла медленно — из-за мороза отказала лебедка, и куски отработанной мерзлоты теперь вытягивались вручную. Обычно механизм лебедки согревал большой светильник, от которого теперь пришлось отказаться — сэкономили ворвань.



— Я бы отобрал у этих мерзавцев все инструменты, — желчно сказал Друкс. — Пусть рвут породу руками, и у них не останется сил бунтовать. А ты, варвар, лучше бы угомонил Зеппа — этот парень еще доставит нам неприятностей.

— Когда он даст мне повод, я убью его, — отвечал Конан спокойно. — Но сейчас он осторожен. Старатели не готовы бунтовать, и Ворчун выбирает момент. Я думаю, дней через двадцать такой момент настанет.

— Почему именно через двадцать?

— По моим подсчетам, в это время кончится вся выпивка в лагере.

Друкс помрачнел еще больше. Конан усмехнулся про себя. Хозяин прииска мало чем отличался от своих старателей, разве что был более удачлив. В остальном он всецело принадлежал к этому типу людей — жестких, алчных, угрюмых, привыкших к близкому присутствию смерти. Таких же людей воспитывает море — беспощадных к себе и другим. Но пристрастие к спиртному делает их уязвимыми. Они не похожи на беспечных городских гуляк или забубенных горьких пропойц — выпивая, эти люди остаются мрачно-целеустремленными, крепкими. Но если отнять у них выпивку, они начинают томиться и сердчать.

Конан не сторонился хмельного питья, находя в нем источник жизнелюбивого удовольствия. Здесь он старался не пить потому, что, опьянившись, начинал желать женщину. Ему было даже любопытно, как, столкнувшись с подобным желанием, поведут себя эти люди, преувеличен-



но-мужественные и суровые. До сих пор они ограничивались нудным пересказом похабных историй, неправдоподобных и оттого неинтересных. Один только Мимбо держался с достоинством, уважая в себе княжескую кровь. Кстати сказать, он своим примером опровергал расхожее мнение, будто бы чернокожие плохо переносят холод.

Как и предполагал варвар, спиртное иссякло через двадцать дней. Небольшие запасы мховой настойки хранились у Вандер Глоппа, но об этом знали только он сам и Конан.

Вандер Глопп духом не томился — ему так уютно было в тесной, жарко натопленной лачуге, что просто зависть разбирала. Часами после работы он пролеживал на нарах и, глядя на раскаленную печную дверцу, размышлял о чем-то.

— Ошибкой было приезжать сюда, — как-то сказал ему Конан. Это было на четвертый день вынужденного «сухого закона». Ветер гудел за стеной с особенной злостью.

— Большой Хелль, — отозвался Вандер Глопп.

— Что? — не понял Конан.

— Так называют северную тоску поморы. Большой Хелль. Ничего, самое трудное — вынести первую зимовку. Мне, помнится, казалось, что конца ей нет...

— Конец приходит всему, даже твоей настойке, — заметил Конан. — Ничего не происходит — это плохо. Я теперь понимаю тех, кто хотел уйти.

Сосед варвара усмехнулся и зевнул.

— А я люблю, когда ничего не происходит. Со мной столько всего успело случиться, что в та-



кие дни я отдыхаю и радуюсь от души. Никуда не надо идти. Ничего не нужно тащить на себе. Теплушка, кусок жареного мяса и койка — все, что нужно человеку.

Конан иступленно зарычал, но в этот самый момент кто-то иступленно принялся колотить в дверь снаружи.

Микель, попав в лачугу, прилип руками к печному боку, моментально опьянел от теплого воздуха, насыщенного парами мховой настойки, принужденно улыбнулся и только после сообщил:

— Хозяин требует тебя на шахту. Там ребята кое-что нашли.

— Рубин?

— Нет, там другое... А рубинов уже неделю не было...

Микель вертел головой, стараясь догадаться, где Вандер Глопп хранит бутылку с настойкой.

Застегнув утепленную куртку, Конан крепко ухватил старателя за плечо и повлек его за собою к выходу.

— А ты не пойдешь? — спросил он у соседа, но тот, закрыв глаза, притворно храпел.

Друкс встретил их у входа в шахту.

— Я никогда не видел такой ерунды, да и ты, наверное, тоже, — сказал он Конану.

— Да скажи наконец, что это? — потребовал варвар.

— Это труп.

— Меня вытащили на мороз, чтобы показать мне труп? — Конан сердито уставился на своего



работодателя. Тот фыркнул и направился вглубь, покачивая факелом. В его отсвете стены шахты жирно поблескивали. Конан пошел следом. Микель с тяжелым светильником замыкал шествие.

Старатели, караулившие находку, были рады оторваться от работы и почесать языки. Их голоса слышались уже на втором ярусе. Спустившись до пятого, Конан свернул налево, в штольню, за мерцающим факелом Друкса.

Штырь, Гонза и еще двое, имена которых Конан не помнил, расступились.

— Светильники ближе! — распорядился Друкс, и через мгновение желтоватый свет ярко озарил камеру штольни.

Гладкое, иссиня-белое тело, сходное с человеческим, неестественно выделялось на фоне черной, блестящей породы. Оно казалось вырезанным из цельной глыбы мыльного камня и было таким же твердым и холодным. Тело лежало на спине, вытянувшись. Узловатые руки, очень длинные, были скрещены на голом животе. Пальцы рук заканчивались искривленными, матово-черными когтями. Ноги же вместо пальцев оснащались роговыми крючьями, по шести на каждой ноге.

На теле не было ни одного выраженного признака пола, а лицо, безбровое, лишенное даже ресниц, походило на маску тонкой работы — в нем застыла странная, отталкивающая красота. Под высоким бугристым лбом размещались большие глаза, расставленные широко и краями уходящие на виски. Заклеенные окаменевшими ве-



ками, глаза эти словно оставались зрячими, и это пугало. Тонкий нос обладал чуткими нервными ноздрями, и было похоже в мерцающем свете, что ноздри эти трепетали. Плотно сжатый тонкогубый рот язвительно кривился.

— Ишь, скорчил рожу, — заметил Штырь, и другие старатели коротко хохотнули.

— Как вы нашли его? — спросил киммериец, бесстрастно рассматривая мертвеца.

— Он стоймя стоял, в породе, — пояснил Гонза. — Мы сначала плечо увидели — оно торчало из стены. Ломом поддели снизу, мерзлота осыпалась, он и выпал. Мы сюда его снесли. Давно он тут, эвон — одежда вся истлела.

— Непохоже, — пробурчал Конан.

Друкс приблизил факел к самому лицу окаменевшего и произнес:

— Это древний. Лет с тыщу, а то и две назад он провалился в болото. Мертвяки в болоте не гниют, я точно знаю. Тут раньше тепло было, а потом все замерзло. И этот в болоте замерз.

— Не было здесь болота, — объявил Гонза. — Болото образует бурую породу, которая режется, как масло. А здесь — черная, зернистая и крошится все время.

— Древние были людьми, а это не человек, — заметил Конан.

— Кто же это тогда?

— Понятия не имею.

— Должно быть, он стоит кучу денег, — предположил Друкс, на что варвар ответил:

— Я не дал бы за него и медяка.



— Надо закопать его в отвал, — бледнея, сказал Штырь. — Все-таки это покойник...

— Покойнику все равно, где валяться, — ощерился Друкс. — Завтра мы заколотим его в ящик и отнесем на склад.

— Хочешь вывезти его на большую землю? — поинтересовался варвал. — Продашь колдунам или будешь показывать его на ярмарке?

— Все, что найдено в этой земле, принадлежит мне, — хозяин прииска пожал плечами. — Я найду, как использовать эту диковину. Жалко — никто не знает, что это за тварь.

— Боишься продешевить?

— Ага.

— Может, это — один из ночного народа? — высказался Гонза.

— Вряд ли, — покачал головой Конан. — Когда кто-то из ночных созданий погибает, от него остается только ворох спутанной паутины. Кем бы ни было это... оно мне не нравится.

И варвар пошел к выходу из штольни. Старатели направились следом.

— Ну и плевать, — сказал Друкс.

Вернувшись в свою лачугу, Конан пытался избавиться от неприятного чувства, которое возникло рядом с окаменелым трупом. Сначала он скрипел зубами, лежа на топчане, потом вскочил и принялся расхаживать взад-вперед по тесному помещению. Вандер Глопп глядел на него сквозь ресницы. Наконец он не выдержал, кряхтя, поднялся и произнес:

— В такой темнотище, конечно, неважно, ко-



торый теперь час. Однако мне нужно выспаться. Я поделюсь с тобой настойкой, если ты угомонишься и ляжешь баиньки.

Варвар согласно кивнул, выпил кружку резко пахнувшего спирта, взъерошил гриву своих черных волос и уселся на постель, подперев тяжелый подбородок кулаком.

— Я считал себя совершенно бесстрашным, — сообщил он соседу. — Но сегодня испытал кое-что, похожее на страх или оторопь. Это не дает мне покоя. Похоже на предчувствие беды. — И варвар рассказал об увиденном.

Вандер Глопп поднял брови, выслушал Конана очень внимательно и произнес:

— Занятно.

— И только-то?

— Ты зря смущаешься. Ты не напуган. Это больше похоже на брезгливость. В шахте тебе показали нечто чуждое человеческой природе. Затрудняюсь сказать, что это... Да и не важно. Давай-ка спать.

— Завертянка так же чужда человеку, — возразил Конан. — Я видел ее совсем близко, и она была живая. Но меня это не смущало.

Вандер Глопп погасил лампу, зарылся в ворох одеял и лениво процедил:

— Очень многое зависит от степени чуждости. Завертянка и прочие здешние твари рождены землей — холодной, неприветливой, покрытой мраком. Но люди уже давно живут на ней и считают ее своей. А голый мертвец из шахты вполне может быть порождением совсем другого мира.



Мир этот, скорее всего, стигнул, растворился во времени так давно, что от него не осталось даже легенд. Не только наш разум ничего не знает о нем, но и в нашей крови не сохранилось воспоминаний.

— Воспоминания в крови? Объясни, — потребовал варвар.

— Попробуй подпоить Мимбо и заставь его рассказать сказку-другую из тех, что когда-то ему рассказывала мать... — Философ-бродяга зевнул и продолжил, борясь со сном: — Ты обнаружишь, что сказки эти удивительно похожи на те, что ты сам слышал в детстве. То же самое удивит и Гонзу, и Ворчуна... Когда-то все человечество было в младенческом состоянии и поэтому... Словом, кровь помнит те вечера, когда люди-младенцы грелись у первого огня, а боги-творцы рассказывали им сказки. Так приключения круглого пирога, злокозненно съеденного в финале, суть коловращение небесного светила... А разбитое яйцо отражает... зарождение мира... мир — вселенская яичница... с луком...

Вандер Глопп умолк и задышал глубоко и ровно.

Лет ему было много больше сорока, что делало его в глазах молодого варвара глубоким стариком. По части жизненного опыта сосед Конана и впрямь не был юнцом, знал и видел предостаточно. Наиболее заметной деталью его лица являлся сизый, хрящеватый нос, перебитый во многих местах. Один только этот нос свидетельствовал о бурной и пестрой биографии, а также



разоблачал привычку владельца к выпивке. Морщины разнообразных форм указывали на другие привычки — например, шуриться, размышлять и ухмыляться. Цветом лица Вандер Глопп походил на курительное зелье, а половина его зубов была из железа. Некогда он собирался стать ученым и постичь суть многих вещей. Маг, к которому пытливый юноша нанялся в подмастерья, оказался скучным, черствым субъектом. Его фантазии не хватало даже на то, чтобы придумать шарлатанский фокус. Юный Вандер Глопп бежал от него через месяц.

Алхимия также не увлекла его, а ремесло звездочета поначалу понравилось. Таинственные названия звезд и созвездий, не менее таинственные перемещения их по небу — все это было занятно и позволяло мечтать. Однако очень скоро искатель истины был разочарован.

«Вислобрюхий лавочник, родившийся под знаком Пантеры, не похож ни на Пантеру-созвездие, ни на пантеру-животное, — подумал Вандер Глопп. — Не может быть ничего общего между пошлым, скупым занудой и девятью красивыми звездами в небе. Это обман. Предсказания часто не сбываются, а лавочники все равно будут платить за них деньги, потому что им лестно находиться в зависимости от небесных тел...»

И Вандер Глопп удрал от звездочета.

Надо увидеть жизнь, решил он. Узнать людей. И не этих кислых горожан, а людей настоящих. Надо внимательно наблюдать за ними, научиться их понимать.



С этими мыслями молодой человек устроился на серебряный рудник. Туго ему пришлось по первости, но тело окрепло, а разум обратился внутрь. Вандер Глопп изучал не окружающих людей, а самого себя, толкая по узкому проходу тяжелую тачку. Это было в глубине Ванахеймских гор, довольно далеко от дома.

В самых недрах рудника сам собою созрел бунт и вдруг вскипел, вылился наружу. Однообразные стычки и скучная, остервенелая расправа над начальством совсем не понравилась Вандер Глоппу, хоть он и принадлежал к угнетаемому меньшинству. К тому же княжеская дружина вот-вот должна была преодолеть перевал. Все это превратилось в досадное недоразумение, которое мешало самопознанию и в перспективе оборачивалось смертной казнью.

Тогда Вандер Глопп бежал, унося в мешке серебряный самородок, полкаравая хлеба и разрозненные страницы дневника, содержащие меткие наблюдения и мудрые выводы из них. Хлеб скоро был съеден, рукопись при рассмотрении оказалась высокопарным вздором и пошла на растопку костра. Дружинники нашли его утром и велели показать руки. Ладони были черны — серебро въелось под кожу. Вандер Глоппа приговорили к повешению, но по счастью кто-то решил, что в качестве гребца бунтовщик претерпит сильнее муки.

— В сущности, здешняя баланда равноценна шахтерской похлебке, — рассуждал философ, прикованный к скамье. — А свежего воздуха



здесь больше, чем на руднике. Морской климат полезен...

Полностью ушедший под собственную кожу, Вандер Глопп выполнял тяжелую работу механически, без участия души, и посему не слишком уставал. Вероятно, размышления его были плодотворны. И как знать, может быть, он открыл бы новейшую всеобщую теорию всего, если бы ванахеймскую грузовую галеру не захватил знаменитый пират-поэт Ритч Руфус. Всех пленников, согласных ему служить, Руфус напоил ромом, а несогласных выбросил за борт, без злобы и весело. Душегубство не опьяняло его.

— Я жажду интересного, — говаривал он. — Я хочу найти себе красивый остров в теплом море и стать его правителем. А разбой — это так, эпизод, каприз джельмена. Я больше, чем пират, и этим хорош.

Остров так и не нашелся, и Руфус закончил так же, как и многие поэты — помер от белой горячки. Вандер Глопп не сумел до конца определить, кем он был, этот человек, — банальным неудачником в нарядном кафтане или тонкой, ранимой личностью? В одном он был уверен — красивый остров нужно иметь в себе самом, а не искать его в бескрайних волнах.

В Аквилонию Вандер Глопп попал через год после того, как «списался» с пиратского судна. Ремесло наемного солдата прельстило его простотой. Топать в хвосте колонны приходилось чаще, чем воевать, а марш-броски весьма способствуют размышлениям. Но подвернувшись ненароком



под удар рыцарского копья, лежа на поле боя и вглядываясь в знакомые созвездия, искатель истины вдруг пересмотрел свою точку зрения. Собственная персона перестала казаться ему чем-то значимым, достойным изучения. Жизнь как таковая неожиданно увлекла Вандер Глоппа, и он радовался даже боли в пронзенных кишках. Следовало быстро приучить себя к мысли, что смерть — это тоже жизнь, хоть и другая, но некая марки-тантка по имени Фарелла нашла его и втащила в свой возок.

— Если я выхожу тебя, обещаю, что не удержу! — сказала она.

Вандер Глопп стал рассказывать ей о неожиданном своем открытии, на что она всплеснула руками и сказала:

— Ну вот, он бредит!

Каким образом Фарелла лечила его — неизвестно, но он не умер, а даже напротив — через два месяца был как новенький.

Смысл бытия открылся ему в обыкновенной земной любви, избавленной от мертвой романтической чешуи и зауми. В любви к женщине с крепкими ногами, бывалым лоном и практичным складом ума. Фарелла работала на войну, переходя от одной армии к другой.

— Подумаешь тоже, наших бьют! — фыркала она. — И новые станут нашими, стоит мне отдаться паре-другой солдат. Что те, что эти — все из одного теста.

Ее философия дала сбой всего однажды, но этого было достаточно: очередные «победители» в



виде десятка одуревших молокососов захватили фургон, овладели маркитанткой по очереди и, возомнив себя настоящими «кровавыми псами», повесили ее на березе. Вандер Глопп вырвался, зарубил двоих и убежал.

Смысла более не было ни в жизни, ни в смерти. Стремясь оказаться подальше от всего знакомого и привычного, Вандер Глопп очутился на берегу полуденного студеного моря и жил тут уже лет десять. Он был и охотником, и старателем, и знахарем. Рубцы затянулись. Одних убивают серые сумерки без конца, а других, напротив — лечат от тоски. Большой Хелль пугал Вандер Глоппа меньше всего. Впрочем, теперь он вообще ничего не боялся. Смыслом его жизни оказался внутренний покой, и Вандер Глопп обрел его.

* * *

Приятели разбудил резкий, настырный звук: кто-то в крошечной темноте колотил в сигнальный гонг.

— Рановато для начала первой смены, — пробормотал Вандер Глопп.

— Это сигнал тревоги, — сказал варвар. — Что-то стряслось.

— Если это чья-то шутка, оторви шутнику... — хмуро пожелал сосед Конана. Варвар наскоро запахнулся в меховой плащ, пристегнул ножны и выскочил в обжигающий холодный мрак.

У дверей хозяйственного барака плясали огоньки трех факелов и передвигались еле различимые



мые тени. Подойдя ближе, Конан разглядел Зеппа, Микеля и Гонзу. Гонза был бледен, а Микеля тошнило — он мычал и падал, скрючившись. Тревожный гонг продолжал сотрясать ледяную ночь.

— Там внутри — старатель Скиба, — мрачно изрек Зепп. — Его убили.

— Можно было подождать с этим до утра. — Конан двинул плечом. — Скиба подрался с кем-то, его зарезали — ну и что? К чему будить весь лагерь?

— Его не зарезали.

— Значит, ему проломили голову.

— Нет, это другое, — сказал Зепп. — Совсем другое...

— Его разорвали, как кусок мяса, — проговорил Гонза. — Как сырую отбивную...

Микеля в очередной раз вывернуло.

— Кто это обнаружил? — спросил варвар.

— Мы втроем, — ответил Зепп за всех.

— Когда?

— Недавно. Перед началом смены мы хотели собраться и обсудить кое-что, что тебя не касается. Скиба шел впереди меня, а потом пропал. Мы ждали его здесь, пока не увидели, что дверь в барак открыта.

— Кто заглянул внутрь?

— Я. — Зепп засопел. — Посмотри сам, что с ним случилось. Человеку такое не под силу. Так что меня не подозревай.

Варвар отобрал у Ворчуна факел, отодвинул своего собеседника в сторону и вошел в барак.



Изувеченное тело лежало в двух шагах от порога в большой луже застывшей крови.

— Похоже на снежного леопарда, — сказал Гонза, стоя в дверях. — Глянь — вырван живот и оторвана мякоть бедра.

Конан осветил факелом заледенелые доски пола.

— Следы вовсе не похожи на леопарда, — отметил он. — Может, медведь... А зачем Скиба зашел сюда?

Ему никто не ответил.

Выйдя из барака, варвар осмотрел снег кругом, но все было истоптано. Только две капли крови, упавшие, по всей видимости, с морды неизвестного зверя, выделялись на белой поверхности.

— Кто колотит в гонг? — поинтересовался Конан, потому что сигнал тревоги все еще разносился над лагерем, отчаянно и безнадежно.

— Штырь, — отвечал Гонза.

— Скажите ему, чтобы прекратил. Иди, Микель, скажи ему.

— Я никуда не пойду! Я не пойду никуда! — заорал Микель, барахтаясь в снегу. — Ты, ты должен охранять нас. А его съели! Пока ты спал!

— Заткните его, — велел варвар, но Микель утих без посторонней помощи.

Со стороны жилых бараков приближались голоса и фонарные огоньки.

— А что здесь делал Штырь? — спросил Конан. — Ему не нужно было выходить на утреннюю смену.



— Не твоего ума дело, — с готовностью ответил Зепп Ворчун.

— Может быть, да, а может быть, и нет.

Зепп не изъявил желания продолжать беседу.

Из числа новоприбывших Конан выбрал Мимбо и еще трех человек, понимавших в охоте. Они принялись бродить кругами и искать следы неизвестного хищника. Но сильный снегопад свел на нет их усилия. Тело погибшего завернули в мешковину и вынесли.

— Зверь вернется, — убежденно сказал Мимбо. — Скоро-скоро вернется. Он большой и сильный, он не наелся. Когда он схватит и жрать кого-нибудь еще, мы его убивать.

Старатели слушали его сумрачно. Друкс, злой и не проспавшийся, велел прекратить валять дурака.

— Лучше возьмите большой ящик, упрячьте в него вчерашнего древнего мертвеца, да снесите на склад, — напомнил он. — За зиму я рассчитываю потерять человек десять, не меньше, это обычное дело. Ступайте работать, нечего прохлаждаться!

Зепп, слышавший это, сверкнул глазом и пробормотал что-то.

Улучив момент, Конан подошел к хозяину прииска и сказал ему:

— Не нужно осложнять мне работу. Ты злишь людей словно нарочно. Если они выйдут из себя, я не сумею защитить твою жизнь.

— Значит, плакали твои денежки, — рассмеялся Друкс и ушел к себе.



Варвар отправился наблюдать за упаковкой таинственного мертвеца. В штольни внесли громоздкий ящик из-под инструментов, на дне которого лежали потемневшие опилки. Штырь и его подручный спорили, кому держать окаменелое тело за голову.

— Она скользкая, я уроню, — бубнил подручный.

— Я тебе уроню! — злобно шипел Штырь. — А ну, хватай!

Конан глядел на них молча. Его веселило странное смущение Штыря — тот суетился и дергался, словно пойманный на дешевом воровстве.

— Я все равно узнаю, что вы делали возле хозяйственного барака, — сказал он вслух. Штырь прикинулся глухим.

Подручный наконец уступил. Он обхватил голову мертвеца и с невероятным кряхтением оторвал ее от грунта. Штырь взялся за ноги. Вдвоем они сумели приподнять тело, но недостаточно высоко.

— Тяжелый, — прокряхтел подручный и выругался. Малиново-красный Штырь повернулся к Конану и злобно крикнул:

— Не хочешь помочь?

Презрительно ухмыляясь, варвар ухватил тело посередине. Ему случалось поднимать груз и потяжелее этого, хотя он и не ожидал, что мертвец может весить столько. Но самое удивительное: сегодня на ощупь тело было теплым и напоминало не камень, а отполированное дерево. От этого ощущение брезгливости только усилилось.



Его уложили на дно ящика. Штырь изготовился уже накрыть ящик крышкой, однако Конан жестом велел ему повременить. Он внимательно осмотрел загадочного мертвеца еще раз и готов был поклясться, что в нем что-то изменилось. Но что именно? Может быть, усмешка на твердом лице сделалась еще язвительнее?

— Кто сказал, что мертвые не смеются? — пробормотал варвар в задумчивости.

В большой спешке старатели заколотили ящик, им не терпелось избавиться от малоприятного зрелища. Потом, придавливая друг другу руки и переругиваясь, они повлекли ценный груз к подъемнику.

Друкс ждал их на складе. Он был уже хорошо пьян, и это оживило его.

— Снимайте крышку, — приказал он. — Я хочу посмотреть на моего красавца!

Штырь с подручным сделали, как он велел, и быстро удалились. Конан остался.

— Нужно придумать ему имя, — сказал Друкс. — Например — Рупрехт. А? Хорош, хорош, хоть и чучело. Он принесет мне удачу.

В настоящее время Друкс нуждался в удаче, даже очень. Прежде она благоволила ему, как зачастую женщина вопреки здравому смыслу благоволит негодяю. Рано или поздно, но она теряет терпение и покидает недостойного. Так же случилось и с удачей хозяина.

Сын богатых и знатных родителей, Друкс с юности вел двойную жизнь. Для большинства своих знакомых он был спокойным расчетливым



человеком, весьма предприимчивым, солидным и скромным. Но были и такие, кто знал Друкса в качестве записного игрока, неистового гуляки, идущего на поводу своих страстей. По ночам он в бешеном весельи проматывал то, что зарабатывал днем.

Огромные суммы уходили на содержанок, хотя странный молодой человек редко пользовался их интимными услугами. Больше удовольствие он получал от власти над этими разукрашенными куклами. Может быть потому, что в детстве его не баловали игрушками.

Еще он окружил себя сворой прихлебал, и каждый прихлебала воображал себя хитрецом, а Друкса — простаком, за чей счет можно пожить.

Но Друкс видел их насквозь — они забавляли его, он срамливал их друг с дружкой, вынуждал поддакивать себе и исподволь смеялся, а потом отшвыривал их прочь, как негодное тряпье.

Играя на деньги по-крупному, Друкс не испытывал азарта — ему хватало волнения противника, он напивался чужими чувствами, словно вампир. Однажды он осознанно проиграл несколько раз кряду начинающему мошеннику — только для того, чтобы посмеяться над его самонадеянной алчностью.

А по утрам, с неизменно постным и благочестивым видом Друкс занимался почтенными деловыми операциями и слыл образцовым горожанином.

Но однажды, наблюдая за деловой суетой



серьезных господинчиков в ратуше, Друкс не выдержал. Он рассмеялся, взъерошил свои волосы, дал пинка секретарю и вылил полную бутылку чернил на голову одному тороватому ремесленнику, с которым за минуту до этого подписал выгодное соглашение. Заливаясь безумным смехом, он прыгал по столам, расшвыривал кипы бумаг и даже запустил абакон в физиономию надзирателю торговой палаты.

Друкса призвали к порядку, то есть — вывели вон при помощи стражи. На этом деловая карьера Друкса закончилась.

Денег у него оставалось еще довольно, и город приблизительно полгода содрогался от бешеной гульбы бывшего делового человека.

В один замечательный вечер некий путешественник с севера, гулявший без отдыха много дней кряду, попал за один игровой стол с Друксом. Звонкие монеты у путешественника иссякли, не хватило даже расплатиться за вино.

В угаре поставил он на кон свое главное сокровище — прииск «Ледяное Безмолвие». Друкс выиграл его в три броска и тут же сам составил все надлежащие документы. Путешественник, протрезвевший и подавленный, покинул притон нищим. Сказывают, он утопился в канале, прокляв напоследок всех игроков вообще и Друкса в частности.

А бесноватый гуляка на следующий же день предъявил своим собутыльникам обширные долговые счета. Привыкшие к постоянной зависимости от своего главаря, нахлебники как-то неза-



метно для себя очутились на прииске в качестве очень дешевой рабочей силы. Некоторые из них бежали и погибли в тундре, некоторые не выдержали непосильных трудов и зачахли. Но это Друкса не волновало. Прииск приносил прибыль, сказочную, грандиозную — о такой он и не мечтал. Друкс мог бы вернуться назад, однако, исполненный презрения к человечеству, предпочел поселиться тут же, в неказистой лачуге.

В старателях не было недостатка. Три-четыре найденных за зиму рубина с лихвой искупали десятки человеческих жизней. «Они — люди, а я — сверхчеловек, — думал Друкс, глядя на наемных бродяг. — Если существуют они, должен существовать и я».

Зепп Ворчун тоже считал себя сверхчеловеком.

Никто не знал, откуда он пришел, словно Зепп сам собою возник из кислой барачной вони. Лучшие нары, которых он был достоин, стоили жизни их прежнему владельцу — тот некстати заупрямился. Прочие обитатели барака решили, что так и должно быть. Некоторые рычали для вида, хотя в душе покорились сразу.

Была в Ворчуне страшная сила, хоть с виду он представлялся обыкновенным жилистым мужичонкой. Сила эта выглядывала иногда из глаз Зеппа, сквозь спутанные космы, когда Ворчун глядел исподлобья. «Люди — волки, — говаривал он. — Все остальное — вранье».

А вечные подростки, вроде Микеля или Штыря, глядели ему в рот и подвывали, как волчата...



Варвар был очень неудобен Зеппу. Если Друкс был противником закономерным, игравшим по тем же правилам, то Конан ни во что не играл и отвергал все волчьи ритуалы. С ним невозможно было не считаться. Но самое опасное качество его заключалось в спокойствии. Конана невозможно было вывести из себя. Кроме того, что особенно злило Ворчуна, среди молодых старателей обнаружили желающие подражать варвару. Нельзя было мириться с этим. Зепп Ворчун долго думал, как исправить ситуацию, и однажды его посетило вдохновение...

* * *

Следующий день обошелся без происшествий.

Мимбо настаивал на вооруженном патрулировании лагеря, но Конан отговорил его.

— Твой первый план был лучше, — сказал он. — Сторожа не смогут ходить в темноте, а хищник увидит огни и затаится.

Мимбо ухмыльнулся и задал вопрос:

— Скиба, которого съели, почему был без фонаря? Ты думать об этом?

— Нет, — признался варвар.

— Тогда думать теперь.

— В самом деле, почему у Скибы не было ни фонаря, ни факела? — размышлял Конан вслух, сидя на топчане в своем углу лачуги. — Что этот несчастный делал в хозяйственном бараке, один, в крошечной тьме?

— Может быть, чудовище схватило его на тро-



пинке и уволокло в барак? — предположил Вандер Глопп.

— Барак запирается на засов. Звери не открывают засовов, а нежить не смогла бы прикоснуться к холодному железу, — возразил Конан. — В смерти Скибы повинен человек, и я найду его.

— Допустим, убийство Скибы было спланировано. Но к чему такие сложности? Его попросту можно было зарезать и представить это как самозащиту.

— Должны быть причины.

— Поймешь их — найдешь убийцу, — молвил Вандер Глопп и подкинул в печку кусок торфа.

Ночью Конану снился мертвец из шахты. В искрящемся сумраке возникало его неподвижное бледное лицо и вдруг искажалось в ярости. А потом увиделись его руки — синевато-белые, с черными когтями, сцепленные на гладкой груди.

От тревожных размышлений, не оставлявших его даже во сне, Конан проснулся в скверном настроении.

В этот день нашли мертвыми еще двух старателей — хищник растерзал их так же, как и Скибу. Их изувеченные тела обнаружили возле склада. Никто не мог вспомнить, когда и зачем погибшие вышли из барака среди ночи. И снова возле них не было ни факелов, ни фонарей, хотя даже отлучаясь по надобности старатели брали с собой огонь.

Друкс с учетной книгой в руках шарил по складу и ругался — он был уверен, что убитые хотели обокрасть его. Подтверждением этих по-



дозрений служила выломанная дверь, висящая на дужке бесполезного теперь замка.

— Странно, — сказал варвар, осмотрев дверной косяк. — Такое ощущение, что дверь выбили изнутри.

— Чушь, — отрезал Друкс. — Но что это? Мерзавцы вскрыли ящик с моим окаменевшим приклетелем!

Он сорвал крышку, гвозди из которой, согнутые, валялись на полу.

— Они, к счастью, не успели ему повредить, — бормотал он, рассматривая неподвижное страшное тело. Конан взглянул на нечеловеческие останки и хмыкнул.

— Глупо воровать такую громоздкую тяжелую штуку, — заметил он. — По-моему, здесь дело в другом.

— Оставь свои мысли при себе, — ядовито сказал хозяин прииска. — Я плачу тебе за охрану моего добра, но ночной хищник справляется лучше тебя и не требует жалованья.

Конан пожал плечами и вышел. У него имелась пара догадок по поводу случившегося.

* * *

Микель, обжигаясь, глотал похлебку, сидя на своих нарах. Из его водянистых глаз катились слезы. Конан смотрел на него в тишине — ждал.

— Я ничего не знаю, я ничего не видел... — захныкал Микель и поперхнулся. — Что тебе нужно от меня?



— Погибнут все, кого Зепп заставил участвовать в своей затее, — сказал варвар. — У тебя есть еще возможность спасти свою шкуру.

— Ничего не понимаю, о чем это ты говоришь. — Микель взглянул умоляюще. Голос его дрожал.

Конана затошнило.

— Когда пугало, которому тысячи лет, начнет выедать тебе потроха заживо, ты вспомнишь мои слова, — произнес он. — Ты же видел, как это было со Скибой. Ты все видел. Я только в толк не возьму, как Зепп догадался, что каменный труп можно оживить. Не знаешь?

Неожиданным быстрым движением Конан нанес Микелью сильную пощечину, от которой тот повалился на пол.

— Говори, слизняк! — В голосе варвара появились страшные отзвуки. От ужаса Микель даже рыдать перестал.

— На мертвеце был какой-то амулет. Штырь его украл, верно? И показал Зеппу, правильно? На амулете были письмена? И Ворчун сумел их прочесть? Кто ему помог?

Микель кивнул, причем кровь хлынула у него из носа.

— Сам. Он сам прочел, — давясь, сказал он. — Я не знаю как.

— А бедного Скибу вы попросту принесли в жертву?

— Ему нужно было поесть... Он требовал еды... Как ты догадался?

Конан ухмыльнулся.



— Ваш ходячий труп переменил положение рук. Согласись, это неспроста!

— Ты очень уверен в своей силе? — злобно шурясь, проговорил Микель. — Но это тебе не по зубам. Ты сам — ходячий труп.

Конан пропустил это мимо ушей.

— Если ты подробно расскажешь мне, как выглядел амулет, я не сломаю тебе рук и ног, — пообещал он.

* * *

Возвращаясь с рабочей смены, Зепп Ворчун столкнулся с варваром на протоптанной в снегу узенькой дорожке. Конан буквально налетел на него, и оба они повалились. Фонарь зашипел в снегу и потух.

— Чтоб тебе! — выругался Зепп. — Глаза в теплушке позабыл, да?

Конан промычал что-то в ответ.

— Ты что, пьян? — Зепп оскалился. — Напились? Хорош охранник!

— Пьян? Вздор! — С трудом поднявшись на ноги, Конан неловко отряхивал с одежды налипший снег.

— Ладно, не сердись, — заговорил Ворчун примирительно. — С кем не бывает. Ты куда шел?

— Спать, — отозвался варвар и покачнулся.

— Дурачина! Твоя хибара в другой стороне лагеря.

— Разве? — Варвар погрозил ему пальцем и глупо хихикнул.



— Обожди-ка... — Торопясь, Зепп достал огниво, запалил фитиль фонаря и предложил: — А что, герой, проводить тебя? А то замерзнешь, или тебя съедят.

— Вздор! — упрямо произнес Конан и вдруг обмяк, уцепившись за плечо Ворчуна. Тот тряхнул и прошипел:

— Тяжелый, сволочь!

Огромное тело варвара, совершенно непослушное и глупое, вело себя непредсказуемым образом. Длинные мускулистые ноги превратились в толстые канаты, волочились и путались между собой. Конан все время мычал и то и дело принимался отхаркиваться.

— Куда ты привел меня? — захохотал он, увидев двери склада. Их успели починить, и теперь они снова были заперты. — Разве я здесь живу?

— Да стой ты смирно! — Зепп прислонил пьяного гиганта к бревенчатой стене. — Стой... Сейчас я покажу тебе что-то интересное.

— У тебя есть ключ? — поразился Конан. — Друкс будет недоволен.

— Друкс об этом не узнает.

— А я ему обязат...тельно скажу! — хохотнул варвар и оглушительно икнул.

— Ну-ну! — Зепп наконец закончил возиться с промерзшим замком и потянул на себя тугую створку.

Втапливая пьяного варвара в темноту, Ворчун крикнул:

— Эй, Ах-Кех-Че! Пришло время вечерней кормежки!



В гулком холодном помещении раздался скрежущий визгливый звук и породил кошмарное эхо. Зепп захохотал, но в этот момент Конан неожиданно и крепко ухватил его за шиворот и бросил в глубину склада. Ворчун споткнулся о мешок и рухнул. Фонарь разбился вдребезги, причем ворвань не погасла — синие язычки пламени заплесали на полу. Обернувшись, зепп увидел, как двери склада затворяются. Он кинулся к ним и навалился всем телом.

— Выпусти, меня сволочь! — крикнул Зепп Ворчун. — Я доберусь до тебя!

— Сначала договорись со своим приятелем, — послышался голос Конана. — Попробуй!

Зепп приблизился к ящику, из которого доносились пронзительные звуки.

— Ах-Кех-Че! — воззвал он. — Не медли!

С грохотом крышка ящика взлетела вверх. Синевато-белая, гладкая фигура поднялась из него. Глаза на страшном лице широко распахнулись, и в них вспыхнул алчный интерес.

— Выломай дверь! — приказал Зепп, но Ах-Кех-Че не двинулся с места. Вместо этого он выразительно посмотрел на Ворчуна и вдруг с шипением открыл пасть. Показались острые игообразные зубы.

— Не мешкай, ломай дверь! — кричал Зепп. — Мы же сгорим!

Но чудовище и не думало подчиняться. Легким прыжком оно выскочило из ящика и снова зашипело, рассматривая Ворчуна с возрастающим любопытством.



— Эй, ты не смеешь тронуть меня! Ты забыл про амулет!

Зепп похолодел и понятился. Ах-Кех-Че склонил голову набок, приподнял верхнюю губу и выставил вперед длинные свои руки.

— Ну постой же! — пригрозил ему Ворчун и запустил руку за пазуху.

Амулета не было.

Зепп Ворчун пал на четвереньки и взвыл. Огонь трещал, разгораясь все сильнее, пожирая ящики, мешковину и вощеную кхитайскую бумагу. Чудовище не обращало на него внимания. Его интересовала только добыча.

* * *

— Друкс в ярости, — сказал Вандер Глопп. — Он просил тебе передать, что ты уволен.

Конан молча смотрел на пожар. Из окна лачуги его хорошо было видно. Он бушевал уже несколько часов и теперь шел на убыль.

— Мне неясно, — произнес Конан, — каким образом Зепп сумел прочесть древние письмена. Неужели он был сведущ в магии?

Последнее слово Конан выговорил с нескрываемым отвращением.

Его сосед пожал плечами.

— Взгляни, — продолжал Конан, протягивая ему амулет. — Я украл его у Ворчуна, пока мы барахтались в снегу.

Вандер Глопп осмотрел тяжелый прямоугольник, отлитый из белого, искрящегося металла. В



середину амулета был вдавлен небольшой ромбический кристалл синего цвета, а вокруг него располагались вырезанные значки.

Философ-бродяга фыркнул.

— Эх ты, будущий король! — насмешливо сказал он. — Это же руны! Обычные руны, какими все пишут. Ты не умеешь читать?

— Получается, эта тварь не такая уж и древняя? — Конан попытался перевести беседу в другое русло.

Вандер Глопп покачал головой.

— Все-таки ты простофиля, — улыбнулся он. — Руны придуманы богами задолго до появления людей. Их смысл и значение с тех пор не изменились. Люди только чуть-чуть иначе их произносят. Любой может прочесть то, что здесь написано. Вот послушай: «Восстань, проснись, великий охотник Ах-Кех-Че. Утоли свой голод...»

— Бред какой-то, — Конан нахмурился. — Кто же он все-таки, этот монстр?

— Один из демонов. Боги заточили его в мерзлоту, а глупые люди освободили — на свою голову. Так часто бывает...

— Тсс! — перебил его варвар. — Слушай!

За стеною хибары скрипел снег — кто-то прохаживался там и шипел зловеще и пронзительно. Внезапно пламя пожара в окне заслонила тень. Вандер Глопп кожей ощутил прилив ужаса. Белое, неподвижное лицо с горящими глазами смотрело снаружи.

Выхватив меч из ножен, висящих над топчаном, Конан выскользнул в темноту и осторожно



обогнул лачугу. Чудовище исчезло, словно и не было его. Варвар остановился.

В отдалении трещали угли пожарища и слышались проклятия Друкса. Попытка старателей погасить пламя снегом не увенчалась успехом, что, впрочем, совершенно не интересовало варвара в данную минуту. Он собирался уже громко выругаться и вернуться в тепло, как вдруг с крыши посыпалась снежная пыль.

— Ах-Кех-Че! — позвал Конан. — Я здесь!

Демон прыгнул сверху. Увернувшись от его когтей, Конан взмахнул мечом, но чудовище оказалось проворнее. Шипя и щелкая зубами, оно кружилось, то исчезая в полном мраке, то вдруг выскакивая и атакуя. Ловким ударом руки, неуязвимой для меча, оно выбило клинок Конана, и тот зарылся в сугроб.

Перекатившись кувырком по снегу, варвар зашел монстру в тыл. Раздумывать было некогда, и он вскочил демону на спину, обхватив его твердую шею обеими руками. Ах-Кех-Че взвизгнул и подпрыгнул так высоко, словно варвар весил не больше пушинки. Подбородком, тяжелым, как наковальня, он давил на левую руку Конана, однако это не заставило варвара разжать хватку. Чудовище испустило еще один визг и длинными скачками помчалось в темноту.

Бешеная скачка продолжалась долго. Конан уже начал сдавать, от напряжения его руки сводило судорогой. Демон увез его на себе к самому побережью и вдруг сбавил скорость. Варвар отпустил шею твари и, скатившись вниз, отбежал в



сторону. Между ним и Ах-Кех-Че находилась полынья, полная ледяного крошева. Глядя в желтые глаза страшилища, Конан оскалился, бросая ему вызов. Тварь подскочила, намереваясь перепрыгнуть полынью, но варвар, ожидая этого, чуть посторонился, и когда Ах-Кех-Че опустился на лед перед ним, просто толкнул его в холодную жесткую грудь.

Сияясь восстановить равновесие, чудовище бешено молотило лапами в воздухе, но не удержалось. С ревом оно рухнуло в полынья. Черная вода вскипела на мгновение, затем все стихло.

На берегу с факелами стояли Мимбо и Вандер Глопп.

— Медальон у тебя? — спросил Конан у соседа. Тот протянул ему блестящую холодную пластину. Варвар повертел его в пальцах и метнул прочь, в темноту.

— Не все написанное стоит читать вслух, — сказал Конан.

— Вообще не читать! — энергично согласился Мимбо.

Вандер Глопп кивнул, соглашаясь.

Скоро они сидели у жаркой печки и слушали завывания вьюги. Если не считать этого звука, над прииском, подтверждая его название, царил ледяное безмолвие.





Чары колдуньи



18 день третьей зимней луны 1286 года,
Аквилония

Конан и Эмерт выбрались по заснеженному тракту Немедийского хребта на высокое плоскогорье и спустились на четыре лиги вниз. Их глазам предстал каменный столб с глубоко выбитой надписью: «Здесь всякий путник вступает в пределы великого и славного королевства Аквилонского, что находится под рукой короля Сигиберта. До Танасула дорога займет двести шестьдесят лиг, до Галпарана — двести лиг, до Тарантии — триста восемьдесят лиг. Да будет ровным ваш путь и чисты стремления!»

— Куда поедем? — спросил Конан у оборотня, прикрывшего лицо от ветра длинным отрезом шерстяной ткани. — И вообще, почему на столбе помянуто имя Сигиберта? Сколько лет назад он помер-то?



— Около трех столетий тому, — ответил Эмерт. — И это был самый великий государь Аквилонии. По сравнению с нынешним королем, Нумедидесом, Сигиберт — скала рядом с невзрачным обломком. Вперед?

— Тогда едем в Галпаран, — скомандовал Конан. — Сейчас Тарантия нам ни к чему.

Сумерки как-то незаметно превратились в глубокую ночь? и путники решили остановиться на ночлег. Развели небольшой костерок, сварили нехитрую кашу с солониной и луком и, передавая друг другу баклажку с забористым гномьим вином, начали неторопливую беседу. Точнее Конан, немного захмелев, ударился в воспоминания бурной иадизарской молодости, а Эмерт, немного словный как всегда, лишь изредка заполнял неизбежные паузы, возникавшие в момент прикладывания киммерийца к заветной посудине восклицаниями наподобие: «Да ну... Ну и что? А дальше?..» После довольно живописно исполненной истории башни Слона, Эмерт, подкидывая в костер очередное полено, попросил:

— Слушай, Конан, помнишь, ты в Пайрогии к шемиту этому ходил, Аль Браско, кажется... Расскажи, как вы с ним познакомились. Ты еще Стигию упоминал и какие-то темные делишки со жрецами Сета...

Конан смачно сплюнул:

— Не поминай к ночи... История, кстати, не особо приятственная, да и загадок в ней осталось порядочно... И длинная она к тому же...

Эмерт ехидно ухмыльнулся:



— Варвар, хватит напрашиваться на уговоры, начинай! Дорога длинная, рассказать успеешь...

Конан помолчал и сделал хороший глоток. Общение с двумя известными охальниками, Эртелем и Велланом, приучило его стойко переносить постоянные шуточки, но от спокойного как киммерийские скалы лучника варвар подобного не ожидал.

— Ладно, уговорил, — хмыкнул он и задумчиво во почесал лоб, — Даже не знаю, с чего начать...

— С начала, — услужливо подсказал Эмерт

Конан некоторое время задумчиво разглядывал звезды и луну, потом сумрачные елки, и, наконец, остановив взгляд на веселом пламени костра, хлопнул себя по ляжкам и начал:

— Пожалуй, стоит сначала рассказать о том как я впервые услышал о Великом Охотнике. Началось все примерно спустя три луны после того, как я похоронил Белит. Ух, какая женщина была! Огонь! Я, наверное, по настоящему любил ее... По крайнсей мерс, мне так кажется. Хотя, как и любую бабу, я забыл Белит довольно быстро... А славно все-таки мы с ней в Стигии пошалили! — Конан снова приложился к сосуду и задумался. Лишь заметив, что Эмерт начал нетерпеливо ерзать на попоне, он продолжил:

— Ну так вот, после ее гибели, я, злой как демон, шатался по Черным королевствам, активно очищая оные от всяческого рода нечисти и мрази, а ее, поверь, в тех краях немало. Стал военачальником в одном тамошнем племени... Знаешь, как они меня называли? Амра! То есть — «лев»...



— А по-моему, — встрял Эмерт, — ты истинный медведь, и умение превращаться в волка тебе дали совершенно зря! Прямо оскорбление для нашего честного племени!

— Ну, ты прям как Веллан разговаривать стал, — снова изумился киммериец

— С кем поведешься... — буркнул Эмерт, а Конан тут же подхватил:

— С тем и наберешься! Давай, твое здоровье! — он сделал хороший глоток и закашлялся, — Никак не могу привыкнуть к этой гномьей отраве! Уж больно крепка... Так о чем это я? Ага. Под конец всех этих походов я стал начальником стражи королевы Куша, но пробыл им очень недолго. Королеву убили, а я, прихватив одну хорошенькую рабыню-немедийку, отправился на полночь в сторону Стигии. Устал я от этих джунглей, они уже мне поперек горла встали! А на побережье, недалеко от места, где саванна плавно переходит как раз в эти треклятые джунгли, я знал одну укромную бухточку, где постоянно швартовались барахские корсары. Я надеялся завербоваться в чей-нибудь экипаж и добраться до Аргоса...

* * *

1273 год, полуночные области Куша

• Весна в джунглях — довольно красивое зрелище, как, впрочем, и почти любое время года. Жизнь кипит здесь круглый год, от почвы, почти не видной под плотным ковром травы и гнию-



щей листвы, до вершин огромных баобабов. Только молодому воину, несмотря на жару, затаенному в кольчугу поверх джуббы, вся эта красота уже осточертела до зеленых демонов глубочайшей из преисподних Нергала. Его раздражало все: отвратительные мелкие обезьяны, с ликующими воплями закидывающие его всяческой дрянью (от бананов до собственного дерьма), постоянный тысячекрылый гул насекомых, от которого звенело в ушах, прикрытых кольчужной бармицей, постоянно пропадающая в хитросплетениях лиан тропка, и в довершении всего одуряющий запах всевозможных цветов. Да еще эта ноющая дурища! Надо было давно ее бросить...

Воину было двадцать четыре зимы, он был высок, широкоплеч и мускулист. Его, когда-то черная, грива длиной до лопаток, выгорела на ярком южном солнце до светло-русого цвета. Звали его Конан, а родом он был из сумрачной Киммерии, чьими обитателями очень любят пугать своих детей всякие изнеженные «цивилизованные» мамыши.

Одной рукой Конан прорубал себе дорогу при помощи длинного прямого меча, а другой тащил молоденькую голубоглазую блондиночку, судя по длинному, остренькому носику и узким маленьким губкам — немедийку. Девушка еле дышала от усталости и что-то жалобно бормотала, но киммерийцу, судя по всему, было на это наплевать. Он прорывался через заросли со скоростью и упорством носорога. И производя при этом примерно столько же шума.



Впрочем, он неплохо знал Куш — в этой части страны ему ничего не грозило. Кроме того, немедийская дура все равно не смогла бы передвигаться с должной осторожностью, а так хоть выберемся побыстрее! По его подсчетам, примерно через три дня джунгли должны закончиться, а там и до Жадины недалеко...

«Жадиной» корсары называли маленькую укромную бухту недалеко от границы Кушитских джунглей и Стигийской саванны. На берегах бухты стоял маленький поселок, состоящий из одних трактиров и борделей. Имелся также рынок, на котором корсары продавали честно награбленное добро, чтобы потом спустить его в упомянутых трактирах и борделях.

А Жадиной ее прозвали благодаря одному шемиту, который лет сто назад построил там первый трактир. Он скупал товар по совершенно бросовым ценам, продавал втридорога и отличался отменной неуступчивостью. Торговаться с ним было практически бесполезно. Шемит давно умер, поселок разросся, а название к бухте приклеилось навсегда...

Естественно, власти Стигии знали о существовании Жадины, но смотрели на него сквозь пальцы. Разгромить поселок можно, однако в другом месте непременно возникнет нечто подобное. А эти разбойники по крайней мере налоги платят исправно...

В Жадине киммериец надеялся завербоваться к корсарам и добраться до Аргоса. Почему именно до Аргоса, он не знал. Хочется и все тут!



В общем, осталось терпеть джунгли и глупую бабу три дня, а потом снова вольный свежий морской бриз в лицо и назад, к цивилизации... При этой мысли Конан усмехнулся. Кто бы мог подумать, что он соскучится по изнеженным хайборийцам! Но иссушающая жара, джунгли и чернокожие варвары ему уже изрядно надоели...

Он в короткий срок сумел стать здесь своим, но для него самого все было невыносимо чуждо...

Переспелый банан с чавкающим звуком разбился о шлем, и липкое, желтоватого цвета месиво потекло ему на лицо. Ликующие крики обезьян огласили окрестности, и тотчас справа взметнулась в небо стая пестрых и истошно верещащих попугаев.

Конан с ненавистью посмотрел на скачущих от радости макак и зло сплюнул. Внезапно обезьяны как по команде умолкли, и Конан, вытирающий шлем пальмовым листом, замер и в тот же миг остро почувствовал на себе чей-то взгляд.

Киммериец привык доверять инстинктам, и первым его порывом было сразу броситься напролом, оглашая джунгли боевыми кличами. Но боевой опыт не позволил ему этого сделать. Он медленно надел шлем и расслабленно повернулся.

Там, откуда он чувствовал взгляд, ничего не было, только жаркое марево. Конан сначала не поверил своим глазам, но взгляд не исчезал, он ползал как противное насекомое по всему могучему телу варвара, изучая и оценивая. Киммерийца прошиб холодный пот, а волосы под шлемом зашевелились. Ему показалось, что между



двух стволов, примерно в пятидесяти футах, он видит зыбкую, воздушную фигуру...

Но в тот же миг взгляд исчез.

Конан выдохнул и осторожно подошел к деревьям. Никаких следов он там не обнаружил, зато понял, что зверски устал и голоден. Однако остановиться на ночлег в этом месте киммерийца не заставило бы все золото Офира. Он молча подхватил усевшуюся прямо на землю девушку и зашагал дальше...

Примерно через два часа Конан остановился так резко, что немедийка ткнулась носом прямо в кольчугу и захныкала еще громче. Киммерийца передернуло, но на этот раз он снизошел до ответа:

— Даина, послушай меня, справа деревня, я чувствую запах жареного мяса. Еще пару лиг, и у нас будет ночлег.

Волчий нос не подвел варвара. Идти пришлось даже меньше. Через полторы лиги они вышли на большую поляну, сплошь уставленную хижинами, сплетенными из ветвей и обмазанными глиной. В грудь Конана тотчас уперлось четыре копыя.

— Спокойно, ребята, я Конан-Амра. Я пришел с миром... — миролюбиво произнес киммериец и воткнул меч в землю прямо перед собой.

— Амра... — ухмыльнулся один из караульщikov, здоровенный чернокожий с исполосованным шрамами лицом, — Как же... Ты ври, да не завирайся, белая обезьяна! Мне Вахиба рассказывал, что Амра погиб в Проклятом городе...



— Какой еще Вахиба?— возмутился Конан и тут же пообещал: — А за белую обезьяну ответишь, черная морда! Выходи бороться! Так, без оружия. Я тебе докажу, что Амра жив.

— Некогда мне с тобой бороться, мы тут ведьму жечь собрались, не хочу пропустить, — лениво отозвался кушит. — Сейчас позову шамана, если он тебя признает — войдешь как гость, а если нет, то и твой меч тебя не спасет...

С этими словами он неспешно, вразвалочку, побрел в центр поселка, тут же затерявшись среди начавшей собираться толпы. Местные явно редко видели белых, а уж блондинок и подавно.

Шаман пришел довольно быстро. Никакой традиционной раскраски и побрякушек, кроме посоха, на который был надет человеческий череп, у него не было, и, что самое удивительное, он оказался очень молод для шамана, по меркам Конана.

Колдун обошел вокруг киммерийца, обошел вокруг Даины, внимательно изучил меч, с видом знатока поцокал языком. И вдруг резко взглянул варвару в глаза. Тот оторопело уставился в бездонные провалы зрачков, окруженные голубыми кольцами... Глаза притягивали и затягивали, и до Конана не сразу дошло, что он видит. Голубые глаза у кушита! Вот это да... Пока он удивлялся и хлопал ресницами, шаман, негромко заговорил:

— Не удивляйся, Амра, цвет моих глаз — это цвет неба, которому я служу...

— Но вы же вроде духам каким-то служите, — оторопело возразил киммериец



— Одно другому не мешает, — улыбнулся шаман и уже громко добавил: — Радуйтесь, дети мои! Сегодня с нами будет есть и пить сам Амра!

«Дети» отозвались нестройными воплями и начали разбредаться кто куда. Стало ясно, что убивать чужеземца не будут, а кто такой Амра, потом разберемся...

— Иди за мной, Конан, — приказал шаман, и варвар, подхватив меч и девчонку, последовал за служителем неба.

Пока они пробирались к центру поселка, киммериец прикинул, что племя довольно большое — с полсотни семей, сотни две воинов. По меркам Куша, это было очень неплохо.

Возле большого, главного костровища, на котором жарились четыре здоровенных кабаньих туши, Конан увидел столб. Женщина, привязанная к нему, висела на веревках совершенно безжизненно. Длинные, черные с проседью, волосы закрывали лицо грязными лохмами. На теле, прикрытом лишь повязанным вокруг бедер куском ткани, ясно виднелись следы побоев.

— Это что и есть ваша ведьма? — скептически хмыкнул Конан, не увидевший и не почувствовавший в женщине ничего опасного.

Шаман утвердительно закивал и добавил:

— Она не просто ведьма. Она сумасшедшая ведьма.

Конан озадачено нахмурился:

— Это как это? Что надо такого сделать ведьме, чтоб ее называли сумасшедшей, а, шаман? Какой человек в здравом уме будет заниматься ма-



гией... — последнюю фразу киммериец благоразумно пробурчал себе под нос.

Шаман вместо ответа остановился у неприметной хижинки и, откинув львиную шкуру, занавешивающую вход, пригласил путников внутрь.

Конан пожал плечами и вошел.

И был несколько разочарован. Кроме большого треногого закопченного котла, стоящего на потухшем очаге по центру, некоего подобия алтаря в углу и большого бубна прислоненного к стене рядом с ним, ничего колдовского в жилище шамана не наблюдалось...

— Что ты выискиваешь? — засмеялся шаман, — Колбы с кровью девственниц, убитых в полнолуние на развалинах Проклятого Города?

Конан, несколько смутившись, забормотал что-то совсем невнятное. Шаман засмеялся еще громче, его поддержала Даина. Варвар, махнув рукой, присоединился к ним.

Когда все отсмеялись, шаман, вытирая слезы, уже серьезно объяснил:

— Магия находится прежде всего в голове, а внешние атрибуты, скорее антураж...

— Чего?! — ошалело выкрикнул Конан. — Ты где этого всего поднабрался?

— Чего? — в свою очередь спросил шаман, удивленный не меньше Конана. — Чего поднабрался?

— Да словечек этих... Непонятных, — буркнул киммериец и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на шкуру, блаженно вытянув ноги...

— Ну, вообще-то я немного учился в Стигии, —



отрешенно сказал шаман, не знающий плакать ему или смеяться.

Только-только расслабившийся киммериец тут же взвился, как укушенный в задницу гадюкой:

— Ты еще и в Стигии учился!? — заорал он.

— Да, учился! — гордо отрезал шаман, — и не ори, не в горах! Я был недолго в рабстве у одного тамошнего мага, ну подсмотрел, да подслушал кое-чего...

— И как тебе удалось сбежать от этого мага? — осторожно спросила Даина, устраиваясь рядом с Конаном. Варвар машинально приобнял ее, при этом его мозолистая лапа улеглась прямо на упругое полушарие высокой груди. Немедийка не противилась.

— Как-то раз хозяин отправил своего ученика в Шем. — начал шаман. — Зачем — не знаю. Рабам, само собой, этого не говорят. Вместе с ним поехал я и еще трое невольников, тоже кушитов. Но случилось несчастье. Не успели мы пересечь границу, как на нас напали бандиты. Все погибли, а я, получив стрелу в грудь, прикинулся мертвым. Меня даже не обыскали. Я неплохо знал лекарские наговоры, поэтому сумел затянуть рану... В Стигию я не пошел, а добравшись до Асгалуна, нанялся к бараханцам и добрался с ними до Жадины и вернулся в свой род.

— А как тебя зовут? — спросила Даина, а киммериец добавил:

— Сколько же зим ты являешься главным шаманом?

— Я — Мтомба, а главным стал пять лет на-



зад, — ответил шаман и достал откуда-то из под шкур большую тыкву. — Хотите отведать пального вина?

— Конечно, и побольше! — так воодушевлено заорал Конан, что Даина подпрыгнула. — И мяса! Жареного мяса! Весь день жрал одни бананы, да сухари!

— Свежати́на почти готова, слышите крики? Но у меня осталось немного копченого мяса и пара лепешек, если вы уж совсем голодны... — с этими словами Мтомба опять полез под шкуры.

— Давай, давай, — подбодрил его Конан, довольно потирая руки и улыбаясь.

Мясо было жестким, как и всякое мясо диких животных, и обильно сдобрено большим количеством разнообразных специй.

— Кого мы хоть едим? — спросил варвар с набитым ртом. — А то из-за приправ не понимаю...

— Кажется, зебру, — хмыкнул шаман и передал ему тыкву. Вино оказалось неожиданно крепким и довольно мерзким на вкус. Впрочем, Конану было все равно. А вот Даина лишь пригубила и, сморщившись, вернула сосуд Мтомбе.

— Так за что ведьму сжечь собрались? — спросил варвар, расправившись с угощением.

— За язык ее длинный, — отрезал шаман и тут же добавил: — Слушайте, если интересно. Она говорит с духами, и духи эти в основном мерзопакостные.

— Пророчица что ли? — спросил Конан, знавший, как в Куше называют людей, у которых бо-



ги забрали разум, но дали возможность видеть будущее.

— Ну да, — подтвердил шаман, — только предсказывает она несчастья. На нее и раньше-то косились. Подойдет, бывало, к охотнику, который на зверя собирается, и говорит: «Береги ногу». А ему лев потом эту ногу так разодрал, что парень теперь еле ковыляет! Ну, и в том же духе. Мне ее, честно говоря, даже немного жаль, предупредить ведь пытается. Но кому охота слушать про несчастья, тем более если их все равно не отворотить... Пошли слухи, что у нее дурной глаз, а после того, как сын вождя Нгусу погиб, ее и во все из племени выгнали. Она ушла, и три лета ее никто не видел. А вчсра она неожиданно вышла к костровищу и понесла чушь про Великого Охотника. Мол, что он вернулся, и теперь все умрут... Глупая женщина! Люди и не вытерпели...

— М-да, — протянул Конан, — Печальная история... А что за Охотник?

— Понимаешь, Амра, — задумчиво сказал Мтомба, уставясь в пол, — вот этого как раз никто и не знает... У нас есть предания о богах и духах, хороших и плохих, но о нем в них почти ничего нет. Да и то, что есть стараются не вспоминать...

— Что, так страшно? — заражал киммериец и осекся под пронзительным взглядом шамана.

— Мой дед говорил, — начал Мтомба изменившимся, гортанным голосом, глядя в глаза Конану, — что во времена деда его деда Великий Охотник спустился с неба, и многие женщины народа Куш оплакали своих мужчин...



— Ну и что? — с вызовом спросил Конан, с трудом отворачиваясь. Взгляд шамана побороть было не просто.

— А то, — ответил Мтомба обычным голосом, — что никто и никогда не видел Великого Охотника, зато находили его жертв! Без кожи, без голов, со странными ранами, нанесенными неизвестным оружием!

— Да демон какой-нибудь, — отмахнулся Конан, — У вас их тут полно! Вы просто слабаки и нытики...

Глаза шамана полыхнули яростью, но он тут же успокоился:

— Может, и демон, только от этого не легче... Говорят, Он приходит в самые жаркие лета, а это лето, судя по всем знамениям, обещает быть *очень* жарким...

— Да у вас что зимой, что летом жарко, как у Нергала в преисподней, как вы их отличаете-то? — ругнулся Конан и добавил: — А против демонов весьма хороши серебро и огонь.

— Слушай, не учи родного отца, как сделать тебе братьев! — мрачно предложил Мтомба, поразив Конана отличным знанием шемитских непотребных присказок. — Если бы все было так просто... — добавил он, вздыхая и поднимаясь на ноги. — Пойдемте, кажется, начинают...

Конан встал, все еще пораженный необычно простой и дружеской речью, а также кругозором Мтомбы. Все знакомые Конану шаманы отличались самодовольной чопорностью и презрением к «простым смертным», и добиться от них нор-



мальных объяснений простыми человеческими словами нельзя было даже пытками. Определенно, подумал Конан, какой-то это неправильный шаман.

— Да, — подтвердил Мтомба. — Иногда меня так называют.

— Ты что, мысли читаешь? — даже не удивился киммериец.

— У тебя все на лице написано, — улыбнулся шаман.

* * *

Все племя собралось вокруг огромных костров. Весело гудело пламя. Крепкие белые зубы неспешно рвали сочное мясо. Кое-кто уже начал отплясывать под странный, завораживающий ритм барабанов.

Конан подсел поближе к костру и тотчас получил огромный окорок с не менее огромной лепешкой.

— Женщина, пива мне, — пробурчал он с набитым ртом, толкая локтем сидящую рядом Даину — рядом с ней стояла внушительных размеров тыква с вожденным напитком. Немедийка, обняв колени руками, не моргая, заморожено смотрела на яркое высокое пламя. И на просьбу-приказ Конана никак не отреагировала. Киммериец зло глянул на нее, но решил не мешать, и, проклиная тупость и леность «всех баб Хайбории и окрестностей», дотянулся до сосуда. Для этого ему пришлось весьма неудобно изогнуться,



и он чуть было не потерял равновесие, что не прибавило ему хорошего настроения.

Впрочем, хороший глоток из тыквы быстро рассеял все последствия мелких неудобств. Отпив не менее трети и громко и удовлетворенно рыгнув, Конан продолжил трапезу, ощущая как внутри поднимается волна тепла и сонливости.

Неожиданно барабаны сменили ритм. Теперь они звучали медленно и мрачно, даже с некой пафосной торжественностью. Все «застольные» разговоры у костров сразу стихли. Через какое-то время замолкли и барабаны. В наступившей тишине — только пламя гудело, да дрова потрескивали, даже Конан прекратил жевать и оторвался от полусъеденного окорока — неожиданно громко зазвучал голос шамана.

— Слушайте, дети мои! — Мтомба стоял рядом с привязанной к столбу «ведьмой». — Сегодня мы огнем очистим душу этой несчастной от одолевающих ее темных демонов. Пусть предки и Покровитель Рода милосердно простят все то зло, которое она причинила своим неразумным языком, и примут ее в своих небесных хижинах! И мы все тоже прощаем тебя!

Племя хором гаркнуло:

— Мы прощаем тебя! Уйди с миром!

Конан еле слышно хмыкнул. Ничего себе порядочки! Очистительный огонь, надо же! Хотя... Сама виновата, нечего было трепаться направо и налево. Ведь всем известно, рассуждал Конан, прикладываясь к тыкве, что людишки любят только хорошие пророчества, а за дурные могут



и рожу начистить. Но все равно вечно находятся ненормальные, богами обиженные, которые только и делают, что болтают про мор, глад и конец света.

Как киммериец уже успел убедиться, конец обычно наступает, но только для самого пророка. И эта кушитка — еще один наглядный пример.

Тем временем шаман поджег давно сложенный костер, но ведьма так и не произнесла ни слова, даже головы не подняла. Дрова разгорались быстро и хорошо. Языки пламени уже жадно облизывали ноги женщины, но она так и не шелохнулась.

В народе начался удивленный ропот, а киммериец чутьем хищника уловил тот странный «запах страха», что так раззадоривает волков. Женщина умирает не самой, прямо скажем, безболезненной смертью, а они трусят, — удовлетворенно подумал варвар, которому было немного жаль пророчицу.

Лишь когда вспыхнули волосы, женщина резко вскинула голову. Ее лицо в пылающем ореоле было спокойным. Казалось она не чувствует ни боли, ни страха близкой смерти. Она медленно обвела взглядом своих палачей. Большинство, пряча глаза, съеживались, стараясь стать как можно незаметней.

— Проклинаю! — в голосе ведьмы, как ни странно, не было угрозы или боли умирающего человека, только спокойная уверенность.

И тут ее взгляд встретился с двумя синими льдинками. Конан не стал прятать глаза. В конце



концов он-то забрел сюда случайно и казнить никого не собирався.

— А ты, сын полуночных гор, мнишь себя непобедимым воином, но в джунглях Куша встретишь свою Судьбу. Твой выбеленный череп повиснет на шее Великого Охотника! — И с этими словами ведьма умерла.

Несмотря на всю неожиданность, Конан не вздрогнул, чем заслужено гордился. Но ему стало очень не по себе. Не то чтобы он вдруг испугался, но... Неприятно, когда тебе смерть сулят! Да еще неизвестно от чьих рук... Кроме того, варвару показалось, что в момент смерти действовала какая-то магия, по-другому описать свои ощущения он не мог, все было очень смутно, практически за пределами его обостренного чутья. Словно еле уловимый ветерок или легкая рябь на поверхности стоячей воды... Он даже не был уверен, что что-то произошло.

Конан нашел взглядом Мтомбу. Шаман спокойно разговаривал с вождем. Значит, показалось.

На плечо мягко легла маленькая ладошка Даины. Немедийка вздохнула и прижалась к могучему плечу киммерийца. Конан невольно расслабился. Рядом красивая и молодая девушка, нуждающаяся в защите, и нечего думать о каких-то там дурацких охотниках. Даже если они и великие!

Киммериец подхватил удивленно и одновременно кокетливо взвизгнувшую Диану на руки и потащил в отведенную для ночлега хижину...



* * *

Большая черная пантера неподвижно стояла прямо на узкой тропке. Конан увидел ее издали, но рассчитывал, что хищная кошка уйдет, когда они подойдут поближе. Дикие животные предпочитали без необходимости не связываться с двуногими, особенно если их больше одного. Однако даже когда до пантеры оставалось шагов тридцать, она не шелохнулась. Конан остановился. Вместе с ним остановились и Даина с Мтото. Киммериец обнажил меч, а кушит поудобнее перехватил копье.

— А ну пошла прочь! — заорал Конан, которому вдруг стало очень неудобно. Джунгли вокруг словно вымерли, только слышался легкий шелест листьев. И тут пантера атаковала, рванулась с места стремительной черной молнией.

Даина в ужасе прижалась к варвару всем телом. Конан попытался ее отпихнуть, но не тут-то было. Немедийка как клещ обеими руками вцепилась в левое плечо киммерийца.

— Уйди! — прорычал Конан, и в этот момент зверюга с протяжным хриплым воем прыгнула на него.

Из-за Даины варвар не смол ударить, как хотел. Все, что он сумел сделать, — это дать обезумевшему животному рукоятью в морду, прямо тяжелым противовесом. Но прервать атаку хищника ему не удалось. Пантера всхлипнула, ее развернуло, и она врезалась в киммерийца боком. Отчаянно ругаясь, варвар рухнул на землю, ув-



лекая за собой Даину. Немедийка истошно завизжала.

«Ненавижу впечатлительных девиц! — мрачно подумал Конан. — Теперь все в окрестностях знают, что мы здесь...»

Видимо, пантеру испугал вопль Даины, потому что она бросилась не на Конана, а на Мтото. Кушит слегка присел и выставил перед собой тяжелое охотничье копьё, надеясь, что кошка сама на него насадится. Но то ли рука у него дрогнула, то ли пантера так изогнулась, но широкий листовидный наконечник лишь глубоко процарапал черный бок... Пантера опрокинула Мтото и мгновенно впилась в горло. Кушит булькнул и задержался в агонии. Пантера тут же развернулась, и в этот момент Конан одним ударом снес ей голову...

Не обращая внимания на продолжающую вопить Даину, киммериец, бормоча проклятия, спихнул еще содрогающуюся тушу с тела кушита. Одного взгляда в застывающие, полные ужаса глаза хватило, чтобы понять: Мтото уже ничто не поможет...

— Да заткнись ты наконец! — заорал Конан, поворачиваясь к немедийке и более спокойно добавил: — Все уже закончилось...

* * *

Они отправились в путь сегодня утром. Шаман дал им провожатого — молодого охотника Мтото, с радостью согласившегося сходить до



Жадины — и на прощанье посоветовал Конану не обращать внимания на предсказание мертвой ведьмы. Судьба и грядущее не определены, — сказал он и добавил: — Все зависит только от тебя...

И вот теперь, через четыре часа, Мтото лежит с разорванным горлом! Однако, что же заставило пантеру броситься в самоубийственную атаку? Конан глянул на мертвое животное и, помянув Крома, невольно попятился. Пантеры больше не было. На ее месте лежала молодая обнаженная кушитка с отрубленной головой.

Этого еще не хватало! Здесь явно пахло черной магией.

Конан осторожно присел рядом с трупом и концом меча (только законченный идиот трогает такие вещи голыми руками!) перевернул отрубленную голову лицом вверх. Ага, так и есть, это не природный оборотень — киммериец слышал, будто существуют и такие, — а порождение злой воли какого-то колдуна... Или ведьмы. Сначала варвару показалось, что у мертвой женщины нет глаз, но потом он увидел, что они все-таки есть, только абсолютно черные, без белков. Словно зрачки расширились настолько, что поглотили все остальное.

— Вот пакость! Даина, пошли отсюда. Да побыстрее! — Конан резко поднялся на ноги и зло пнул отрубленную голову.

— Ты что, так и бросишь бедного Мтото на растерзание диким зверям? — Даина возмущенно посмотрела на варвара и только теперь увидела, во что превратилась пантера.



— Да брошу, — хмуро отозвался киммериец, затаскивая труп кушита в кусты. — Времени нет его в землю закапывать.

— Эт-то что? — пролепетала девушка и пошатнулась, явно собираясь грохнуться в обморок.

— Эй! Ты тут только не падай, я тебя на своем горбу тащить не собираюсь. Лучше отвернись и подумай о чем-нибудь хорошем. Например, о вчерашней ночи... — Конан попытался ухмыльнуться, но у него плохо получилось. Киммериец сознание терять, конечно, не собирался, но чувствовал себя прескверно.

Даина послушно отвернулась.

— Конан, мне страшно, — жалобно протянула она.

— А я-то что могу с этим поделать? — буркнул Конан, хватая ее за руку. — Сматываемся, пока тут еще чего похуже не объявилось...

...Когда они скрылись в зарослях, на месте боя случилась странная вещь: голова оборотня вдруг поднялась на высоту около восьми локтей, а потом улетела в кусты. Казалось, кто-то поднял ее за волосы, изучил и выбросил. Но на тропе никого не было, только странное марево...

Конан и Даина шли молча. Варвар не убирал меч и не расслаблялся ни на удар сердца, справедливо полагая: где один оборотень, там может быть и другой, и третий. Но все было спокойно.

А через два часа они вышли... Вышли к той же самой деревне, которую оставили с восходом солнца...



* * *

1286 год, Аквилония

Конан широко зевнул и подбросил дров в начавший угасать костер.

— Не надоело слушать? А то, может, спать завалимся? — спросил он, почесывая плечо.

— Ну уж нет! — засмеялся Эмерт, — Теперь, пока не расскажешь, спать не ляжем. Ишь чего удумал, на самом интересном месте на боковую собрался. Давай, продолжай!

— Да, пожалуйста! Передай-ка мне бурдюк, а то в горле чего-то першит... Вот так гораздо лучше! На чем я остановился?

— Ты с Даиной вернулся в деревню...

— Да в том-то и дело, что не вернулся. Зачем мне было туда возвращаться? Правда, сначала я подумал, что с этими дурацкими оборотнями я потерял направление и заблудился...

— Ты оборотней не трогай!

— Да ладно, это были плохие оборотни, не настоящие, а порождение черной магии.

— Оборотни? Их все-таки было несколько?

— Хуже, все было гораздо хуже... Не сбивай меня! Об этом чуть позже. В тот момент меня словно дубиной по башке огрели. Я едва не завыл от досады. Чтобы киммериец заблудился лесу, пусть и кушитском, не было такого! В общем, я вспомнил все известные мне ругательства, а знаю я их весьма много. Даина была краснее красного, так я ее засмущал. Делать нечего, пошли мы к Мтомбе и все рассказали. Он помрачнел и долго



выспрашивал подробности. Но объяснить ничего не смог. Сказал, что раньше в округе про оборотней слухом не слыхивали. Я потребовал еще одного проводника, так как солнце стояло еще высоко... Проводник нашелся быстро, хотя известие о гибели Мтото и пантере-оборотне уже разлетелось по деревне, и я боялся, что люди испугаются... — Конан замолчал и долго смотрел на огонь. Когда Эмерт уже начал думать, что он просто заснул, киммериец продолжил:

— Наша вторая попытка закончилась точно так же, как и первая: мы вышли к деревне с противоположной стороны примерно через пять часов. И я понял, что опять вляпался в нехорошую историю. Когда мы вернулись, Мтомба сказал, что пропала одна женщина. По описанию я узнал погибшую от моего меча пантеру. Решив, что утро вечера мудренее, я завалился спать. А утром кушиты недосчитались еще одной женщины...

* * *

1273 год, полуночные области Куша

— Мтомба, магия — это по твоей части. Ты шаман или как? — раздраженно спросил Конан.

Они уже битый час обсуждали неожиданно возникшую проблему. Утром большинство мужчин по заданию вождя отправились в разные стороны на разведку. Им предстояло выяснить, случайно ли белый человек два раза подряд возвращался обратно? Кроме того, кушиты не оставляли надежду найти пропавшую ночью женщину.



Конан поставил бы свой меч против коровьей лепешки, что через пять часов все вернутся несолоно хлебавши.

Кроме того, он почему-то был уверен, что пропавшая Н'хати бродит по джунглям в облике большой черной пантеры. И в глазах ее плещется Ночь.

— Не знаю... — мрачно ответил Мтомба. — Ты вот говоришь, что почувствовал нечто странное, когда ведьма умерла. А я вот ничего не почувствовал! И сейчас не чувствую. По моим ощущениям, магии здесь не было, и нет! Однако она есть!

— А мне что теперь делать? Я в Аргос хочу! У меня ваши джунгли уже вот где сидят! — И Конан выразительно постучал по горлу ребром ладони. — И только посмертного проклятия занюханной кушитской ведьмы мне для полного счастья не хватало... Спасибо!

— Ты не кипятись. Посмотри на вещи с другой стороны. У тебя выдалось несколько свободных деньков, когда не надо никуда спешить, можно спокойно выспаться, отъесться. Мы тебя никуда не гоним. Живи и радуйся жизни, У тебя и девушка вон какая красивая есть — ночью скушать не будешь...

— Да катись ты знаешь куда!

— Знаю, конечно, знаю. Я вчера изрядно пополнил свой запас ругательств, — ухмыльнулся шаман

Конан ожесточенно почесал затылок. Мтомба в чем-то, конечно, был прав, но...

— Это все хорошо, но как быть, например, с



пантерами-оборотнями? Или с Охотником, который вроде как шляется по окрестностям и мечтает о моем скромном черепе? Ты не подумай, что мне страшно. Просто на спокойный отдых это не очень-то похоже. Но больше всего меня раздражает неопределенность. Я не знаю, что делать, понимаешь?

— Я-то понимаю, поверь! — невесело ответил шаман. — Сам пока не предполагаю, как с этим проклятием бороться. Эх! Не хотел ведь я ее сжигать. Надо было незаметно отпустить... Кто же знал, что она черную магию изучала? Три года назад она на такие фокусы была неспособна...

— Я предпочитаю находиться как можно дальше от любых магов. А они наоборот — так и липнут ко мне...

— Словно мухи? — тут же ввернул Мтомба.

— Да, видимо, — тяжело вздохнул киммериец. — Что маги, что всякая нечисть... Просто проходу не дают!

— Ну, и что ты с ними делаешь? — заинтересовался шаман.

— А ты не понимаешь? Отправляю на Серые равнины. А по-другому с ними нельзя! То им душа моя потребуется, то сила. Или нужна им до зарезу какая-нибудь волшебная вещица, а она у другого колдунишки во владении... И вот что интересно: три четверти этих упырей пытались меня пануть! Или не заплатить, или просто убить, чтобы не болтал лишнего! Уверен, хороший маг — мертвый маг!

— Заметь, ты все это говоришь в глаза челове-



ку, занимающемуся магией! — Возмутился чернокожий шаман.

— Ну и что? Я ведь не про тебя лично. Ты-то как раз вроде нормальный. И разговариваешь по-человечески, не чванишься, как некоторые...

— Ладно, замнем. Но все-таки, как ты справлялся с колдунами в прошлом? Хотелось бы услышать конкретные примеры. — Мтомбе надоело препираться с киммерийцем.

— Я тебе могу рассказать довольно много разных историй, но, видишь ли, мне еще не пришлось иметь дело с проклятиями мертвых ведьм, от которых даже пенла не осталось. С ожившими мертвецами я сталкивался, но таковых можно было рубить...

— Ты рассказывай, а я уж разберусь, поможет это нам или нет! Все равно делать больше нечего. Когда еще разведка вернется...

— На самом деле, тебе это вряд ли поможет, лучше иди, с духами пообщайся. Или с небом. Я в магии не разбираюсь. Когда я с ней сталкивался, я или уничтожал ее источник или, если это было невозможно, делал ноги. В данной ситуации я не вижу источника. Поэтому не знаю что делать. И это бесит! — в подтверждение своих слов киммериец с чувством стукнул себя по колену.

— Ясно одно, — сказал шаман, задумчиво изучая потолок хижины. — Все дело в предсмертном проклятии ведьмы...

— Это и обезьяне понятно, — скривился Конан. — Но, повторяю, от ведьмы-то ничего не осталось! Она мертвее мертвого!



— Мертвее мертвого... — повторил шаман, продолжая смотреть в потолок. — А это идея! Ладно, иди погуляй, мне надо побыть одному...

Конан не стал спорить и пошел в отведенную хижину, где благополучно проспал рядом с Даиной до возвращения разведчиков.

Как киммериец и предполагал, новости были неутешительны. Со всеми без исключения произошло одно и то же: шли вроде бы правильно, да и джунгли вокруг давно хорошо известны, а потом — бац! и вот она — родная деревня! Все были растеряны, смущены и испуганы. Разведчики также встретили и убили пантеру, на этот раз без жертв со своей стороны. Она оказалась пропавшей женщиной. Тело разведчики захватили с собой, как и найденные трупы Мтото и первого оборотня. Все три тела были торжественно сожжены вечером. Конан отметил, что глаза у жертв проклятия к моменту огненного погребения стали нормальными, человеческими. Пугающая чернота из них исчезла.

Шаман из хижины так и не вышел. Более того, Конан обнаружил у входа стражу, которая категорически отказалась пускать его внутрь. Раздосадованный, он отправился спать.

* * *

Три следующих дня Конан провел весьма невесело. Мтомба по-прежнему не вылезал из своего жилища, и что он там делал, оставалось загадкой. Воины племени каждый день совершали



вылазки в джунгли, но безрезультатно. Каждый раз, куда бы они ни пошли, через пять часов — возвращение в родную деревню. Конан принял участие в одном таком походе. Всю дорогу он пытался почувствовать хоть какое-то присутствие магии, но тщетно. Никаких озарений у варвара не случилось, и больше он никуда не ходил. Все остальное время киммериец много спал, ел и пил, предпочитая то, что покрепче. По утрам разминался с мечом, но скорее от скуки, чем по необходимости.

Каждую ночь исчезала одна женщина, а днем ее (уже в облике пантеры, само собой) убивали. Сделать что-то иное не было никакой возможности. Оборотни бросались на людей с единственной целью — убить. Когда вождь приказал поймать тварь во что бы то ни стало, погибли сразу три охотника, пантера же ушла в джунгли, где была выслежена и убита разозленными гибелью друзей кушитами. Жены погибших чуть не растерзали вождя, и с тех пор (а это случилось на первый день затворничества шамана) он предпочитал отсиживаться в своем жилище.

Даина под впечатлением всех последних событий полностью ушла в себя. Она почти ничего не ела и не разговаривала. Просто, скрючившись, сидела в углу хижины и смотрела в одну точку. Все попытки киммерийца ее растормошить не увенчались успехом. В конце концов, варвар оставил ее в покое, благоразумно решив, что время ей поможет. По крайней мере, не канючит и не путается под ногами...



На четвертый день Конана разбудили еще до восхода солнца

— Вставай, белый человек, шаман тебя зовет.

Конан протер глаза и побежал к Мтомбе.

Шаман сидел на полу перед алтарем, спиной к входу, скрестив ноги, как принято у жителей Восхода. На алтаре что-то дымилось, но запаха дыма варвар не почувствовал. Зато он почувствовал одуряющий тяжелый запах мертвечины. Так пахнет если разрыть могилу недавно умершего, чье тело еще не успело окончательно сгнить. Конана едва не вывернуло вчерашним ужином. Борясь с приступами тошноты, он подошел к Мтомбе.

— Встань поближе к алтарю, я зажег ароматические палочки, там тебе будет полегче. — В голосе шамана не было никаких чувств, только усталость. Конан сказал бы, смертельная усталость.

Действительно, у алтаря киммерийцу стало лучше, хотя он не любил сладковатый, приторный дым стигийских храмовых благовоний, а это были именно они. Чуть отдышавшись, он посмотрел на Мтомбу и вздрогнул, не сумев сдержаться. Глаза варвара привыкли к темноте, и он увидел, каким стал шаман за прошедшие три дня. Казалось, он постарел раза в два, если не больше. На Конана смотрел абсолютно седой старик, жутко осунувшийся, с глубоко запавшими глазами и серой кожей.

— Я стал мертвее мертвого, Конан, — медленно начал он. — Три дня я был на Серых равнинах. Был и вернулся. Я видел и познал запретное



для смертных и, как видишь, я плачу свою цену. Сейчас я еще не совсем здесь, и только знания древних стигийских трактатов, переплетенных в человеческую кожу, что я видел у Тот Амона, удерживают меня на границе с таким уютным безумием. И я еще не знаю, куда я шагну...

Мтомба замолчал и заговорил снова не раньше чем через полчаса. Все это время Конан стоял, боясь шелохнуться, и напряженно ждал продолжения. Он вполне понимал, что вряд ли это все, что ему хотели сказать

— На Серых равнинах я нашел дух ведьмы. Мы говорили и сражались, сражались и говорили, говорили и сражались... — Шаман опять замолчал, на этот раз всего на четверть часа.

— Я проиграл... Проклятие умрет лишь когда все женщины моего племени станут Черными Молниями Мщения и, свершив его, умрут во славу Сожженной. Или когда кровь женщины с белыми волосами, что пришла с сыном Полночи, прольется на месте казни...

Тут Конан возмутился:

— Да ты совсем спятил! Предлагаешь принести Даину в жертву ненормальному духу? Не позволю! Лучше пусть все ваши девицы превращаются в пантер и сдохнут — других потом себе найдете.

— Киммериец, я знал, что ты вряд ли согласишься... — все тем же ровным голосом проговорил Мтомба. — Но все-таки подумай: одна жизнь или несколько сотен?

— Приди в себя, колдун! Что ты там бормо-



чешь? Тебе сейчас нужен глоток доброго вина, а потом обязательно следует хорошенько поспать. Когда придешь в себя, поговорим. — И киммериец направился к выходу.

— Подумай, Конан. До завтрашней зари у тебя есть время...

— Подумаю... — буркнул варвар и вышел на свежий воздух

* * *

Хотя шаман давал ему время до зари, Конан не спешил просыпаться. Его разбудил вождь за час до полудня. Спросонья киммериец долго не мог понять, чего от него хочет этот кушит. Оказывается, полчаса назад воины обнаружили очередную жертву проклятия, всего в тысяче шагов от деревни, и уже без головы. Причем голову найти так и не смогли. Люди шепчутся, что это работа Великого Охотника. Не мог бы Конан взять ее смерть на себя? Чтобы пресечь дурные разговоры...

— Ну и как, интересно, я это сделаю? — хмыкнул киммериец. — Головы-то у меня нет! А люди спросят: куда ты дел голову? Что мне на это отвечать? Съел? Или закопал на всякий случай? Нет, в этой аванюре не участвую.

Вождю пришлось уйти.

Даина по-прежнему сидела в углу. Казалось, что за последние два дня она даже с места не сдвинулась. Конан задумчиво покачал головой, но трогать девушку не стал. Если не выгорит его



задумка, пусть лучше ничего не понимает, когда ее резать поведут. Другого выхода все равно не будет. И дело тут вовсе не в желании или нежелании самого варвара. Когда кушиты узнают, как можно снять проклятие, они и разрешения спрашивать не будут, а он не бог, чтобы в одиночку расправиться с целым племенем. Как сражаются чернокожие, он хорошо знал...

Конан позавтракал и пошел к шаману.

Сегодня Мтомба выглядел лучше, но ненадолго. Запах мертвечины почти исчез, во всяком случае, уже не так раздражал. Когда кушит заговорил, киммериец понял, что прежний «неправильный» шаман возвращается. Медленно, с трудом, но возвращается...

— Ну что, Конан, надумал чего-нибудь? — с тяжелым вздохом спросил чернокожий, с трудом поднимаясь со своего ложа. — Я буду очень рад, если мы обойдемся без большого кровопролития...

— Кровопролития не будет, — отрезал Конан. — Я решил испробовать одну идею, если не получится — забирайте Даину. Противиться не буду.

— И что ты задумал? — слабым голосом спросил Мтомба, пытаясь встать на ноги. Получалось у него плохо.

— Ты говорил, что сражался с духом и проиграл, так?

— Так.

— Я тоже хочу попробовать.

— Киммериец, в своем ли ты уме? Если меня, знакомого с магией не понаслышке, эта попытка



чуть не убила, то ты ее точно не переживешь! Если выживет твое тело, то, скорее всего не выдержит твой разум. Ты навсегда останешься слюнявым идиотом, гадающим под себя!

— Хватит, хватит! — поморщился Конан. — Я услышал твое предупреждение, но намерен поступить, как задумал. Если ты, конечно, сможешь мне помочь... — И он выжидательно посмотрел на шамана.

— Помочь я тебе смогу, но предупреждаю еще раз...

— Заткнись! — грубо оборвал варвар. — Если можешь — начинай! Нечего сопли распускать.

Шаман молча доковылял до алтаря, пошарил за ним и достал маленькую коробочку.

— Помнишь, как я вчера сидел? — И, получив утвердительный кивок, продолжил: — Садись вот здесь... Поближе... Вот так. Бери.

— Что это? — спросил киммериец, осторожно взяв коробочку.

— Лотос.

— Черный? — с явным унынием спросил Конан, которому доводилось видеть людей, приравнявшихся к этому зелью. Больше всего они напоминали стигийских мумий...

— Нет, конечно! — возмутился шаман. — Всего лишь желтый. Черный употребляют или законченные идиоты, или очень сильные маги, которые могут подчинить или хотя бы сдержать его действие. Тот-Амон, например, иногда использовал черный лотос. Но очень осторожно. А мне до него далеко.



— И что мне с ним делать? — спросил слегка успокоенный варвар, осторожно открывая коробочку.

— Возьми небольшую шепотку и вдохни. Остальное сделаю я. Только предупреждаю...

— Все, заткнись! И делай свое дело! — оборвал киммериец и вдохнул пыльцу желтого лотоса.

Мтомба тут же начал монотонно мычать, сначала тихонько, потом все громче и громче. Через какое-то время в рваную мелодию начали вплетаться громкие гортанные выкрики... В руках шамана появился бубен. Дикий ритмичный стук постепенно становился все громче и громче, удивительным образом сочетаясь с пением. Конан чувствовал его каждым кусочком своей плоти. Волосы киммерийца встали дыбом, как во время сильной грозы, а по спине потек холодный пот. Песнопения шамана были древними, как и его род. Первобытная исконно-природная магия захлестнула душу варвара. Все предметы вдруг стали отчетливо видны и заиграли удивительно свежими красками, хижина стала увеличиваться в размерах.

Песнь Мтомбы превратилась в дикий, нестерпимо громкий рев и вдруг, когда варвар думал, что уже не выдержит, резко оборвалась. В наступившей тишине тихо ударили в бубен. Один раз.

С этим ударом киммериец провалился сквозь землю. Он падал стремительно, успев лишь заметить быстро удаляющееся пятнышко слабого света над головой.

А потом пришла Тьма.



* * *

Дальнейшее Конан запомнил плохо. И очень не любил вспоминать. Ему повезло, что прагматичный киммерийский разум просто не воспринимал большую часть происходящего. Иначе он просто не сумел вернуться обратно. И так варвару пришлось очень нелегко.

И когда Эмерт станет требовать подробностей падения сквозь Тьму, Конан ответит:

— Там не было времени. Там не было плоти, там не было ничего привычного, земного. Жуткий холод, нечеловеческое одиночество... Сначала... — Он тяжело вздохнет и продолжит: — Потом было гораздо хуже, но я почти ничего не помню, а то, что помню, невозможно описать человеческим языком. Да и не нужно. Тот, кто там не был, все равно не сможет понять, пока сам не упадет в Бездну. Мтомба был прав. Это не для живых. Чтобы пройти сквозь Тьму, надо стать мертвее мертвого...

И Эмерту покажется, что черты киммерийца заостряются, а загорелая кожа приобретает мертвецкую синеву. Налетевший внезапно порыв ледяного ветра пригнет веселое пламя костра к самой земле и почти погасит. В этот краткий миг оборотень пожалеет, что так яростно выпрашивал подробности. Он поймет, что эти тропы и это знание не для людей. Больше Конан ничего не скажет. Варвар будет долго сидеть и смотреть куда-то вдаль, разглядывая там одному ему видимые картины. Лишь через полчаса, которые для



Эмерта покажутся вечностью, наваждение пройдет, Конан встряхнется и продолжит рассказ...

* * *

...Конан долго летел к своей цели. Ему казалось, что он прожил кучу жизней — сто или тысячу, а может и больше — прежде чем осознал, что находится в сером кокофе, сотканном из тумана. Находится не один. Перед ним колыхалось странное облако, почти не отличимое от плоти кокона, но Конан знал, что перед ним душа ведьмы.

— Ты пришел, синеглазый сын Киммерии. — голос шел отовсюду, бесплотный и равнодушный, — Я знала, что ты попытаешься спасти девочку и снять проклятие. У Мтомбы не получилось... Но ты зря шел сквозь Тьму. Я уже сказала свои условия. И не собираюсь их менять. Умирать больно. Умирать на костре очень больно. Боль — все что у меня осталось. Я хочу, чтобы мои палачи тоже испытали ее.

— Я понимаю тебя, — сказал Конан. — Но причем здесь Даина?

— Ты поступил гораздо хуже, чем мои убийцы. Они меня ненавидели, а тебе было все равно. А нет в мире ничего, страшнее равнодушия. Ты сполна расплатишься за него. Ты уже расплачиваешься, но я поднимаю цену. Даина должна умереть от твоей руки. Только тогда проклятие потеряет силу, а я обрету покой.

И тут Конан разозлился. А вместе со злостью вдруг ощутил, что стал самим собой.



— Ах ты, дочь шлюхи и осла, да как ты смеешь, мертвый кусок дерьма, угрожать и ставить условия мне, живому, что проделал такой длинный путь через проклятую Тьму и один Сет знает что еще... — Киммериец ругался долго и со вкусом. Уж что-что, а это искусство он в совершенстве освоил еще на шадизарском Дне. Отведя душу, Конан заметил, что дух ведьмы заметно съежился и стал... прозрачней, что ли?

— Прекрати! — Голос был такой тихий, что киммериец его едва слышал. — Здесь нельзя!

— Ах, нельзя! — обрадовался варвар. — Ну, получи тогда еще!

— Нет! Пожалуйста... Я таю!

— Ну, и хвала Крому! Может, и проклятие растает вместе с тобой! — Конан со злой радостью стал ругаться дальше, пока не услышал еле слышимый шелест:

— Я сняла проклятие... Уходи.

— С чего это я должен верить? — удивился Конан. — Может ты меня обманываешь, чтобы сохранить хотя бы это дурацкое подобие жизни.

— Клянусь своей душой, единственным, что у меня осталось, что я сняла проклятие и останусь неотмщенной. Пусть боги будут мне свидетелями.

В тот же миг в голове киммерийца зазвучал утробный, гулкий бас:

— Она говорит правду, сынок. Возвращайся домой!

В следующее мгновение Конан очнулся в хижине Мтомбы. Чувствовал он себя как после недельной пьянки. Неимоверно болело все тело,



особенно голова. И еще поганный привкус во рту... Киммериец и с трудом поднялся. Шаман удивленно смотрел на него.

— Ты меня поражаешь, Конан. Я, честно говоря, уже и не надеялся. Тебя не было пять дней.

— Бывает, — глубокомысленно заметил киммериец и добавил: — Я снял проклятие!

* * *

1286 год, Аквилония

— Вот, собственно, и все! Давай спать, а то рассвет уже близок.

— Но ты же не закончил! Что было дальше?

— Дальше все было скучно и обыденно. Кушиты закатали пир в мою честь, где я упился до зеленых демонов в глазах, чтобы побыстрее забыть Тьму. Пир продолжался три дня, а на четвертый я, страдая от похмелья, в сопровождении почетной стражи из пяти человек отправился в Жадину, куда и прибыл через три дня. В Жадине я благополучно завербовался на аргосское торговое судно и через еще два дня был уже в море. Но это уже другая история. Давай, наконец, спать!

— А что случилось с Даиной?

— С этой дурочкой? Она пришла в себя и заявила желание остаться с кушитами, а конкретно с Мтомбой! Заявила, что в Немедии ее никто не ждет и ей там делать нечего. Хотя раньше утверждала обратное. Женщины непознаваемы, что с них взять...

На некоторое время установилась блаженная



тишина. Конан задремал и даже начал слегка похрапывать, но настырный Эмерт снова не дал ему уснуть:

— Конан, а Конан? Скажи, а кто отрезал голову той кушитке? Неуловимый Великий Охотник?

— Нет, — сонно буркнул киммериец. — Дикие оборотни из Пограничья, которые порядочному человеку поспать не дают. Уймись! В следующий раз про Охотника дорасскажу. Обещаю.

Успокоенный Эмерт закутался в одеяло и тут же заснул. А Конан еще какое-то время лежал с открытыми глазами и тихо улыбался.

Небо было удивительно звездным.



СОДЕРЖАНИЕ

ЧАРЫ КОЛДУНЬИ

Дуглас Брайан

В Стигии не только маги.....	5
Голодный золотой божок.....	133
Запах мертвых.....	257
Остров Забвения.....	306
Ледяное безмолвие.....	348
Арт Потар. Чары колдуньи.....	390



По вопросам оптовой-покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас
Потар Арт

**КОНАН
И ЧАРЫ КОЛДУНЬИ**

Руководитель проекта *Амитрий Ивашков*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Обложка: *Владимир Савватеев*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astrub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
conan@sp.ru

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

САЖА О КОНАНЕ

КОНАН И САУРА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛУК ЗВЕЗДА 65	КОНАН И СЕНТЕЛ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОЛА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПРСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСАДНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕПЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИЦЕЛ ЗВЕЗДА 74	КОНАН И ЖЕРМУЖИ ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СКОРПИОН ТАРАНИИ 77	КОНАН И НЕКОРМОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦА ЧУЛОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИК МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВАЛАНКА АЕСА 82	КОНАН И НАТРАДА НАЗНИКА 83	КОНАН И АЛЕГОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИИ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЯ 89	КОНАН И ВОЛЧЬИ БАШНИ 90
КОНАН И КЛЕТКА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕТР МАГА 92	КОНАН И ЖОЛОТЫЙ ПАНТЕРА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ 94	КОНАН И КРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАЯНЫ ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАЗ ТАЛИСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛАУНЫИ 99





ISBN 5-17-023409-0



9 785170 234097